ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXIV.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1807.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ, 1807.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Статья для неженатыхъ стариковъ.

Honeſt men marry ſoon, wiſe men not at all!

Честной человѣкъ женится рано, умной — никогда!

Хотя многіе вѣровали въ сіе правило; хотя многіе нынѣ еще вѣруютъ и впредь будутъ вѣровать въ него; хотя защитники его торжественно ссылаются на Платона, Эпаминонда, Канта и Богъ вѣдаетъ на кого: однакожь, съ дозволенія упомянутыхъ славныхъ мужей и не во гнѣвъ имъ, скажемъ, что правило сіе служитъ доказательствомъ ежели не совершенной развращенности сердца, ежели не нарушенія всѣхъ законовъ естественныхъ и гражданскихъ, то по крайней мѣрѣ заблужденія ума человѣческаго. Удержимся отъ упрековъ:

мы отнюдь не хотимъ теперь сочинять Филиппику; притомъ же боимся, чтобы неженатые старики не поступили съ нами, какъ Вакховы Менады съ бѣднымъ Орфеемъ. Мы намѣрены, безъ брани, безъ укоризнъ, только показать симъ господамъ, что люди весьма неглупые, даже самые законодатели не уважали любимаго ихъ правила. Заглянемъ въ сѣдую древность, выпишемъ нѣкоторыя историческія событія. Можетъ быть статья сія кому-нибудь подастъ случай написать полную *Исторію неженатыхъ стариковъ*, которая могла бы послужить къ объясненію исторіи всего человѣческаго рода.

Никто столько не радовался многочисленнымъ потомствомъ, никто такъ не желалъ его, какъ восточные народы. *Евреи* древнѣйшіе изъ народовъ, намъ извѣстныхъ, жившихъ въ благоустроенномъ государствѣ, только въ кругу многочисленнаго семейства, среди дѣтей и внуковъ почитали себя совершенно счастливыми. Въ ихъ писаніяхъ и народныхъ пѣсняхъ такое счастіе именуется Божіимъ благословеніемъ, наградою за добродѣтель. „Чада твои суть даръ Божій, и плодъ чрева есть его даяніе.“ Дѣти уподобляются стрѣламъ, предохраняющимъ отъ стыда и поношенія. „Жена твоя будетъ плодородна, какъ лоза виноградная, дѣти твои будутъ какъ отрасли маслич-

ныя.“ Великое число дѣтей вмѣнялось отцамъ въ великую славу. Сколько можно бы здѣсь наименовать извѣстнѣйшихъ мужей, изъ коихъ у каждаго было дѣтей по пятидесяти, шестидесяти и *болѣе*! По закону Іудейскому слова: *растите*ся, *множите*ся и *наполняйте землю*, относились до всѣхъ мущинъ. Кто достигши двадцатилѣтняго возраста не женился; тотъ ничѣмъ не могъ оправдаться въ винѣ своей, кромѣ природной неспособности къ дѣторожденію. Безбрачное состояніе почиталось у нихъ зазорнымъ, какъ нынѣ у Мавровъ и Негровъ, по свидѣтельству писателей. Между узаконеніями Раввиновъ находится слѣдующее: „У кого нѣтъ жены, тотъ не человѣкъ.“ Въ Талмудѣ написано: „Кто нарушаетъ заповѣдь о размноженіи человѣческаго рода; того почитать убійцею. „А кто — сказано въ другомъ мѣстѣ — прибавитъ къ Израильскому народу хоть одну душу; тотъ нѣкоторымъ образомъ сдѣлается основателемъ міра.“ — Господа неженатые, для которыхъ сочинена статья сія, приглашаются упомянутыя узаконенія прочесть въ подлинникѣ на *Халдейскомъ* языкѣ, для препровожденія времени. Сыскать ихъ можно въ Gemara Babyl. tit. Jabimoth c. b. f. 63., также въ Beresch. rabba par. 34, наконецъ въ Halach. ischoth. c. 15.

Нѣтъ сомнѣнія, что Персы держались подобныхъ правилъ. Цари ихъ, управлявшіе народомъ воинственнымъ, заботились о населеніи областей. По свидѣтельству древнихъ писателей, Геродота, Страбона и другихъ, Персы кромѣ законныхъ женъ имѣли еще многихъ наложницъ, для размноженія потомства. Царь ежегодно дарилъ тѣхъ подданныхъ своихъ, которые раждали многихъ сыновъ. Персы думали, что силы надобно искать во множествѣ.

Платонъ въ Республикѣ своей дозволяетъ вести жизнь безбрачную только до тридцать пятаго года; срокъ весьма отдаленной! Онъ опредѣляетъ, чтобы нарушители сего правила платили пеню богинѣ Ирѣ отъ тридцати до ста драхмъ, смотря по достатку; а для точнѣйшаго исполненія требуетъ, чтобы пеню сію взыскивали жрецы; очень умная предосторожность! Кромѣ того неженатые старики лишались права на почтеніе молодыхъ людей; и еслибъ такой старикъ поссорился съ юношею, то всякой гражданинъ долженствовалъ вступиться за послѣдняго. — Здѣсь видимъ примѣръ, что философы не всегда исполняютъ то, чему другихъ учатъ; ибо Платонъ, не одобряя безбрачной жизни, самъ не рѣшился жениться. Въ этомъ онъ походитъ на славныхъ въ новѣйшія времена защитниковъ сво-

боды, которые были тираннами у себя дома. Сказываютъ, что въ Англіи Герцогъ Ричмондъ крѣпко стоялъ за вольность Американцевъ, и очень часто билъ своего приказщика. Замѣчаніе Лихтенбергово справедливо: „Великая розница между *наставникомъ мудрости* и *человѣкомъ мудрымъ*. Бываютъ люди, которые не имѣя здраваго ума прекрасно разсуждаютъ о правилахъ мудрости, точно какъ физіологъ, имѣя совершенное понятіе о составѣ тѣла, самъ можетъ быть весьма слабъ тѣломъ. Великіе наблюдатели человѣческаго ума не всегда были хорошими исполнителями благоразумныхъ правилъ.“ — Но пойдемъ далѣе.

Чего Платонъ хотѣлъ только, то у Спартанцовъ давно уже было наблюдаемо. Они отнимали у неженатыхъ стариковъ права на почтеніе молодыхъ, и сверхъ того заставляли ихъ подвергаться крайнему презрѣнію; такъ напримѣръ Деркиллида, человѣка въ прочемъ достойнаго, принудили зимою нагаго босикомъ ходить по рынку и пѣть стихи, нарочно на сей случай сочиненные. Этого не довольно; въ праздничной день женщины привели его къ одному жертвеннику, и надавали ему множество толчковъ и пощечинъ. Столь праведное наказаніе достойно вниманія нашего прекраснаго пола, достойно того, чтобъ нынѣшнія женщины,

для блага человѣческаго рода, ввели его во всеобщее употребленіе! . . . Возвратимся въ Спарту. Юношамъ дозволено было смотрѣть на борьбу обнаженныхъ дѣвушекъ, чтобы симъ зрѣлищемъ возбудить въ нихъ охоту къ женитьбѣ. Неженатые старики не имѣли права тамъ присутствовать; и дѣльно! ибо возбуждать въ нихъ охоту къ бракосочетанію было уже поздно, а любоваться столь пріятнымъ зрѣлищемъ они почитались недостойными. Чтобы сдѣлать брачное состояніе почтеннѣйшимъ, установлено было робкихъ воиновъ, убѣжавшихъ съ поля сраженія, лишать права на женитьбу. Если же они были женаты, то дѣйствіе закона исполнялось надъ ихъ сынами. Спартанцы, не желая, чтобы трусы производили на свѣтъ подобныхъ себѣ, въ прочемъ ободряли брачное дѣторожденіе. Гражданинъ, родившій трехъ дѣтей, былъ свободенъ отъ военной службы; а у кого было ихъ четверо, тотъ не платилъ никакихъ податей, и не зналъ никакихъ повинностей общественныхъ.

Хотя мало извѣстны намъ законы Ѳиванъ; однакожь можно утвердительно сказать, что они такъ думали о неженатыхъ, какъ Спартанцы: иначе, Пелопидъ не имѣлъ бы причины укорять друга своего Эпаминонда, что онъ мало заботился о благѣ оте-

чества, и не оставилъ по себѣ ни одного сына. Когда при Мантинеѣ одинъ пріятель рыдая воскликнулъ: „Увы! ты умираешь бездѣтенъ!“ Эпаминондъ утѣшая его произнесъ: „Какъ? я оставляю по себѣ двухъ прекрасныхъ дочерей — побѣды при Левктрахъ и при Мантинеи.“ Если бы Ѳивяне думали иначе о брачномъ союзѣ и о дѣтяхъ; то пріятель Эпаминондовъ не печалился бы, что славный сей полководецъ умираетъ бездѣтнымъ.

По исторіи не видно, были ль въ другихъ Греческихъ областяхъ подобныя узаконенія для неженатыхъ; однакожь нѣкоторымъ образомъ сюда надлежитъ причислять законъ Аѳинской, хотя по другой причинѣ сдѣланной, какъ свидѣтельствуетъ Динархъ современникъ Демосѳеновъ, законъ, по силѣ котораго неженатый и бездѣтный гражданинъ объявляемъ былъ неспособнымъ къ должности стряпчаго и военачальника. Въ прочемъ Аѳинскіе законодатели ясно опредѣлили награды плодороднымъ супругамъ; а въ случаѣ опустошеній, войною или моровою заразою причиняемыхъ, дозволяли даже многоженство. Хотя со временъ Кекропса не было обыкновенія имѣть по двѣ жены; однакожь въ законѣ именно упомянуто, что для предупрежденія недостатка въ людяхъ и для размноженія народа при одной закон-

ной женѣ дозволяется раждать дѣтей и съ посторонними. Аѳеней повѣствуетъ, что Сократъ жилъ въ союзѣ не съ одною только Ксантиппою, но еще и съ Миррою. Трагикъ Эврипидъ — которой, какъ говоритъ Софоклъ, въ сочиненіяхъ своихъ не любилъ женщинъ, а въ спальнѣ обходился съ ними очень ласково — по свидѣтельству Авла Геллія, имѣлъ двухъ женъ въ одно время. Не смотря на то, должно признаться, что Аѳиняне брачную жизнь почитали тягостію, отъ которой старались удаляться, вѣроятно потому, что имѣли невыгодное мнѣніе о женскомъ полѣ, или что не знали умѣренности въ любовныхъ забавахъ. Поздравляемъ нашихъ господъ холостяковъ съ такими славными предшественниками!

Ежели основатель Рима далъ мужьямъ власть безпредѣльную надъ женами; ежели онъ предоставилъ первымъ волю въ жизни и смерти послѣднихъ; ежели распространилъ власть отцовъ надъ дѣтьми до столь далекихъ предѣловъ, до которыхъ она никогда и нигдѣ не простиралась: то все сіе сдѣлано для того, чтобъ заохотить Римлянъ ко бракосочетанію и дѣтородству. Но законъ преемника Ромулова, законъ мудраго Нумы лучше соотвѣтствовалъ намѣренію законодателя. По его опредѣленію, женатый сынъ уже не зависѣлъ отъ безчеловѣч-

ной власти, которая отцу давала право даже продавать дѣтей своихъ.

Послѣ Царей, Сенатъ Римскій всячески старался заохочивать гражданъ къ женитьбѣ и отвращать отъ безбрачія. Римскій Ценсоръ при смотрѣ обыкновенно спрашивалъ каждаго гражданина: „Скажи по совѣсти, женатъ ли ты (ex animi tui sententia, tu uxorem habes)?“ Ежели вопрошаемый отвѣчалъ — *нѣтъ*; то подвергался лишенію своего званія, или долженъ былъ взносить денежную пеню въ казну супружескую (aes uxorium); напротивъ того представившіе многихъ дѣтей получали награды и преимущества.

Пышность, расточительность и всеобщая развращенность нравовъ опровергли всѣ законы, на которыхъ мудрые праотцы утвердили прочное благоденствіе Рима. Отвращеніе отъ брачной жизни ускорило паденіе великой Республики. Послѣ покоренія Филиппа Македонскаго (въ 557 году отъ сов. Р.) женская роскошь произвела волненіе въ народѣ, и вышла изъ предѣловъ, которые по закону Оппіеву назначены ей были во время войны Пунической (*), и въ которыхъ

(*) Ливій въ книгѣ XXXIV пишетъ, что законъ Оппіевъ запретилъ женщинамъ носить золота болѣе половины унціи, надѣвать

Катонъ тщетно старался удержать ее. Не льзя повѣрить, до какой степени простиралась пышность Римлянокъ. Хотя въ прочемъ не могли онѣ превзойти мужей своихъ въ щегольствѣ и расточительности; однакожь удержали при себѣ право украшать руки, шею и уши дорогими камнями и жемчугомъ. Во время Силлы назначена была цѣна тому и другому; но послѣ третьяго Помпеева тріумфа и послѣ покоренія Египта платили за нихъ страшныя суммы. Цезарь за одну жемчужину, купленную для Сервиліи, матери Брутовой, далъ шесть милліоновъ сестерцій; а славную жемчужину, которую Клеопатра въ уксусѣ развела, цѣнили въ шестьдесять милліоновъ. До Сенеки Римлянки носили въ ушахъ только по одной большой жемчужинѣ въ золотой оправѣ; напротивъ того при немъ каждая серьга состояла уже изъ трехъ большихъ жемчужинъ, и каждая жемчужина стоила богатаго помѣстья. Уборъ, въ которомъ Лоллія Павлина, при Калигулѣ, являлась на обыкновенныхъ пиршествахъ, былъ дороже полумилліона нынѣшнихъ талеровъ. Плиній жалуется, что дорогіе камни, жемчуги и пряныя зелья ис-

---

разноцвѣтное платье и ѣздить по городу въ колесницѣ, выключая случая торжественнаго богослуженія.

тощили Римскую Имперію, и что сокровища ея погребены въ Индіи и Аравіи. Къ такой чрезвычайной пышности и расточительности на уборы, изъ коихъ здѣсь только часть упомянута, присоединилось, какъ легко догадаться можно, крайнее распутство. Сотни тысячь невольниковъ, приведенныхъ въ Италію изъ городовъ и странъ опустошенныхъ, распространили новыя до толѣ неизвѣстныя искуства, и развратили гражданъ, а особливо младшихъ. Сыновья и дочери знатнѣйшихъ отцовъ начали прилѣжно учиться не только играть на мусикійскихъ орудіяхъ, но даже отличаться непристойнѣйшими тѣлодвиженіями въ пляскѣ. Сципіонъ Эмиліанъ покоритель Карѳагены долго не хотѣлъ вѣрить, что въ отечествѣ его завелось распутство; но посѣтивши нѣкогда сіи училища, къ чрезвычайному своему удивленію нашелъ *пять сотъ* мальчиковъ и дѣвочекъ, съ которыми забавлялись распутнѣйшіе сластолюбцы, и изъ коихъ многіе дѣлали столь гнусныя тѣлодвиженія, что всякой невольникъ, еще не совсѣмъ развращенной, никакъ бы не захотѣлъ быть ихъ подражателемъ. Жены и дочери знатнѣйшихъ особъ не уступали мужьямъ, отцамъ и братьямъ своимъ въ безстыдствѣ и развращенности. Душевныя и тѣлесныя способности ихъ, заблаговременно приготовленныя къ нѣгѣ, служили для чувствен-

ныхъ удовольствій. Римлянки умѣли пѣть, играть на мусикійскихъ орудіяхъ, плясать, шутить и пріятно болтать не только на своемъ природномъ языкѣ, но и на Греческомъ, умѣли столь же хорошо, какъ *ученѣйшіе* молодые друзья Греческихъ сластолюбцовъ. За то уже ни одна изъ нихъ не имѣла понятія о хозяйствѣ. Въ числѣ сообщниковъ Катилины было множество женщинъ; имъ поручено было подущать рабовъ, зажечь городъ, склонить на свою сторону мужей, или умертвить ихъ въ случаѣ неудачи.

Мы должны были напомнить о сихъ произшествіяхъ, чтобы изъяснить, почему Римляне уклонялись отъ женитьбы. Удивительно ли, что они страшились брачныхъ узъ, когда женщины вели праздную жизнь, не заботились о домашнемъ благоустройствѣ, единственно помышляли о нѣгѣ и расточительности, когда онѣ искали супружества не для того чтобъ исполнять обязанности его, но чтобы удобнѣе пресыщаться постыдными утѣхами, чтобы сіять нарядами, чтобы дарить своихъ любовниковъ? Пріятно ли было мужу удовлетворять безконечныя прихоти жены своей, которая безпрестанно требовала отъ него рабовъ, рабынь, золота, багряницъ, дорогихъ камней? Пріятно ли было имѣть жену, окруженную толпами распутныхъ угодниковъ? Развѣ не льзя

было замѣнить недостатокъ брачныхъ удовольствій другими, которыя на каждомъ шагу встрѣчались? развѣ Греки не передали Римлянамъ способовъ постыднѣйшимъ образомъ удовлетворять скотскія вожделѣнія? При томъ же какими выгодами пользовались богачи женатые и бездѣтные! За ними по пятамъ ходили толпы льстецовъ и объѣдалъ, которые служили имъ усердно, предупреждали всѣ ихъ прихоти, и даже подавали голоса при выборахъ въ ихъ пользу, нетерпѣливо ожидая богатаго наслѣдства.

При Ценсорѣ Метеллѣ склонность къ безбрачію усилилась чрезвычайно. Въ 622 году отъ созданія Рима онъ произнесъ къ народу рѣчь, въ которой всѣми средствами вишійства старался привлечь гражданъ къ женитьбѣ и дѣторожденію. Авлъ Геллій сохранилъ для насъ отрывокъ сей рѣчи: „Если бъ можно было, Римляне, обойтись „безъ женъ законныхъ; то каждой изъ „насъ охотно уволилъ бы себя отъ сего „бремени. Но природа такъ опредѣлила, „что намъ и съ ними жить не очень пріятно, и безъ нихъ обойтись никакъ не „можно. Предпочтемъ же благо общее кратковременному удовольствію.“ Но зараза уже распространилась, и зло сдѣлалось неизлѣчимымъ, вопреки всѣмъ стараніямъ искоренить его. Цезарь бывши Консуломъ

раздѣлилъ Кампанскія поля двадцати тысячамъ гражданъ, которые имѣли по трое дѣтей и болѣе. Принявъ званіе Диктатора, онъ не менѣе старался о народонаселеніи; ибо при всеобщей склонности къ безбрачію, при всеобщемъ распутствѣ, еще междоусобная война отняла 80,000 гражданъ у Республики.

Августъ видѣлъ, сколь нужно было исправить нравы, истребить распространившееся безстыдство, и поддержать Имперію, клонившуюся къ упадку. При торжествованіи игръ столѣтнихъ въ 737 году, онъ хотѣлъ возстановить законъ Юліевъ о женитьбѣ, представилъ Сенату, какую важную пользу обѣщаетъ сіе предпріятіе, и прочиталъ упомянутую рѣчь Ценсора К. Метелла: но почтенные отцы явно воспротивились Августу; жаловались на распутство молодыхъ людей обоего пола, и намекали на тѣсное знакомство самаго Цезаря со многими Римскими гражданками. Удивительно, что и послѣ того нѣсколько разъ Августъ встрѣчалъ препятства въ своемъ намѣреніи.

Въ 757 году ему удалось возстановить законъ Юліевъ, не иначе какъ умягчивъ наказанія и увеличивъ награды. Не смотря на то, законъ сей для многихъ былъ столько

несносенъ, что Августъ едва могъ поддержать его своею силою. Въ 762 году, при торжествованіи побѣды надъ жителями Панноніи и Далматіи, рыцари неотступно просили объ уничтоженіи тягостнаго закона. Въ сіе время Августъ раздѣлилъ рыцарей на двѣ части: на одной сторонѣ поставилъ безбрачныхъ, на другой женатыхъ. Видя превосходное число первыхъ, онъ обратился къ тѣмъ, которые повиновались закону, и въ произнесенной рѣчи съ жаромъ похвалилъ ихъ, что они слѣдуютъ примѣру великихъ предковъ своихъ и самыхъ боговъ, что дозволенныя брачной жизни удовольствія предпочитаютъ постыдному распутству, и что рѣшились дать отечеству гражданъ полезныхъ. Напротивъ того укорялъ неженатыхъ, что не хотятъ поддерживать славу Римскаго имени; доказывалъ, что безбрачная жизнь хуже всѣхъ пороковъ; называлъ ихъ убійцами будущихъ племенъ, противящимися богамъ, измѣнниками и святотатцами. „Если вы любите меня — сказалъ наконецъ Августъ: если называете меня отцомъ не изъ лести, но изъ почтенія; то постарайтесь быть мужьями и отцами. Когда вы примете на себя имя отцовъ; тогда и я болѣе права имѣть буду носить оное.“

Въ томъ же году при Консулахъ М. Папіѣ Мутилѣ и К. Поппеѣ дѣйствитель-

ко подтвержденъ Юлїевъ законъ, наименованный Папїевымъ-Поппїевымъ. По силѣ сего закона, однимъ позднѣйшихъ временъ писателемъ названнаго подпорою государственною, женатымъ гражданамъ предоставлены многія преимущества, отличія и награжденія; напротивъ того неженатые лишены многихъ выгодъ. Я хотѣлъ бы выписать весь законъ сей, достойной любопытства; но довольно если господамъ неженатымъ старикамъ назову книгу, въ которой они могутъ найти его и прочитать въ подлинникѣ съ тою же пользою для себя, какую доставитъ имъ удобны упомянутыя выше статьи изъ Талмуда. Книга называется I. G. Heineccі ad Legem Juliam et Papiam Poppaeam commentarius.

Сїе узаконенїе конечно можно почитать славною эпохою въ исторїи Августова правленія; оно достойно тѣхъ похвалъ, которыя воспѣты Латинскими лириками въ честь законодателя: но по несчастїю оно было только временнымъ облегченїемъ недуга. Послѣдовавшїе Цезари иногда старались, одни болѣе, другїе менѣе, подражать Августу; но требовалось большихъ силъ для удержанїя стремительнаго потока. Сластолюбїе и склонность къ безбрачїю, возрастая часъ отъ часу болѣе вмѣстѣ съ про-

чими пороками, наконецъ довели Римскую Имперію до совершеннаго упадка.

(*Сѣ Нѣм.*)

II.

Люція Невиль.

Прекрасная дочь Ричарда Невиля, Графа Салисбури, сестра славнаго Графа Варвика, была сотворена Любовью для любви. Къ сожалѣнію, прежде еще нежели она узнала, что есть любовь, на пятьнадцатомъ году возраста выдали ее за Вестмореланда, одного ея родственника. Счастливой супругъ разумѣлъ цѣну своего сокровища, стерегъ его какъ Аргусъ, и — только. Онъ мучилъ молодую жену ужасною ревнивостью, и чрезмѣрною страстію оправдывалъ несносные свои поступки. Ревнивость прощается любовнику; но мужъ, сочетавшійся безъ согласія другой половины, безпокойствомъ своимъ напоминаетъ права насильно присвоенныя. Вестмореландова супруга печалилась день и ночь, и свѣжія розы юности начинали увядать на щекахъ ея. Отецъ заблаговременно примѣтилъ перемѣну. Онъ предпочиталъ спокойствіе дочери выгодному супружеству. По счастію; при заключеніи брака, забыли взять дозволеніе отъ нѣкото-

рыхъ дальнихъ родственниковъ. Старой Графъ Салисбури воспользовался симъ случаемъ, и расторгъ узы брака. Вестмореландъ въ первой разъ показалъ истинную нѣжность супружескую: онъ умеръ съ печали. Но также и Люція въ первой разъ исполнила долгъ свой, и пролила нѣсколько горячихъ слезъ по несчастномъ.

Разумѣется, что слезной источникъ ея очень скоро высохъ. Люція, снова разцвѣтшая прелестями, знаменитая по своему роду, была представлена Двору подъ именемъ Леди Невиль. Мущины плѣнились умомъ ея и красотою; женщины любовались ея чистосердечіемъ и невинностію. Почитая себя вдовою, она имѣла право быть свободнѣе въ обращеніи, и свобода ея никогда не выходила изъ предѣловъ благопристойности.

Въ то время Герцогъ Глостеръ былъ опекуномъ малолѣтнаго Короля своего Генриха VI, и управлялъ государствомъ. Свѣтлая звѣзда, возшедшая на придворномъ горизонтѣ, ослѣпила глаза стараго правителя: онъ влюбился въ Люцію. Не задолго передъ тѣмъ скончалась его супруга. Горесть его исчезла, когда онъ увидѣлъ прекрасную Леди Невиль; Глостеръ о томъ только сокрушался, что по долгу правителя принужденъ былъ съ большею точностію

повиноваться законамъ приличности. Онъ умѣлъ владѣть собою, и не открывалъ любви свой прекрасной Люцїи; однакожь увѣдомилъ отца ея о своемъ намѣренїи.

Салисбури, восхищенный мыслїю сдѣлаться тестемъ правителя, подкрѣпилъ надежду стараго Глостера. Положено, до окончанїя печальнаго времени, не открывать никому принятаго намѣренїя, ни ке самой Люцїи. Старики позабыли, что Люцїя только вошла въ лѣта радости; что почитала себя полною госпожею надъ сердцемъ своимъ и надъ своею особою; что всякая женщина, не откладывая вдаль, пользуется своимъ правомъ, и что молодые мущины наперерывъ одинъ передъ другимъ искали ея благосклонности. Правда, что Глостеръ замѣчалъ всѣ ея взгляды, стараясь открыть, на кого болѣе они устремляются; но скоро успокоился, увѣрившись, что ни одинъ изъ придворныхъ, которые могли бы предложить руку свою Леди Невиль, не сдѣлали ни малѣйшаго впечатлѣнїя въ ея сердцѣ.

Эротъ, которой, по видимому, не благопрїятствовалъ Глостеру, далъ дѣламъ совсѣмъ иной порядокъ. Слѣпой божекъ сей, по обыкновенїю своему презирающїй всѣ законы, пустилъ огненную стрѣлу въ сердце Герцога Соммерсетта, которой по несчастїю

уже былъ женатъ, и не могъ найти никакой причины развестись съ женою. Люція также ощутила надъ собою власть всемощной любви, и въ первой еще разъ узнала ея силу. Только забота скрывать тайную связь принуждала безпокоиться любящихся.

Между тѣмъ урочное время печали стараго правителя минуло. Въ полномъ сіяніи знаменитаго сана, съ душею исполненною любви, нетерпѣливый Глостеръ полетѣлъ къ своей богинѣ, упалъ къ ногамъ изумленной Леди Невиль, и просилъ руки ея и сердца. Бѣдная Люція, страстно любившая Соммерсета, не ослѣпилась нечаяннымъ предложеніемъ столь выгоднаго супружества. Она просила времени для размышленія; ибо не могла никакого дать отвѣта не посовѣтовавшись напередъ съ Соммерсетомъ. Извѣстіе о семъ было для него громовымъ ударомъ. Онъ видѣлъ, какое счастіе заключалось въ семъ супружествѣ; разумѣлъ, что бракъ сей прикроетъ темною завѣсою счастливую любовь его, и что старой совмѣстникъ ни мало не помѣшаетъ наслаждаться успѣхами; сто разъ пересчитывалъ всѣ сіи выгоды, сто разъ рѣшался согласиться на сіе пожертвованіе и уговорить Люцію; опять сомнѣвался, впадалъ въ отчаяніе, и осыпалъ ее жестокими укоризнами.

Надлежало на что-нибудь рѣшиться. Разумъ одержалъ верхъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, и Герцогу Глостеру сказано, что на его предложенїе соглашаются. Едва вылетѣло слово обѣта, и въ тужь минуту начали раскаеваться. Соммерсетъ мучилъ любезную своими укрепами; требовалъ отсрочки свадьбы; каждой ласковой взглядъ, которой Леди Невиль безъ намѣренїя бросала на старого жениха своего, каждое ласковое слово ея воспламеняли ярость въ сердцѣ Соммерсета. Бѣдная Люцїя дѣлала все, чего онъ ни требовалъ.

Пока еще Герцогъ Глостеръ не открывалъ Люцїи своего намѣренїя, до тѣхъ поръ ему было сносно видѣть, что она избѣгаетъ случаевъ быть съ нимъ вмѣстѣ: но теперь получивъ права жениха, онъ уже началъ досадовать на холодность невѣсты, и замѣшательство ея казалось ему очень страннымъ. По нѣскольку разъ въ день случалось ему приѣзжать къ Люцїи и не находить ее дома; часто даже не удавалось ему свѣдать, куда она уѣхала. Когда называли ему мѣсто, въ которое Люцїя отправилась; онъ тотчасъ летѣлъ по слѣдамъ ея, и принужденъ былъ возвращаться, не видавшись съ нею. Что оставалось ему думать?

Старость любитъ подозрѣвать; любовь также — двойная мука! Глостеръ вздумалъ употребить тайныхъ наблюдателей, которые ходили по слѣдамъ Леди Невиль. Но Люцїя была осторожна и проворна; лазутчики теряли ее изъ виду, и не могли доискаться, куда она дѣвалась. Такїя донесенїя увеличили заботу жениха, которой уже не сомнѣвался въ невѣрности Люцїи. Онъ удвоилъ число соглядатаевъ, обѣщалъ имъ великую награду за открытїе, и велѣлъ, ежели найдутъ совмѣстника, тотчасъ лишить его жизни. Крайняя осторожность, и то чудеснымъ образомъ, спасала друга Люцїина отъ злыхъ навѣтовъ.

Между тѣмъ ревнивость Глостера возрастала вмѣстѣ съ любовїю. Онъ почиталъ себя обманутымъ, но не могъ освободиться отъ тяжкаго ига; хотѣлъ и боялся удостовѣриться въ истинѣ. Протекло нѣсколько мѣсяцовъ, и соглядатаи не могли ничего свѣдать объ Люцїи, которой, посредствомъ перемѣннаго платья, всегда удавалось безопасно видѣться съ Соммерсетомъ. Глостеръ получалъ донесенїя самыя необстоятельныя, темныя; осмѣлился надѣяться, и увѣрилъ себя, что невѣста его невинна.

Наступалъ день свадьбы, день ужасный для страстнаго Соммерсета. Въ послѣднее

утро, въ которое могъ еще Люцїю называть совершенно своею, онъ упросилъ ее осчастливить его свиданїемъ въ одной деревнѣ за Темзою. Леди Невиль была озабочена многими дѣлами, которыхъ благопристойность требовала отъ нее по случаю приближающагося брака; но сердце ея не могло отказать въ прозьбѣ любовнику безутѣшному. Она обѣщалась явиться въ назначенномъ мѣстѣ, и сдержала свое слово. Переодѣвшись по своему обыкновенїю для предосторожности, она въ торопливости нѣчто просмотрѣла, такъ что лазутчикъ узналъ ее, пошелъ за нею въ деревню, и поспѣшно возвратился увѣдомить жениха о счастливомъ открытїи тайны. Разъяренный Глостеръ ухватилъ шпагу, обернулся въ плащъ, вѣрнымъ и отважнѣйшимъ служителямъ велѣлъ слѣдовать за собою, и на крыльяхъ ревнивости полетѣлъ къ назначенному мѣсту.

Начинало смеркаться. Глостеръ, не заставши любовниковъ, спросилъ крестьянъ, куда они отправились и по которой дорогѣ? Ему сказано въ отвѣтъ, что незнакомые вѣроятно возвратились въ Лондонъ на лодкѣ, которая въ обыкновенные часы перевозитъ людей на другую сторону Темзы. Крестьяне не ошиблись. Леди Невиль дѣйствительно сѣла въ лодку, наполненную

множествомъ разныхъ людей, между которыми почитала себя безопасною. Напротивъ того Соммерсетъ пошелъ другою дорогою вдоль по берегу.

Глостеръ едва не задохся отъ досады, видя, что врагамъ его посчастливилось укрыться. Однакожь онъ еще не терялъ надежды. Тяжелая лодка плыла очень медленно, и только за нѣсколько минутъ отчалила отъ берега. Глостеръ вскочилъ въ легкой чолнъ, бросилъ нѣсколько золотыхъ денегъ плечистымъ гребцамъ, поплылъ быстро по волнамъ Темзы, и успѣлъ очутиться на другой сторонѣ за нѣсколько минутъ до прибытія тяжелой лодки. Между тѣмъ сдѣлалось очень темно; какъ узнать въ толпѣ народа тѣхъ, кои были надобны?

Лодка приближилась къ берегу. „Откуда ѣдете?“ спросилъ Глостеръ одного работника, которой выскочилъ на землю, чтобы привязать веревку. Работникъ назвалъ деревню. Глостеръ обрадовался находкѣ. Трудность узнать двухъ виновныхъ въ многолюдной толпѣ не удержала его ярости. Онъ рѣшился непремѣнно погубить ихъ, хотя бы то стоило жизни двадцати невиннымъ. „Колите всѣхъ безъ разбору!“ закричалъ онъ къ служителямъ, и мгновенно самъ вскочилъ въ лодку съ обнаженнымъ

кинжаломъ. Ему первая попалась женщина въ шелковомъ платьѣ, по которому онъ заключилъ, что это не крестьянка, и тотчасъ же безъ всякихъ распросовъ вонзилъ кинжалъ въ грудь ея, изрыгая брань, внушенную мщенїемъ и ревнивостью.

Эта женщина была несчастная Леди Невиль. Она узнала Глостера по голосу; получивъ рану отъ кинжала, чрезвычайно испугалась; однакожь имѣла еще столько бодрости, что для избѣжанїя другаго удара, бросилась въ Темзу. Люцїя не умѣла плавать. Одежда тогдашняго времени спасла жизнь ей; ибо юпки удержали ее на поверхности воды: въ нынѣшнемъ платьѣ Люцїя утонула бы. Однакожь юпки до тѣхъ поръ только могли быть полезны, пока не промокли насквозь; въ послѣднемъ случаѣ онѣ ускорили бы погибель. Вода несла Юлїю внизъ до Лондонскаго мосту, гдѣ увидѣлъ ее одинъ Нормандскїй корабельщикъ въ то самое время, когда она тонуть начинала. Нормандецъ возвращался на лодкѣ къ своему кораблю, стоявшему на якорѣ. Слабой лучь фонаря освѣтилъ погибающую Леди, которую честной корабельщикъ взялъ на свое судно, и по долгу человѣколюбїя оказалъ ей всевозможную помощь.

Она опамятовалась. Рана ея была не опасна; ибо рука, управляемая бѣшеною

яростію, не всегда мѣтко поражаетъ. Люція потеряла много крови, а съ кровію и любовь ея уменьшилась. Она единственно заботилась о своей безопасности. Успокоившись нѣсколько, узнала, что находится на кораблѣ Французскомъ; совершенно положилась на великодушіе своего избавителя, разсказала ему свое приключеніе, и именемъ самаго Бога умоляла его отвезти ее во Францію. Какой варваръ откажетъ въ призрѣ милой женщинѣ! Черезъ нѣсколько дней корабельщикъ поднялъ якорь, и привезъ ее благополучно на Французской берегъ.

По счастію въ то самое время пріѣхала въ Парижъ Маргарита Стуартъ для бракосочетанія съ Дофиномъ. Сія Княжна взяла участіе въ судьбѣ Люціи, которая подъ чужимъ именемъ жила потомъ у своей благодѣтельницы. Послѣ ея смерти прекрасная Люція подверглась новымъ искушеніямъ, при распутномъ дворѣ Французскомъ; но прежнія несчастія научили ее быть осторожною. Между тѣмъ обстоятельства перемѣнились въ Англіи, и Люція захотѣла возвратиться въ свое отечество. Она отправилась въ Аббевиль въ то самое время, когда Маргарита Анжу готовилась сѣсть на корабль, чтобы плыть въ Англію къ супругу своему Генриху VI. Юная Королева взяла ее съ собою, и Люція подъ ея защитою ступила на отечественную землю.

Что чувствовало сердце Люціи, когда она увидѣла милаго виновника своихъ страданій? Твердое намѣреніе вести жизнь цѣломудренную устояло ли противъ воспоминаній о минувшихъ наслажденіяхъ? Исторія не говоритъ о томъ ни слова; но еслибъ исторія и не была такъ скромною; то, я все таки ничего не объявилъ бы читателю....

Коцебу.

III.

Смертъ.

Однажды Смерть наслала въ адъ указъ,
Чтобъ весь подземный дворъ, не болѣе какъ въ часъ,
На выборъ собрался въ Сенатѣ;
А засѣданью быть въ аудіенцъ-палатѣ.
Ея Величеству былъ нуженъ фаворитъ,
Обычнѣе Министръ. Давно ужь ей казалось —
Какъ и Исторія то ясно говоритъ —
Что адскихъ жителей въ приходѣ уменьшалось.
Идутъ предъ страшный тронъ владычицы своей:
Горячка блѣдная со впалыми щеками,
Подагра чуть тащась на парѣ костылей,
И жадная война съ кровавыми глазами.

За ловкость сихъ бояръ поруки міръ и адъ;
И Смерть ихъ приняла съ уклонкой уваженья!
За н и м и, опустивъ смиренно постный
взглядъ,
Подъ мышкою таща бичи опустошенья,
Является Чума;
Грѣхъ молвить, чтобъ и въ ней достоинствъ
не сыскалось,
Запасъ порядочный ума!
Собранье всколебалось:
,, Ну! — шепчутъ — быть Министромъ ей! — "
Но сцена новая; полсотни лѣкарей
Попарно въ шагъ идутъ, и ставъ предъ
Смертью рядомъ,
Поклонъ ей! — ,,Здравствовать Царицѣ много лѣтъ!"
Чтобъ лучше видѣть, Смерть хватилась за
лорнетъ,
Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взглядомъ.
Въ сомнѣньи адъ! — какъ вдругъ пороковъ
шумный входъ
Отвлекъ Монархини вниманье.
Какъ рада! — говоритъ — теперь я
безъ хлопотъ!
И выбрала — Невоздержанье.

IV.

Пѣсенка.

Лиза, Богъ на радость
Создалъ въ свѣтъ людей;
Время счастья — младость,
Насладимся ей.

Дважды не бываетъ
Молодъ человѣкъ;
Въ скукѣ протекаетъ
Безъ любви нашъ вѣкъ.

Всѣмъ любиться должно,
Сердцу дань платить;
Цѣлой вѣкъ не можно,
Не любя прожить.

Такъ на что же время,
Милая, терять?
Безъ любви жизнь — бремя,
Вѣчно ли вздыхать?

Счастіе узнаемъ
Въ жизни сей хоть разъ;
Мы любовью таемъ,
Дорогъ каждой часъ.

Н. Грамматино.

V.

Письмо къ Издателю.

Въ немногихъ строчкахъ опишу вамъ произшествіе, достойное быть извѣстнымъ. Справедливость требуетъ, чтобы добродѣтель и нѣжное чувство получали мзду свою во всякомъ состояніи. Благородной поступокъ дворянина и крестьянина имѣетъ равное право на удивленіе, на признательность.

Во время составленія Земскаго войска въ Ярославской Губерніи, одинъ крестьянинъ взятъ былъ въ городъ для записки въ ратники по очереди. Шестидесятилѣтняя женщина, мачиха упомянутаго крестьянина, является къ Ростовскому Уѣздному Судьѣ, правящему должность Дворянскаго Предводителя, и со слезами проситъ, чтобы *пасынка оставили дома, и взяли бы меньшаго ея сына.* Такая странная прозьба заставила г-на Судью спросить о причинѣ. Крестьянка отвѣчала, что благодарность требуетъ отъ нее сей жертвы; объявила, что сей пасынокъ во все время оказывалъ ей сыновнее почтеніе; что по смерти отца воспитывалъ дѣтей ея какъ родной братъ ихъ; что нынѣ имѣетъ онъ семейство, а мень-

шой сынъ холостъ; что она между дѣтьми и пасынкомъ не полагаетъ различія, и всѣхъ равно любитъ, ибо они поведеніемъ своимъ равно заслуживаютъ любовь ея; и что наконецъ почитаетъ справедливымъ, дабы вмѣсто пасынка пошелъ служить меньшой сынъ ея, которой изъ благодарности къ брату охотно соглашается заступить его мѣсто. Сосѣди подтвердили показаніе старухи, и меньшой сынъ дѣйствительно съ охотою согласился замѣнить собою брата. — Остаюсь вашъ и проч.

11 Іюня, 1807.
Ростовъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Плаваніе эскадры къ городу Анапѣ, взятіе онаго, и обратное въ Севастополь прибытіе.

(Сообщено отъ одной почтенной особы.)

Эскадра ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Черноморскаго флота, подъ начальствомъ Его Превосходительства Г. Контръ - Адмирала и Кавалера, Семена Аѳанасьевича Пустошкина, имѣя отъ главнаго Начальства повелѣніе слѣдовать къ городу Анапѣ, который взявъ, разорить такъ чтобы Турки чрезъ долгое время не могли и помыслить о возстановленіи онаго, отправилась въ море. Величественный Россійскій флагъ, развѣваемый вѣтромъ, угрожалъ бѣдствіемъ осмѣлившемуся препятствовать его плаванію и намѣреніямъ.

Корабли, сопутствуемые благополучнымъ вѣтромъ, оставили позади себя зеленѣю-

щїеся берега Крыма, и по семидневномъ плаваніи нашемъ, 27 числа Апрѣля ввечеру, будучи въ 8 верстахъ отъ Анапы, по причинѣ наступающей темноты и по незнанію расположенїя Анапскаго рейда, легли на якорь.

На другой день поутру сигналомъ отъ Его Превосходительства велѣно эскадрѣ сняться съ якоря, и лавируя приближиться къ крѣпости. Два часа спустя, за противнымъ маловѣтрїемъ стали паки на якорь. Въ то самое время Г. Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Дандрїя посланъ къ крѣпости для переговора; подходя къ берегу, онъ просилъ стоящихъ на ономъ принять отъ него имѣющїяся письма отъ командующаго эскадры къ Анапскому Пашѣ. Турки требовали, чтобы онъ вышелъ на берегъ; но Г. Дандрїя, предвидя ихъ обманъ и вѣроломство, и примѣтя скрывающихся за пригорками Черкесъ, покусившихся сдѣлать по немъ выстрѣлъ, возвратился къ флагманскому кораблю.

По прибытїи его фрегату Воину велѣно сняться съ якоря, и для открытїя непрїятельскихъ батарей приближиться къ крѣпости, сколько глубина то позволитъ. Въ пять часовъ непрїятель открылъ бата-

рею, дѣйствующую на фрегатъ, который съ своей стороны отвѣтствовалъ сильнымъ огнемъ, и тѣмъ оную принудилъ замолчать. Командующій на эскадрѣ, опасаясь, дабы изъ крѣпости не повредили фрегата, приказалъ ему изъ подъ выстрѣловъ удалиться; но какъ совершенное безвѣтріе въ томъ возпрепятствовало, то фрегатъ гребными судами отъ оной отбуксированъ.

Въ семь часовъ вечера Командиръ брика Діаны извѣстилъ Флагмана, что Его Высокопревосходительство, Г. Адмиралъ и Кавалеръ, Маркизъ Иванъ Ивановичь де Траверзе — къ которому онъ былъ посланъ въ Ѳеодосію съ донесеніемъ, что эскадра стоитъ противъ сего города — желая быть очевиднымъ свидѣтелемъ расположенія оной при взятіи крѣпости, находится на ввѣренномъ ему брикѣ. Его Превосходительство, для донесенія Адмиралу о принятыхъ по сему дѣлу намѣреніяхъ, туда поѣхалъ, сдѣлавъ напередъ сигналъ всѣмъ господамъ командующимъ кораблей, фрегатовъ и прочихъ судовъ, собраться къ нему на корабль.

По возвращеніи его съ брика обще съ Капитанами сдѣланъ совѣтъ, слѣдствіемъ коего вооруженные барказы при офицерахъ

съ полуночи и до разсвѣта частыми выстрѣлами, попадающими въ самой городъ, привели непріятеля въ большое безпокойство; и хотя онъ палилъ по нихъ изъ пушекъ и ружей, но барказы по бывшей тогда темнотѣ ихъ избѣгли; между тѣмъ временемъ каперы успѣли промѣрять глубину, такъ что на другой день эскадра, будучи съ сей стороны безопасна, приближилась къ крѣпости почти на разстояніе пушечнаго выстрѣла.

На разсвѣтѣ сигналомъ приказано гренадерскій баталіонъ 4го морскаго полку приуготовить къ высаживанію на берегъ; а въ восемь часовъ утра прибылъ на флагманскій корабль для переговора Яничаръ-Ага (коммендантъ крѣпости). По принятіи его учтивымъ образомъ, командующій на эскадрѣ сказалъ ему, что онъ ожидаетъ отъ жителей Анапы самовольной здачи крѣпости ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА побѣдоносной эскадрѣ; въ противномъ же случаѣ они будутъ въ томъ раскаяваться. Коммендантъ отвѣчалъ, что безъ согласія Паши и народа на то рѣшиться не можетъ; и что если позволено ему будетъ ѣхать въ городъ, то онъ надѣется принять насъ въ ономъ какъ своихъ друзей, и взявъ объявленіе отъ

Его Превосходительства къ Анапскому гарнизону и жителямъ, на Россійскомъ, Греческомъ и Турецкомъ языкахъ писанное, отправился съ корабля, обѣщавъ чрезъ два часа возвратиться и дать отвѣтъ.

При его съ корабля отбытіи сигналомъ велѣно приуготовленный уже гренадерскій баталіонъ посадить на лодкахъ и барказахъ подъ распоряженіемъ флота Лейтенанта Маслова, и везти на берегъ, дабы симъ видомъ привесть коммендантa въ большій страхъ. Десантъ, подъ командою самаго Шефа, Г-на Генералъ-Маіора Говорова и полковаго Командира Г-на Полковника Бримера, немедленно былъ высаженъ на Nой стороне города въ 37 верстахъ отъ онаго, и между тѣмъ какъ эскадра вѣрованіемъ приближилась къ крѣпости, фрегату Воину велѣно подойти къ оной ближе пушечнаго выстрѣла. Когда фрегатъ сталъ въ близкомъ отъ крѣпости разстояніи, открылось тайное вѣроломство и несправедливое обѣщаніе, данное Яничаръ-Агою по прошествіи уже двухъ часовъ: ибо начали со всѣхъ крѣпостныхъ батарей по фрегату палить. Фрегатъ и бывшій на вѣтрѣ передовымъ корабль Варахаилъ по сигналу Его Превосходительства снялися съ якоря, и пришедъ въ близкую дистанцію, легли на шпрингъ; потомъ открыли сильную по крѣпо-

сти канонаду. Командующій на эскадрѣ, примѣтя мѣстоположеніе, противъ котораго стоялъ корабль, приказалъ производить пальбу брандскугелями, коими зажегъ фортштатъ и крѣпостное строеніе во многихъ мѣстахъ.

Сіе ужасное пораженіе привело непріятелей въ замѣшательство и робость; видя всю эскадру въ движеніи и готовящуюся открыть сильной огонь, они толпами изъ крѣпости выѣзжали, и поспѣшно укрывалися въ горахъ; въ сіе самое время сигналомъ велѣно дессанту, идущему уже къ крѣпости, поспѣшить для облеженія непріятеля, и для прогнанія конницы хищныхъ Черкесъ, входящихъ въ городъ и расхищающихъ имѣніе. —

Мичманъ Невѣровскій, бывши предъ симъ посланъ отъ Флагмана для занятія двухъ купеческихъ судовъ, и видя бѣгущаго непріятеля, сходно съ приказаніемъ Его Превосходительства, ворвался въ крѣпость, и на стѣнахъ оной поднялъ Россійскій Императорскій флагъ, къ коему по приказанію Адмирала посланъ съ кораблей секурсъ; баталіонъ же, облегши крѣпость съ сухаго пути, вошелъ въ севѣровосточныя ворота оной. Отраженіе Черкесовъ отъ крѣ-

пости и совершенное завладѣнїе оною продолжалось два часа. —

По взятїи сей крѣпости досталось побѣдителямъ: 86 мѣдныхъ и 12 чугунныхъ пушекъ, изъ коихъ у послѣднихъ отбивъ цапфы, бросили ихъ въ ближнїе колодцы; 500 пудъ пороху. Болѣе двухъ тысячь пудъ онаго лежало въ одномъ погребѣ близь горѣвшаго строенїя; опасаясь худыхъ послѣдствїй, велѣно было залить его водою, и при выходѣ войскъ изъ крѣпости подорвать. Два судна купеческїя, и тридцать одинъ человѣкъ достались побѣдителямъ. —

Сей довольно укрѣпленный и пограничный съ Россїйскими владѣнїями городъ обнесенъ сдѣланною изъ гранитнаго камня и кремня стѣною, въ окружности которой $3\frac{1}{2}$ версты; большая часть пространства, внутри ея заключенная, занята домами, по числу коихъ можно положить число жителей около 4000 человѣкъ; домы, на Азїатскїй вкусъ построенные, довольно прочной работы; сады и фруктовыя деревья, которыя мы нашли въ самомъ лучшемъ состоянїи, доказываютъ трудолюбїе своихъ хозяевъ; наполненныя хлѣбомъ житницы и множество рогатаго скота достаткъ въ житейскихъ потребностяхъ. Сей городъ,

принужденно оставленный теперь жителями и объятый пламенемъ, представляетъ печальное зрѣлище, и возбуждаетъ въ сердцахъ соболѣзнованіе. Высокія городскія три мечети не избѣгли гибельной участи. Возвышенная на нихъ гордая Луна, почитаемая мусульманами, отъ свѣтлаго сѣвернаго огня поблѣднѣвъ, повергласъ долу, и просила съ покорностію себѣ помилованія, — но уже поздно: ибо коварные обожатели ея, не склонясь на милостивыя обѣщанія нашего Начальника, который, слѣдуя миролюбивымъ МОНАРХА своего намѣреніямъ, предлагалъ имъ многія выгоды, предались Черкесамъ, всегдашнимъ своимъ непріятелямъ.

Его Высокопревосходительство, Г-нъ Адмиралъ и Кавалеръ, Маркизъ Иванъ Ивановичь де Траверзе, изъявивъ Начальнику эскадры свою совершенную признательность за аккуратность во всѣхъ движеніяхъ, отправился на той же брикѣ въ Ѳеодосію.

Мы для перевозу на корабли артиллеріи и всего того, что можно было на оныхъ помѣстить, и для дѣланія минъ къ подорванію крѣпости, пробыли здѣсь одну недѣлю, въ которое время 4 й морской полкъ отражалъ Черкесовъ, приѣзжающихъ безпре-

станно въ великомъ множествѣ къ крѣпости; ихъ побито болѣе 100, а ранено и того болѣе. — Мая 6 числа, по совершенномъ срытіи города и крѣпости, эскадра снялась съ якоря, и принеся Господу Богу благодарственное молебствіе за здравіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и за дарованную намъ побѣду, при попутномъ вѣтрѣ пустилась на парусахъ; а 12 числа пришедъ на Севастопольскій рейдъ, стала на якорь.

Видъ города и крѣпости Анапы, и окружающихъ оной горъ, снятой съ натуры, при семъ прилагается (*).

(*) Видъ города и крѣпости Анапы будетъ приложенъ при слѣдующемъ Нумерѣ Вѣстника Европы. — *Издат.*

II.

Зимній походъ Русскихъ и Французовъ въ 1806 и 1807 годахъ.

Въ Ульмской всеобщей газетѣ помѣщено разсужденіе о нынѣшней войнѣ, написанное такимъ образомъ, какимъ обыкновенно пишутся листки полу-французскіе, къ тому служащіе, чтобы приготовить умы къ будущимъ произшествіямъ, и заблаговременно поставить людей въ тѣхъ точкахъ зрѣнія, откуда Буонапарте хочетъ быть видимымъ.

Буонапарте, потерявши едва ли не большую половину своего войска на сей сторонѣ Вислы, не получилъ ни малѣйшей выгоды отъ сраженій. А какъ сего не льзя утаить отъ Германіи, много уже разъ обманутой; то въ упомянутомъ сочиненіи стараются доказать, будто Россія вела войну *наступательную*, и вывести изъ того заключеніе, что Французское войско, вопреки всѣмъ усиліямъ Россійскихъ ополченій, удержало при себѣ полученныя выгоды, и что при возобновленіи военныхъ дѣйствій обѣ стороны могутъ имѣть по крайней мѣрѣ *одинакую* надежду.

Сочинитель заблаговременно предполагаетъ, что Французамъ не мудрено потерять

ображенїе, и на сей случай вычисляетъ обстоятельства, которыя могутъ утѣшить при неудачѣ; говоритъ, что въ предначертанїи великаго полководца всегда заключаются благоразумныя соображенїя, предотвращающїя важную потерю; что военныя дѣйствїя только продлятся отъ того, а отнюдь не перемѣнятся; что ежели еще одна держава объявитъ войну Францїи, то военной театръ будетъ перенесенъ на другое мѣсто, и болѣе ничего.

Но ежели Россїя потеряетъ сраженїе, ежели военное счастїе обратитъ къ ней хребетъ свой, что выдетъ? По мнѣнїю снизходительнаго Нѣмецко-Французскаго сочинителя, завоевать Россїю не можно по причинѣ великаго пространства сей Имперїи, и потому что не льзя истребить военныхъ силъ ея въ одномъ мѣстѣ; однакожь, продолжаетъ сочинитель, *нетрудно* будетъ ворваться въ приморскїя области, и ежели не цѣлую армїю, то по крайней мѣрѣ одинъ корпусъ (одинъ корпусъ?) *послать* на короткое время въ столицу: тогда-то открылось бы безчисленное множество выгодъ! тогда-то Англїя, запертая, кругомъ принуждена была бы отказаться отъ непрїязненной системы своей, вредной для цѣлой Европы (то есть для одной Францїи)!

Нелѣпости, содержащіяся въ послѣдней половинѣ сего разсужденія, собственно принадлежатъ головѣ Нѣмецкаго сочинителя. Французы давно ужѣ присвоили себѣ неоспоримое право не знать Географіи; имъ простительно, стоя на берегахъ Эльбы, мечтать о завоеваніи Сибири: но Нѣмцу какъ не знать, что отъ нынѣшняго военнаго театра до Петербурга считается *сто семдесять* миль Нѣмецкихъ, то есть столько же, сколько отъ предѣловъ Франконіи до Вислы, и что Буонапарте быстро пролетѣлъ сіе разстояніе только потому, что на одной половинѣ всѣ были внѣ себя отъ ужаса, а на другой принимали его измѣннически!

Мнѣніе сочинителя даже не стоитъ опроверженія. Не считая трудностей военныхъ и географическихъ, было бы вовсе не къ стати доказывать, что орда чужестранцевъ никогда не можетъ добраться до столицы сильнаго народа Россійскаго, душевно преданнаго своему ГОСУДАРЮ, а особливо съ той стороны, съ которой весь народъ устремится защищать ее грудью. Хотя Поляки и дали Наполеону пышное титло *непобѣдимаго*; однакожь послѣ кровопролитнаго похода ему не удалось еще до сихъ поръ увидѣть предѣловъ Россійскихъ.

Но почитаемъ за нужное опровергнуть другіе замыслы сочинителя, которой хочетъ доказать, будто Россія теперь ведетъ войну наступательную, и вывести изъ того слѣдствіе, что „выгоды остаются на сторонѣ Французской, ибо намѣренія Буонапартевы не уничтожены, и главная армія его удержалась на правомъ берегу Вислы.“ Ежели Нѣмцы повѣрятъ сему обману; тогда исчезнетъ вся надежда, и они еще съ большею покорностію должны будутъ лобызать жезлъ, которой ихъ поражаетъ. О томъ прилѣжно хлопочутъ подкупленные и ослѣпленные писцы, одни съ умысломъ, другіе только по страсти марать бумагу; они, не имѣя возможности ободрять земляковъ своихъ къ защищенію отечества, лучше хотятъ писать противъ него, нежели сидѣть поджавши руки.

По разсчетамъ политическимъ и нравственнымъ, Россія намѣрена была вести наступательную войну тогда, когда объявила, что для возстановленія независимости Европы и для исполненія обязанностей своихъ по договорамъ, готова поднять оружіе. Но въ минувшую зиму она только оборонялась, только отражала нападеніе.

Когда Прусская военная сила несчастнымъ случаемъ въ Октябрѣ 1806 года разрушена при самомъ началѣ войны; тогда

Россія только готовилась къ великому бою, отъ котораго долженствовала зависѣть судьба Европы — ея порабощеніе или свобода. Для рѣшительнаго пособія союзнику, сражающемуся съ перемѣннымъ счастіемъ, приготовлено было достаточное войско. Но когда врагъ побѣдоносный возмогъ противупоставить Россіи всю покоренную Германію; когда приобрѣлъ многія выгоды и пособія: тогда уже не льзя было послать упомянутаго войска; не льзя было положиться на сомнительную помощь союзниковъ, не льзя было ожидать счастливыхъ слѣдствій отъ наступательнаго плана.

Многія военныя отдѣленія отъ мѣстъ своихъ до границы долженствовали перейти гораздо большее разстояніе, нежели Буонапарте, которой, какъ будто силою волшебною, очутился въ сердцѣ Пруссіи, быстро перешедъ отъ Мейна къ Вислѣ. Многіе полки Россійскіе оставались на отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Имперіи, гдѣ присутствіе ихъ было необходимо.

Время не благопріятствовало дѣйствіямъ войны наступательной, когда вторая армія подъ начальствомъ Графа Буксгевдена подвигалась къ Мемелю, чтобы соединиться съ корпусомъ Генерала Барона Беннингсена. Наступающая зима облегчала способы къ до-

ставленію припасовъ; но дороги для войскъ, поспѣшавшихъ къ главной арміи, сдѣлались гораздо труднѣе для Россіянъ, нежели для Французовъ, находившихся подъ южнымъ небомъ. Вотъ почему Россійскіе полководцы рѣшились вести войну оборонительную между Вислою и Нѣменомъ, и предоставили на волю Буонапарте или расположиться въ Германіи и южнозападной Польшѣ, или, подавшись впередъ, невыгодно начать наступательную войну противъ Россіи.

Если бъ Наполеонъ Буонапарте былъ только полководецъ, то, получа въ свою власть, деньгами или хитростію, почти непреодолимыя крѣпости на рѣкѣ Одерѣ, вѣроятно расположилъ бы войска свои (которыя тогда еще не потеряли многихъ тысячь) на зимнихъ квартирахъ по ту сторону Одера. Тогда онъ могъ бы въ продолженіе зимы собрать подкрѣпленія изъ порабощенныхъ областей и изъ самой Франціи, могъ бы протянуть вторую линію за рѣкою Эльбою. Трепещущая Германія, изумленная побѣдами его, наполненная вѣчно преданными Франціи людьми, содержимая въ повиновеніи близь находящимся войскомъ, безъ роптанія отдала бы все, чего ни потребовали бы отъ нее для превращенія толпы рекрутъ въ сильную армію.

Трудно отгадать, какое намѣренїе приняла бы Австрїя, столь жестоко обиженная отъ Буонапарте, и что дѣлала бы она въ продолженїе сей *послѣдней* войны за политическую свободу Европы. Чтобы удержать Австрїю при ея бездѣйствїи, надлежало помѣшать военнымъ ея приготовленїямъ; въ чемъ Буонапарте конечно могъ бы успѣть, оставшись за Одеромъ. Ибо Австрїя, какъ ближайщее государство, при первомъ движенїи своемъ, при первомъ знакѣ разрыва съ Французами, должна была бы ожидать, что главная непрїятельская армїя пробьется въ средину ея между Галлицїею, Моравїею и Венгрїею, и поразитъ ее прежде, нежели кто-либо изъ союзниковъ успѣетъ сдѣлать отводъ въ ея пользу.

Поляки, которыхъ онъ со времени конвульскаго своего воцаренїя тѣшилъ безпрестанно разными обѣщанїями, чтобы въ потребномъ случаѣ имѣть готовыхъ мятежниковъ, Поляки Французамъ, стоявшимъ близъ предѣловъ ихъ, и повидимому воюющимъ за свободу Польши, тайно и явно оказали бы гораздо болѣе пособїй, нежели нынѣ, когда Французы разбойничаютъ въ ихъ землѣ, и когда самые усердные галломаны видятъ, чего должны ожидать впредь отъ мнимыхъ своихъ защитниковъ.

Такимъ образомъ Буонапарте, прикованныи къ знаменамъ своимъ военную силу цѣлой половины Европы, по наступленіи весны могъ бы отражать покушенія возвратить свободу странамъ порабощеннымъ.

Для пограничной Россійской арміи невозможно было бы мѣшать приготовленіямъ, дѣлаемымъ со стороны Французовъ. Безпокоить непріятеля въ зимнихъ его квартирахъ на Одерѣ, и остановить военное преобразованіе покоренныхъ областей Нѣмецкихъ, также было бы весьма трудно; и какъ то, такъ и другое не обѣщало бы удачныхъ слѣдствій. Россіянамъ надлежало бы идти въ такую землю, въ которой зима военнымъ дѣйствіямъ гораздо меньше благопріятствуетъ, нежели сѣверные морозы. Они оставили бы за собою большую рѣку, черезъ которую переправляться весьма трудно; не имѣли бы запасныхъ магазейновъ, находясь между людьми, на приверженность коихъ не льзя полагаться, и которые при первой неудачѣ сдѣлались бы явными измѣнниками. Къ симъ важнымъ неудобствамъ, которыя однѣ уже не дозволяютъ думать о наступательной войнѣ, прибавить должно еще, что между Одеромъ и Вислою вовсе нѣтъ крѣпостей для прикрытія наступательныхъ дѣйствій. Несчастное сраженіе заставило бы Россійскія войска идти назадъ за Вислу, и

взять самое невыгодное положенiе. Напротивъ того удача ни къ чему не послужила бы; ибо побѣды, сряду одна за другою, окончились бы тѣмъ, что надлежало бы осадить одну или вдругъ нѣсколько крѣпостей, и въ такое время, когда трудно перевозить тяжелыя орудiя, и когда погода дѣлаетъ тщетными почти всѣ покушенiя.

Но Буонапарте не одобрилъ сего плана. Кажется, что политическiя намѣренiя сего дерзновеннаго завоевателя, которой все почитаетъ для себя возможнымъ, до того довели его, что онъ пренебрегъ всѣ разсчеты военнаго искуства.

Послѣ великихъ приготовленiй, почти съ тремя стами тысячь человѣкъ онъ при самомъ началѣ войны разрушилъ сильное государство. Коснувшись предѣловъ земли, гдѣ надѣялся наконецъ пожинать то, что давно уже сѣялъ съ помощiю вѣрнаго Талейрана, онъ видѣлъ, что удобно можетъ произвести въ дѣйство любимую мысль свою, то есть основать на сѣверѣ одно подвластное королевство, и посадить на престолѣ еще одного изъ своихъ братьевъ. Десятилѣтнiе опыты и воспоминанiе о прежнихъ походахъ въ Италiи внушили ему, что революцiонная тактика, которою народы ослѣпляются, подаетъ великую помощь

тактикѣ военной; почему и захотѣлъ онъ снова взять сторону подданныхъ противъ законныхъ государей ихъ, чтобы въ начинающуюся войну съ Россіею приготовить себѣ новыхъ союзниковъ. Для того-то Буонапарте рѣшился наудачу въ суровое годовое время начать новой походъ не противъ арміи, но противъ цѣлаго народа.

Можетъ быть нѣкогда узнаемъ еще и другія причины, заставившія его на все отважиться. Можетъ быть онъ видѣлъ, что неслыханныя бѣдствія изумили Нѣмцовъ, но не отняли у нихъ всей силы; что война долговременная возбудитъ неудовольствіе во Франціи, и что возстановленіе Польши никогда не будетъ страшилищемъ переговоровъ, ежели теперь, стоя съ многолюднымъ войскомъ на ея границахъ, не рѣшится начать дѣло.

Кромѣ выгодъ оборонительныхъ, Буонапарте оставшись за Одеромъ нашелъ бы еще другія. Ежелибъ Французская армія, покоривъ сперва Шлезскія крѣпости, что очень не трудно было бы сдѣлать ей всею своею силою, начала наступательно дѣйствовать надъ моремъ: то вѣроятно Колбергъ, а можетъ быть и Данцигъ не устояли бы; симъ самымъ пресѣклись бы способы зимою предпринять что-либо выгодное противъ

Французовъ. Но положимъ, что осада упомянутыхъ крѣпостей не имѣла бы успѣха, а особливо еслибъ Россійское войско переправилось черезъ Вислу; въ такомъ случаѣ корпусъ, освободившій города отъ опасности, былъ бы въ непріятнѣйшемъ положеніи, нежели Французское войско, принужденное оставить осаду. Дошло бы дѣло до главнаго бою по ту сторону Вислы; по неудачномъ окончаніи надлежало бы спрятаться въ Данцигѣ, и оставить Кенигсбергъ вовсе безъ защиты.

Но еслибъ Французамъ удалось взять Данцигъ; то они, получивъ запасы во власть свою, расположились бы кривою чертою противъ Вислы, такъ что всякое войско противной стороны, переправившись черезъ упомянутую рѣку, неминуемо подвергалось бы нападенію съ лица и съ боковъ. Ежелибъ Французы расположились зимовать въ Бреславѣ, Кистринѣ, и между Данцигомъ и Колбергомъ; то лѣвое крыло ихъ было бы защищаемо Данцигомъ, а правое Австрійскими владѣніями; слѣдственно не возможно было бы дѣйствовать противъ нихъ наступательнымъ образомъ со стороны Вислы иначе, какъ устремляясь прямо къ средоточію полукруга. Пусть наступательная армія ударила бы всею силою своею на корпусъ, стоящій въ Данцигѣ; въ такомъ случаѣ

лѣвое крыло ея попало бы между колоннъ непріятельскихъ, находящихся при Познанѣ и Кистринѣ. Пусть обратилась бы она къ Вартѣ или Одеру; тогда корпусъ Данцигскій перерѣзалъ бы ея сообщеніе съ правымъ берегомъ Вислы.

Буонапарте призналъ за нужное какъ можно поспѣшнѣе занять Варшаву, чтобы оттуда удобнѣе распространить революцію въ той части Польши, которая была у него за спиною. Такъ обыкновенно поступали Французскіе Генералы до 1799 года; но теперь хитрость сія ни мало уже не прилична властелину Французскому, которой хочетъ стоять на ряду съ законными Государями.

Россійская армія, начальствуемая Генераломъ Беннингсеномъ, расположена была, начиная отъ Варшавы и отъ переправъ черезъ Вислу, ниже сего города до самаго Полоцка; Прусской корпусъ съ малымъ Россійскимъ отрядомъ находился въ Торунѣ. Арміи сей, назначенной дѣйствовать оборонительно, не было нужды впередъ подвигаться. Ей не было нужды упорно защищать переправу черезъ Вислу; а еслибъ это случилось, то мы опять къ несчастію увидѣли бы, что, при одинакихъ силахъ, даже съ превосходнымъ числомъ солдатъ, не всегда

счастливо удается остановить непріятеля при переправѣ. Тотчасъ за тѣмъ могло бы дойти до главнаго сраженія, отъ котораго зависѣла безопасность цѣлой полосы земли до самыхъ предѣловъ Россіи. Оборона тогда только обѣщаетъ важной успѣхъ, когда есть надежда не только отразить непріятеля, но при удобномъ случаѣ и напасть на него; а сего никакъ не льзя было сдѣлать, ибо непріятель стоялъ за рѣкою вдоль по берегу; и такъ оставалось дать ему свободу переправиться черезъ Вислу.

Когда Буонапарте послалъ изъ Познаня къ Вислѣ двѣ колонны, одну главную черезъ Ловицъ и Ленцичь въ Варшаву, другую меньшую черезъ Накель и Бромбергъ въ Торунь; тогда въ Варшавѣ находилась часть корпуса Беннингсенова. Сіе наступательное движеніе показало, что Буонапарте, не смотря на приближеніе зимы, намѣренъ со всею силою своею идти впередъ, и принудило Генерала Беннингсена отвести своихъ назадъ и безъ сраженія оставить Варшаву, которая для Буонапарте составляла важное приобрѣтеніе, но въ которой войско Россійское на ту пору не имѣло никакой надобности.

Россіяне, расположась при Пультускѣ надъ Наревою и ожидая корпуса Графа Букс-

гевдена, долженствовали со всевозможною упорностїю защищать вопервыхъ магазины свои вдоль по границѣ заложенные, вовторыхъ городъ Кенигсбергъ, какъ единственное сборное мѣсто для составленїя и укрѣпленїя Прусскаго войска. Военной театръ находился въ такой землѣ, гдѣ не для чего было заботиться, большую или меньшую полосу непрїятель удерживаетъ за собою; ибо тамъ не могъ онъ найти приготовленныхъ запасовъ, не могъ также довольствоваться изъ кармана жителей.

Расположенїе при Пультускѣ было весьма выгодно, потому что давало способы отразить непрїятельскїя покушенїя на Россїйскїе предѣлы и на магазейны. Недалеко отъ сихъ границъ, въ новоприобрѣтенной восточной Пруссїи, отъ сѣвера къ югу простирается дикая, почти непроходимая пустыня, начинаясь выше Ортельсбурга на сѣверѣ и оканчиваясь клиномъ при Пультускѣ надъ Нарезою. Полоса, между сею пустынею и Россїйскимъ предѣломъ находящаяся, представляетъ открытое поле.

Не было въ томъ никакой важности, въ чьей власти находилась полоса земли между Вислою и Пультускомъ; ибо непрїятелю не давала она ни превосходства въ мѣстоположенїи, ни выгодъ продовольствїя. Напротивъ, надлежало всячески защищать

упомянутую открытую страну за пустынею, чтобы не подвергнуть опасности хлѣбные магазеины. Въ бюллетинахъ Французскихъ восточнымъ слогомъ описаны великія побѣды, будто бы показавшія путь Маршаламъ Даву и Мюрату черезъ Вислу и даже къ берегамъ рѣки Буга. Въ самомъ же дѣлѣ никто и не думалъ упорно останавливать Французовъ; а только занимали непріятеля малые отряды конницы, которая какъ числомъ своимъ, такъ и добротою была превосходнѣе Французской.

Кто не зналъ мѣстныхъ обстоятельствъ военнаго театра; тотъ, читая бюллетины, вѣроятно дивился подвигамъ Наполеона, которой съ побѣдоноснымъ своимъ войскомъ покорилъ еще на нѣсколько миль земли, и переправился черезъ двѣ рѣчки. Но люди свѣдущіе не видѣли въ томъ никакой для него пользы: напротивъ, они знали, что сшибки между легкими войсками всегда оканчивались урономъ для Французовъ, и что солдаты начинали утомляться; они знали, что запасы между Бугомъ и Вислою истощились, и что Французы, зашедши далеко, ничего не получили, кромѣ только случая хвастаться покореніемъ новыхъ областей, и опасности потерять рѣшительное сраженіе, имѣя большую рѣку у себя за спиною.

Чтобы окончить неизвѣстность, чтобы сраженіемъ купить себѣ или покой на зиму, или выгодный миръ, а можетъ быть еще для политическихъ причинъ, которыя заставили Французскую армію столь поспѣшно идти къ Варшавѣ, Буонапарте опредѣлилъ сдѣлать главное нападеніе на Россійско-Прусскія войска.

Передъ 11 числомъ Декабря Россійская армія подъ начальствомъ Генерала Беннингсена расположилась такимъ образомъ: главной корпусъ стоялъ при Пультускѣ на лѣвомъ берегу Нареви; одно отдѣленіе находилось при Голоминѣ на правомъ берегу сей рѣки, и прикрывало дорогу черезъ Маковъ къ Остроленкѣ; почти въ равномъ разстояніи отъ обоихъ корпусовъ впереди, при втеченіи Вкры въ Нареву, стояло отдѣленіе подъ начальствомъ Графа Остермана; при Ниденбургѣ и Солдау находился Прусскій корпусъ съ немногими Россійскими полками для наблюденія за корпусами Нея и Бернадотта, которые переправились черезъ Вислу при Торунѣ, и строились при Голоминѣ.

Французская армія подвинулась впередъ отъ Новомѣста. Начальникъ ея повидимому хотѣлъ отрѣзать при Пультускѣ находившійся корпусъ, а съ другою колонною пробраться черезъ лѣсъ къ Остроленкѣ. Еслибъ непріятелю удалось произвести въ

дѣйство планъ сей, то, окруживъ такимъ образомъ Россійскую армію, онъ открылъ бы себѣ дорогу прямо къ границамъ.

Сперва сдѣлано нападеніе на корпусъ Графа Остермана при Насильскѣ. Сей корпусъ дрался съ непріятелемъ, наступавшимъ въ равной и даже въ превосходившей силѣ. Но когда не льзя уже было остановить цѣлую Французскую армію; въ то время Графъ Остерманъ напалъ стремительно на передовыя войска, потомъ тотчасъ бросился назадъ, и симъ дѣйствіемъ заставилъ непріятеля дозволить себѣ спокойно отступить къ Чернову. Французы пытались ночью въ расплохъ напасть на деревню; но Русскіе встрѣтили ихъ въ готовности. На другой день Графъ Остерманъ соединился съ корпусомъ Генерала Беннингсена. Въ 13 день Декабря послѣдовало общее нападеніе на всю Россійско-Прусскую армію.

Маршалы Ней и Бернадотъ напали на слабой корпусъ Генерала Лестока при Солдау, и принудили его отступить къ прежней границѣ Прусской. Сильной отрядъ главной арміи напалъ на посты при Голоминѣ, а самая армія, подъ начальствомъ Буонапарте, ударила на корпусъ Генерала Беннингсена при Пультускѣ.

Окончаніе сей битвы извѣстно. При Голоминѣ Россійскій корпусъ чрезъ весь день выдерживалъ нападеніе превосходной силы непріятельской, и уже въ сумерьки отступилъ въ Маковъ къ приближающейся арміи Графа Буксгевдена, не оставляя однакожь дороги къ Остроленкѣ, которая была цѣлью сего нападенія. Напротивъ того при Пультускѣ Французская армія послѣ кровопролитнаго сраженія въ вечеру совершенно разбита на всѣхъ пунктахъ, и принуждена въ безпорядкѣ бѣжать съ поля сраженія. Судя по важности сей рѣшительной битвы, число плѣнныхъ Французовъ очень не велико; ибо Россійская конница, которой особенно принадлежитъ часть побѣды, не давала пощады непріятелю, и рубила всѣхъ безъ изключенія.

Такимъ образомъ уничтожено намѣреніе напасть на Россійскіе предѣлы и истребить корпусъ Генерала Беннингсена: при Голоминѣ Французамъ не удалось открыть себѣ дорогу къ Остроленкѣ, а при Пультускѣ они принуждены были уступить поле сраженія побѣдителямъ и бѣжать назадъ со всевозможною поспѣшностію.

Послѣ сей неудачи въ одномъ предпріятіи на правомъ берегу Вислы, надлежало отважиться на другое, а именно овладѣть

Кенигсбергомъ. Еслибъ Французамъ удалось взять сей городъ, и остаться въ немъ на зиму; то Буонапарте получилъ бы средства подкрѣпить свое войско, изнемогшее отъ стужи подъ сѣвернымъ небомъ; тогда онъ могъ бы осадить Данцигъ подъ прикрытіемъ главной арміи, и наконецъ успѣлъ бы, по крайней мѣрѣ на одну зиму, совершенно уничтожить Прусскую монархію.

Сіи важныя причины заставили Россійскаго Военачальника заботиться объ участи Кенигсберга, и о томъ, чтобы не допустить его до расхищенія. Маршалы Ней и Бернадотъ, потѣснившій при Солдау Прусской корпусъ, котораго одна часть пошла къ Эльбингу, другая къ Кенигсбергу, угрожали нападеніемъ на сію столицу.

Между тѣмъ Россійская армія по причинамъ, не имѣвшимъ никакой связи съ битвами при Пультускѣ и Голоминѣ, подвинулась по Маковской и Резанской дорогамъ, позади Остроленкскаго лѣсу, къ Остроленкѣ, Іоаннисбургу и Колно. Буонапарте, пользуясь симъ случаемъ, написалъ въ своихъ бюллетинахъ, что Россійское войско отступило къ Нѣмену, *потерявъ сраженіе.* А чтобы прикрыть какъ нибудь изнеможеніе своего войска и предотвратить непріятныя сужденія о томъ, что онъ мни-

мой побѣды не получилъ никакихъ выгодъ, онъ объявилъ, что армія его расположилась на зимнихъ квартирахъ, которыя *достойно заслужила своими подвигами.* Самая хитрость сія уже показываетъ, что Французы разбиты: ибо въ странѣ открытой, ни чѣмъ неукрѣпленной, мудрено расположиться на зимнихъ квартирахъ, не уговорившись о томъ съ противною стороною; при томъ же онъ самъ приказалъ войску своему, какъ скоро оно оправилось, медленно потянуться до Остроленки въ слѣдъ за Русскими, которые шли къ Іоаннисбургу вверхъ по обѣимъ сторонамъ Наревы. Другую часть войска онъ послалъ къ сторонѣ Солдау, Вилленберга и Ортельсбурга въ слѣдъ за корпусами Нея и Бернадота. Самъ расположась въ Ортельсбургѣ, наблюдалъ движеніе Россійской арміи Беннингсеновой, находившейся по другую сторону пустыни.

Потребность спѣшить на помощь Кенигсбергу становилась день ото дня очевиднѣе. Хотя Генералъ Лестокъ, стоявшій близь Бартенштейна, будучи подкрѣпленъ отрядомъ легкихъ войскъ Россійскихъ, могъ на нѣсколько времени задержать Маршала Нея, однакожь не трудно было догадаться, что Буонапарте станетъ усиливать Нея до тѣхъ поръ, пока или совсѣмъ вытѣснитъ Лестока, или главнымъ сраженіемъ рѣшитъ судьбу Кенигсберга.

Не требовалось большаго труда защитить полосу земли, лежащую за Остроленкскою пустынею; вопервыхъ потому, что при Остроленкѣ немного было Французовъ, и что главная сила ихъ находилась между Вилленбергомъ и Солдау; а вовторыхъ, что Генералъ-Лейтенантъ Эссенъ приближался туда съ своимъ корпусомъ, и могъ не только удержать непріятеля за пустынею, но при благопріятномъ случаѣ даже безпокоить его нападеніями.

Россійская главная армія, идучи позади Іоаннисбургскаго лѣса и Шпирдингскаго озера, мало по малу приближалась къ Кенигсбергу, бывшему въ опасности. Маршалъ Ней, претерпѣвъ значительной уронъ, отступилъ; Маршалъ Бернадотъ лишился многихъ солдатъ, которые достались въ плѣнъ; потерялъ обозъ свой, и самъ едва не попался Русскимъ. Грауденцъ освобожденъ отъ осады; легкой корпусъ посланъ за Вислу для усмиренія мятежниковъ, которые начинали безпокоить Данцигъ.

Буонапарте главную свою армію, которая до того времени стояла безъ дѣла, двигнулъ впередъ, для того чтобъ освободить запертыхъ Нея и Бернадота, и чтобы всею силою попытаться покорить Кенигсбергъ, котораго не удалось взять корпу-

самъ упомянутыхъ его Маршаловъ. Онъ опять подался впередъ правымъ крыломъ своимъ при Ортельсбургѣ, и угрожалъ нападенїемъ на лѣвое крыло Россїйской армїи, которой средина находилась надъ рѣкою Алле, а передовая стража стояла въ Прейсишь-Эйлау, противъ соединенныхъ корпусовъ Бернадота и Нея.

Еслибъ Наполеонъ Буонапарте хотѣлъ только удержать Россїйскую армїю на пути ея, и освободить Нея и Бернадота; то намѣренїе его надлежало бы почитать исполнившимся. Россїйская армїя не могла преслѣдовать упомянутыхъ двухъ корпусовъ, не подвергнувъ лѣваго крыла своего очевидной опасности; а отъ нападенїя на главную Французскую армїю для начатїя битвы не льзя было ожидать полезныхъ слѣдствїй. Французы стояли на весьма выгодномъ для нихъ мѣстоположенїи. Правое крыло ихъ примыкало къ Іоаннисбургскому лѣсу при Ортельсбургѣ, слѣдственно было въ безопасности; лѣвое крыло находилось не въ дальнемъ разстоянїи отъ Вислы. Чтобы обойти сїе крыло, надлежало сперва Бернадота и Нея разбить на голову; притомъ же весьма ненадежно было бы, зашедши въ тылъ, очутиться между непрїятелемъ и рѣкою.

Но и безъ выгоднаго расположенїя Французской армїи, Русскимъ не было надобно-

сти при тогдашнихъ обстоятельствахъ нападать на непріятеля. Русскіе и Прусаки имѣли въ своей власти все то между Вислою и Нѣменомъ, чего надлежало бы имъ лишиться не иначе, какъ претерпѣвъ сильное пораженіе: напротивъ того Буонапарте, потерявъ немаловажную битву на правой сторонѣ Вислы, и не получивъ никакой удачи — которою могъ бы себя оправдывать, для чего перешелъ черезъ рѣку — долженъ былъ въ другой разъ сдѣлать нападеніе. Сверхъ того Россійская армія числомъ людей не только не превосходила Французской, но ниже равнялась съ нею. Еслибъ она одержала великую побѣду, какія отъ того были бы слѣдствія? При несоразмѣрности въ числѣ войскъ, при опытности и храбрости, которой нельзя отнять у Французовъ, уронъ со стороны ихъ не могъ быть рѣшителенъ; а гнаться за разбитымъ непріятелемъ въ суровое время года и черезъ мѣста ограбленныя, было бы очень трудно. Буонапарте возвратился бы за Вислу, и спокойно расположился бы на зимнихъ квартирахъ. Вообще сіе нападеніе не обѣщало никакихъ выгодъ; Буонапарте, вмѣсто необдуманной наступательной войны, началъ бы вести на лѣвомъ берегу Вислы оборонительную, которая для него гораздо была бы полезнѣе, и къ которой сами непріятели подали бы ему случай и возможность.

Когда Буонапарте подвинулся къ Алленштейну, и напалъ на лѣвое крыло Россійской арміи; тогда само собою обнаружилось, что главное сраженіе долженствуетъ рѣшить судьбу Кенигсберга и вообще сего страшнаго зимняго похода. Чтобы занять выгодное мѣсто для битвы, Генералъ Беннингсенъ призналъ за нужное отступить къ Прейсишь-Эйлау, и сіе отступленіе сдѣлалъ при безпрерывномъ сраженіи арріергарда. Войска днемъ дрались, а ночью продолжали походъ свой; потеря съ обѣихъ сторонъ была равная. Буонапарте и тутъ не пропустилъ случая въ своихъ бюллетинахъ представить каждую стычку въ видѣ знаменитой побѣды.

Россійская армія расположилась въ боевомъ порядкѣ за Прейсишь-Эйлау на мѣстѣ открытомъ, пространномъ, удобномъ для военныхъ дѣйствій. На одной сторонѣ находились счастье, отважность, сила и способности, неодушевляемыя увѣренностію въ справедливости своего дѣла; на другой — любовь къ отечеству, чувство чести, упованіе на Промыслъ, и рѣшительное намѣреніе скорѣе умереть, нежели оставить поле сраженія.

Битва была продолжительная и кровопролитная; съ обѣихъ сторонъ легло мно-

жество храбрыхъ, прежде окончанія дѣла. Наконецъ, уже при наступающей ночи, судьба даровала побѣду сторонѣ справедливой, и Французскіе орлы побѣжали передъ Россійскими знаменами. Прусаки утолили въ день сей праведной гнѣвъ своего Государя.

Темнота ночи помѣшала преслѣдовать непріятеля, которой отступилъ почти въ безпорядкѣ, и утомленные побѣдители отдохнули при трупахъ братьевъ своихъ, славно скончавшихъ животъ свой за отечество. Въ сіе время Кенигсбергъ, за которой обѣ стороны потеряли около 60,000 человѣкъ, былъ нуженъ для побѣдителей не менѣе какъ и для непріятеля. Россійскія войска, простоявши на другой день до половины дня на полѣ сраженія, и получивши все, что получить было можно, поведены храбрымъ своимъ Генераломъ къ Кенигсбергу, для отдыха и подкрѣпленія. Одна половина арміи стояла на бивакахъ передъ Кенигсбергомъ; другая отдыхала въ городѣ. Непріятель, не зная навѣрное, что заставило побѣдителей отступить къ Кенигсбергу, занялъ поле сраженія, и послалъ отрядъ легкой конницы въ слѣдъ за Русскими, чтобы развѣдать, не уклоняются ли они отъ сраженія, и можно ли овладѣть упомянутымъ городомъ.

Спустя нѣсколько дней, Князь Багратіонъ и Атаманъ Платовъ напавши на отрядъ сей, половину изрубили, другую взяли въ полонъ, и уничтожили непріятельскія покушенія. Французы начали отступать; а Русскіе, подкрѣпивъ силы свои въ Кенигсбергѣ, пошли въ слѣдъ за ними.

Отступленіе Россійской арміи къ Кенигсбергу подало случай Наполеону занять поле битвы, и пагубное для себя сраженіе назвать побѣдою! Не уже ли онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что Европа словамъ его повѣритъ? Кто не видитъ, что подъ Прейсишь-Эйлау сражались за Кенигсбергъ, что самымъ яснымъ доказательствомъ побѣды на сторонѣ Россійской арміи служитъ безпрепятственное отдохновеніе оной въ семъ городѣ, и что Французы, находясь очень близко, только на одинъ день пути, не смѣли ее безпокоить? Не менѣе обнаруживается хитрость — которую Буонапарте употребилъ, чтобы представить незабвенное сіе сраженіе въ другомъ видѣ для Нѣмецкой публики — и тѣмъ еще, что почитая недостаточнымъ свидѣтельство бюллетиновъ, выдалъ подложныя письма частныхъ людей, даже велѣлъ сочинить письма будто бы отъ Русскихъ Офицеровъ, которые сомнѣваются въ побѣдѣ.!!

Сїе сраженїе тѣмъ достопамятно; оно опровергло на самомъ дѣлѣ мнѣнїе людей, полагавшихъ, что упорная храбрость непремѣнно должна уступить новой тактикѣ. Французскїе полководцы, истощивши всю опытность свою, все искуство, не могли одержать побѣды. Они пытались нѣсколько разъ обойти то правое крыло, то лѣвое, и симъ дѣйствїемъ принуждали армїю подаваться; но Русскїе — которые давно уже привыкли не почитать себя побѣжденными, пока есть душа въ тѣлѣ и ружье въ рукахъ — мужественно отражали нападенїя. Непрїятелю удалось навести батарею на лѣвое крыло почти съ боку; въ сїю самую минуту Французская гвардїя, подъ начальствомъ Буонапарте, съ бѣшенствомъ устремилась на средину: не смотря на то, лѣвое крыло Русское упорно выдерживало огонь, пока подоспѣла къ нему помощь — и двѣ трети Буонапартевой гвардїи остались на мѣстѣ передъ неподвижными средними рядами. Французская конница, желая поддержать недавно приобрѣтенную славу свою, пробилась сквозь пѣхоту: Русскїе немедленно сомкнулись — и ни одинъ изъ непрїятелей не возвратился. Нѣсколько гвардейскихъ эскадроновъ, умышленно или случайно вскочили въ промежутокъ рядовъ Россїйскихъ; одинъ чиновникъ съ козаками, приближась къ нимъ, потребовалъ, чтобъ сда-

лись; Французы, не отвѣчая ни слова, качали головою; козаки и подоспѣвшая съ праваго крыла часть конницы напали на нихъ, и побили всѣхъ. Только одинъ офицеръ и тринадцать рядовыхъ спасли жизнь свою.

Хотя часть Французской армїи, уже при концѣ сраженїя, съ праваго крыла почти зашла-было въ тылъ Русскимъ; но солдаты были утомлены чрезвычайно, и ничего не могли сдѣлать. При наступленїи ночи, правое Французское крыло въ ужасномъ безпорядкѣ побѣжало: Русскїе кололи враговъ штыками, били прикладами, и принудили Французскую армїю отступить на всѣхъ пунктахъ. Побѣдители удержали поле сраженїя.

Россїйская армїя на другой день не нападала на Французовъ; причины выше упомянутыя показываютъ, что для нее выгоднѣе было видѣть непрїятеля на правомъ берегу Вислы въ худомъ положенїи, нежели за Вислою въ хорошемъ.

Вотъ истинное описанїе случившихся въ Пруссїи нынѣшнею зимою военныхъ произшествїй, которыя отняли у Наполеона присвоенное имъ титло *непобѣдимаго*.

(Съ Нѣмецкаго.)

III.

О началѣ и злоупотребленіяхъ прежняго Польскаго Уложенія.

Королевство Польское, подобно всѣмъ другимъ въ Европѣ, долго не имѣло письменныхъ законовъ. Произволъ государей и суевѣріе подданныхъ, которые обыкновенно тяжбы свои рѣшили оружіемъ, были единственныя правила, коими руководствовались въ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ. Мало по малу выходили порядочные законы, и укоренялись нѣкоторыя обыкновенія силою привычки. Въ потребныхъ случаяхъ заимствованы были правила изъ Магдебургскаго Уложенія, которое потомъ Князь Болеславъ V торжественно принялъ и обнародовалъ въ Краковѣ 1257 года.

Скоро и въ прочихъ городахъ послѣдовали сему примѣру. Казимиръ великій прибавилъ къ сему написанному закону множество другихъ вновь сочиненныхъ, и устроилъ порядокъ законовѣденія въ Польскихъ судилищахъ. При Казимирѣ III законодательная власть раздѣлена между Сеймами и Королемъ; при Іоаннѣ Албертѣ и Александрѣ прежнія обыкновенія подтверждены законнымъ порядкомъ; наконецъ въ 1505 году узаконено, чтобы впредь ничего не было

рѣшено безъ согласія сенаторовъ и депутатовъ дворянства.

Отсюда начались тѣ славные Польскіе Сеймы, которые были столь пагубны для блага и тишины королевства. Они состояли изъ сенаторовъ и депутатовъ дворянства, или такъ называемыхъ пословъ. Къ числу первыхъ принадлежали всѣ вельможи, которые по званію своему имѣли право засѣдать въ сенатѣ, какъ-то епископы, воеводы, каштеляны перваго класса и втораго, и всѣ великіе чиновники короны.

Послы, имѣвшіе великую силу на Сеймахъ, особою своею представляли шляхтичей или нечиновныхъ и бездолжностныхъ, или же тѣхъ, которые по званію своему не были сенаторы. Депутаты отъ гражданства сперва засѣдали на сихъ собраніяхъ; но послѣ уже ихъ не допускали къ Сеймамъ, кромѣ времени междуцарствія, когда выбирали въ королевское достоинство. Однакожь иногда призывали ихъ для конфедерацій. Сіи конфедераціи собственно были не что иное, какъ безпорядочныя собранія, составляемыя часто одною стороною для притѣсненія другой; не смотря на то, не рѣдко онѣ оказывали важныя услуги государству.

Въ прежней Польшѣ, а частїю и въ нынѣшней, были только три состоянїя: шляхетство, граждане, крестьяне. Къ первому принадлежали всѣ тѣ, которые имѣли какое-либо право на благородное званїе, какую бы впрочемъ ни терпѣли бѣдность, и какимъ бы низкимъ ремесломъ ни сыскивали себѣ пропитанїе. До послѣдняго раздѣлу королевства одни только шляхтичи пользовались правомъ вольности, славной въ Польскихъ лѣтописяхъ. Они вообще одинъ другаго называли *братьями*, не смотря на великое различїе въ чинахъ, достоинствѣ, породѣ и богатствѣ. Сїе *родство* ихъ не простиралось до состоянїя гражданъ, которымъ предоставлено было заниматься торговлею, художествами и ремеслами. Еще менѣе права на братство сїе имѣли крестьяне, даже не исключая отличнѣйшихъ и достойнѣйшихъ уваженїя; съ ними обходились какъ съ невольниками, которыхъ природа сотворила для работы. Однакожь въ послѣднее десятилѣтїе и прежде, когда просвѣщенїе начало распространяться, многїе вельможи благомыслящїе, любовїю къ отечеству движимые, облегчили несчастную судьбу крестьянства.

Польской Сеймъ обыкновенно собирался черезъ два года въ Михайловъ день, или лучше на другой день сего праздника. Пыш-

ность, блескъ и странныя приготовленія приличествовали сильнѣйшему государю и спокойнѣйшему, счастливѣйшему народу, нежели какими они были.

Дѣла, касающіяся подробныхъ частей въ управленіи, рѣшились на Сеймѣ большинствомъ голосовъ; а для тѣхъ, которыя относились къ правленію государственному, по части внутренней и внѣшней, непремѣнно требовалось единодушное согласіе. Одинъ членъ самъ собою могъ помѣшать общему приговору всего собранія, могъ уничтожить намѣреніе всѣми принятое и одобренное. Когда одинъ только человѣкъ произносилъ страшныя слова: Nie masz zgoda (я недоволенъ), или Nie pozwolam (не соглашаюсь), то всѣ совѣтованія вдругъ прекращались; никакъ нельзя было издать мудраго, благодѣтельнаго закона, и часто случалось, что воля или своевольство одного человѣка заставляли Сеймъ разойтись, ничего не сдѣлавши важнаго.

Въ первой разъ это случилось въ 1652 году, когда одинъ депутатъ Литовскаго шляхетства, по имени Сичинскій, прокричавши свое Nie pozwolam, тотчасъ удалился изъ собранія. Хотя всѣ Поляки проклинали память сего шляхтича и примѣръ, имъ поданный; однакожь послѣ мно-

гіе дѣлали тоже. Вмѣсто того, чтобъ или уничтожить сіе пагубное злоупотребленіе, или по крайней мѣрѣ ограничить его, въ 1718 году торжественно установлено *предоставить полное и неослоримое право каждому члену Сейма въ дѣлахъ важныхъ голосомъ своимъ уничтожить приговоръ всего собранія.*

Депутаты шляхетства, въ Польшѣ называемые Nuncii terreſtres, или послами, обыкновенно употребляли во зло сіе ненавистное право. Надобно замѣтить, къ чести епископовъ, воеводъ, каштелляновъ, великихъ чиновниковъ короны, и вообще всѣхъ сенаторовъ, что ни одинъ изъ нихъ не кричалъ veto въ подобныхъ случаяхъ.

Когда государству угрожаютъ опасностію заговоры, или люди, которые въ перемѣнахъ надѣются найти свои выгоды; тогда безъ сомнѣнія полезно, ежели голосъ одного законнымъ порядкомъ можетъ остановить злые навѣты, и уничтожить намѣреніе ввести вредныя установленія или другія опасныя перемѣны въ государствѣ; тогда нужно, чтобы мужество и твердость новаго Метелла нашли подпору себѣ въ столь важномъ преимуществѣ. Но когда народъ спокойный, никѣмъ не утѣсняемый, собираетъ своихъ депутатовъ для совѣтованія

о драгоцѣнныхъ своихъ выгодахъ; тогда совсѣмъ не къ стати дозволять гражданину по прихоти однимъ словомъ дерзновенно уничтожить то, что сдѣлано посредствомъ долговременныхъ изслѣдованій.

Сіе-то славное, или лучше сказать обезславленное Liberum veto было одною изъ главныхъ причинъ упадка Польши. Пренія и вражды за вѣру также не мало споспѣшествовали нарушенію внутренней тишины въ семъ, нѣкогда сильномъ и воинственномъ государствѣ. Диссиденты, составляющіе не малую часть жителей въ Польшѣ, до тѣхъ поръ были жестоко притѣсняемы, пока наконецъ сосѣдственныя державы нашлись принужденными за нихъ вступиться.

(Съ Нѣмецкаго.)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Ожидаемъ подробнаго увѣдомленія о кровопролитныхъ битвахъ при Гейльсбергѣ, Фридландѣ и Инстербургѣ. Пишутъ въ Рижскихъ листкахъ, что обѣ стороны сражались жестоко, и что бытописанія новѣйшихъ временъ не представляютъ подобныхъ при-

мѣровъ. По тѣмъ же листкамъ видно, что перемирїе заключено въ главномъ станѣ Россїйскаго войска. Въ Ригѣ получено подлинное извѣстїе, что *Князь Лобановъ-Ростовскїй и Генералъ Бертье, уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, подписали перемирїе на одинъ мѣсяцъ*, что *войска остаются на мѣстахъ своихъ*, и что *непрїятельскїя дѣйствїя должны начаться не иначе, какъ спустя четыре недѣли по предварительномъ объявленїи.*

Слухи о высадкѣ въ сѣверной Германїи Англичанъ оказались несправедливыми. По письмамъ изъ Лондона отъ 30 Мая видно, что недоставало трехъ полковъ, которые не успѣли еще придти къ пристани. Англїйское правительство, вѣроятно, съ большимъ усердїемъ постарается исполнить долгъ свой, когда узнаетъ о вступленїи Французскихъ войскъ въ Данцигъ и Кенигсбергъ; медленность при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ вовлечь ее въ бездну несчастїя, отъ котораго не спасутъ подвиги Фразеровы въ Египтѣ.

Генералъ Лестокъ подался къ Кенигсбергу для защищенїя города сего отъ нашествїя Генерала Виктора, которой, получивъ подкрѣпленїе въ силѣ, принудилъ перваго засѣсть въ окопахъ при Кенигсбергѣ.

Непріятель началъ палить по городу. Е. В. Король, отечески болѣзнуя о подданныхъ своихъ, и желая предотвратить разореніе открытаго города, приказалъ Генералу Лесноку отступить съ корпусомъ своимъ къ Куришъ-Гафу, и занять выгодное мѣсто при семъ заливѣ. Магазейны сожжены, раненые и проч. увезены, словомъ — всѣ предосторожности взяты, чтобы Французы какъ можно менѣе воспользовались своимъ пріобрѣтеніемъ. Изъ всѣхъ извѣстій, носящихся въ Ригѣ о подробныхъ обстоятельствахъ сдачи Кенигсберга, сіе почитается правдоподобнѣйшимъ — пока не будетъ обнародовано подлинное донесеніе. Кромѣ 300,000 червонцовъ, *поднесенныхъ добровольно* Маршалу Лефевру отъ Данцигскаго купеческаго общества (сказываютъ, будто) на сей городъ и на Кенигсбергъ наложена военная подать по 6,000,000 талеровъ. Это значитъ, что Французы или не хотятъ, или не надѣются въ другой разъ ограбить жителей. Ежели справедливо, какъ вообще увѣрены въ Мемелѣ, что Генералъ Блюхеръ съ 10.000 Пруссаковъ пошелъ къ Берлину, и что сей полководецъ можетъ на пути въ шестеро увеличить свое войско; то и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Французы неминуемо должны лишиться всѣхъ своихъ завоеваній въ сѣверной Германіи.

Непріятельская армія въ Шлезіи состоитъ изъ участка Виртембергцовъ, одной дивизіи Баварцовъ, одного Саксонскаго полку и нѣсколькихъ Французовъ. Къ нимъ долженъ присоединиться Польской легіонъ, призванной изъ Италіи. Сей корпусъ держитъ въ осадѣ Нейссе, Козель и укрѣпленныя мѣста при переправахъ черезъ Варту. Бреславль, Швейдницъ и Бригъ заняты весьма не многочисленнымъ охраннымъ войскомъ. Число Прусаковъ, находящихся въ крѣпостяхъ, простирается до 16,000. Майоръ Гоценъ собралъ 3,000 охотниковъ, которые со всѣхъ сторонъ стекаются подъ знамена Короля, своего государя. Счастіе благопріятствуетъ попеременно то одной, то другой сторонѣ воюющихъ.

Во Французскихъ листкахъ пишутъ, что Буонапарте намѣренъ составить наблюдательную армію изъ 80,000 Испанцовъ, Голландцовъ, Швейцаръ, Нѣмцовъ и Французовъ, и построить ее при Магдебургѣ. Положимъ, что онъ и успѣетъ произвести въ дѣйство сіе свое намѣреніе; но что ежели Шведы, Прусаки и Англичане ударятъ на непріятеля изъ Померанія? что ежели жители сѣверной Германіи возстанутъ? что ежели Австрія, пользуясь отсутствіемъ Французской главной арміи, которая бродитъ около Куришъ-Гафа, направитъ

силы свои къ Баварїи, Франконїи, Саксонїи и Виртембергу? . . . .

Порта требовала отъ Сербовъ, чтобы за нее сражались. Сербы отвѣчали, что они, какъ люди независимые, никогда не поднимутъ оружїя противъ своихъ одновѣрцовъ. Когда Турецкїй посланникъ вздумалъ-было стращать Сербовъ угрозами, Сѵнодъ тотчасъ велѣлъ ему удалиться, и всѣмъ Сербскимъ полкамъ данъ приказъ выступить. Георгъ Черный съ тридцатью тысячами человѣкъ пошелъ къ Виддину, а 15,000 отправилъ въ Боснїю. У Сербовъ считается 72,000 пѣхоты, 18,000 конницы, 9 ротъ артиллерїйскихъ, и 20.000 запаснаго войска, состоящаго изъ людей женатыхъ.

*

Нѣсколько Испанскихъ полковъ прошло черезъ Авгсбургъ. Жители города сего не могутъ довольно выхвалить — *полковую музыку.* Замѣчено также, что Испанскїе ратники вовсе не пьютъ пива, а только *воду съ лимоннымъ сокомъ.*

28 *Іюня.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

I ЮЛЬ, 1807.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Iезуиты и Венецїянская республика.

Iезуиты, скоро по установленїи чина ихъ, поселились и въ Венецїи, гдѣ были приняты великодушно. За великїя благодѣянїя, оказанныя имъ сею республикою, они заплатили гнусною неблагодарностїю. Поводомъ къ тому служило слѣдующее обстоятельство. Сенатъ предалъ смертной казни одного Августинскаго монаха, которой изнасиловалъ и умертвилъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, а двухъ другихъ монаховъ, также за важные проступки, осудилъ на темничное заключенїе. Папа, обыкши наказывать духовныхъ особъ легкимъ церковнымъ покаянїемъ, разсердился за такое нарушенїе мнимыхъ правъ своихъ. Между тѣмъ сенатъ свѣдавъ, что монахи, а особливо Iезуиты, по препорученїю державъ непрїязненныхъ осматрива-

ютъ крѣпости и замѣчаютъ мѣстоположенія, обнародованнымъ въ 1603 году указомъ строго запретилъ, безъ особеннаго дозволенія отъ правительства, вновь строить монашескія обители, храмы и богадѣльни въ земляхъ принадлежащихъ республикѣ, также заводить новыя общества благочестивыя. Спустя потомъ два года изданъ другой указъ, по содержанію коего ни одинъ житель не могъ ни продать, ни отказать въ наслѣдство недвижимое свое имѣніе какому бы то ни было духовному обществу. Въ обоихъ указахъ ничего не упомянуто объ Іезуитахъ; однакожь само собою открывалось, что дѣло особенно до нихъ касается: ибо вопервыхъ падало на нихъ подозрѣніе въ тайныхъ сношеніяхъ съ Испаніею, которой честолюбивыхъ намѣреній страшилась Венеція, — вовторыхъ, Іезуиты, живучи въ пышныхъ чертогахъ и получая доходы почти княжескіе, не переставали накоплять богатства разными хитростями и происками. Они примѣтили, чего хочетъ республика, и начали употреблять свои средства. Весьма не трудно было черезъ Кардинала Белларминa склонить на свою сторону Папу Павла V, которой тотчасъ потребовалъ отъ республики, чтобы преступниковъ освободила изъ темницы, и уничтожила указы. Чѣмъ болѣе старался сенатъ оправдывать поступки свои законны-

ми причинами; тѣмъ упорнѣе Папа стоялъ въ своемъ требованіи. Видя желаніе свое неудовлетвореннымъ, онъ прибѣгнулъ къ духовному оружію, отлучилъ сенатъ отъ церкви въ 1606 году, и наложилъ запрещеніе на всю республику. Сенатъ, увѣренный въ своей невинности, велѣлъ не объявлять народу Папской буллы, а духовенству приказалъ по прежнему отправлять богослуженіе, угрожая въ противномъ случаѣ изгнаніемъ.

Всѣ духовные исполнили волю правительства, кромѣ Іезуитовъ, которые объявили, что по правиламъ своего чина не могутъ ослушаться Папы, и что они готовы отправлять богослуженіе, но съ тѣмъ чтобъ имъ обѣдню читать въ запертыхъ церквахъ. Дожъ увидѣлъ хитрость, и предписалъ всѣхъ Іезуитовъ удалить изъ областей республики. Іезуиты заблаговременно узнавъ о семъ повелѣніи, склонили Капуциновъ на свою сторону, и въ 2 часа ночи торжественно отправились къ стоявшей на берегу баркѣ, имѣя на шеѣ по одному образу Спасителя, и напѣвая псаломъ Давидовъ; передъ ними несли Распятіе. Сей опытъ произвести мятежъ въ народѣ остался безъ успѣха; напротивъ того народъ не скрылъ своего неудовольствія противъ нихъ, и сдѣлалъ бы можетъ быть еще болѣе, когда бы правительство не позаботилось о безопасно-

сти Іезуитовъ. Всѣ дорогія утвари церковныя отданы Испанскому Послу и другимъ тайнымъ сообщникамъ Іезуитскимъ; многія бумаги сожжены; золото и серебро перетоплено, и къ немалому огорченію господъ Іезуитовъ и вѣрныхъ друзей ихъ найдено множество плавиленныхъ горшковъ, послѣ ихъ отшествія.

Сенатъ рѣшился не отмѣнять благоразумныхъ и справедливыхъ своихъ постановленій, и въ потребномъ случаѣ отражать силу силою. Многіе богословы и законовѣдцы въ сочиненіяхъ своихъ защищали республику; между прочими отличился извѣстной ученый монахъ Павелъ Сарпи, которой сильными, неопровергаемыми причинами доказалъ несправедливость Папы и неосновательность опредѣленнаго имъ отлученія отъ церкви. Отцы Іезуиты съ своей стороны не оставались безъ дѣла; не имѣя другихъ способовъ, они прибѣгли къ обыкновенному своему оружію, къ проискамъ и коварству; завели тайную переписку съ друзьями своими; переряжаясь посѣщали Венецію, и подущали гражданъ повиноваться Папскому запрещенію; сѣяли несогласіе между сенаторами; выдавали книги въ пользу Папы; во многихъ городахъ Италіянскихъ читали проповѣди противъ республики; называли правительство нечестивымъ, зараженнымъ ересью, своеволь-

нымъ; старались подущать Италїянскихъ государей, чтобы въ своихъ областяхъ не дозволяли Венецїянамъ набирать людей * для военной службы; ходили по деревнямъ, и угрожали вѣчными муками въ адѣ тѣмъ изъ жителей, которые дерзнутъ служить подъ Венецїянскими знаменами. Въ одномъ письмѣ къ Папѣ Іезуиты написали, что хотя республика и признала Генриха IV законнымъ Королемъ Францїи, однакожь они устрашенїемъ совѣсти и отказами въ отпущенїи грѣховъ стараются многихъ сенаторовъ принудить отречься отъ даннаго согласїя, и что въ одной только Венецїи имѣютъ на своей сторонѣ триста юношей знаменитѣйшихъ породою, готовыхъ сдѣлать все, что Папа имъ ни прикажетъ. Замужнїя женщины оставили въ небреженїи супружескїя свои должности, дѣти перестали повиноваться отцамъ своимъ; ибо Іезуиты однихъ и другихъ на исповѣди увѣрили, что мужья ихъ и отцы отлучены отъ церкви, и что съ такими людьми грѣшно жить въ союзѣ. Извѣстно, что Іезуиты хитрымъ образомъ разспрашивали духовныхъ своихъ дѣтей о семейственныхъ дѣлахъ, вывѣдывали у нихъ тайны государственныя, и обо всемъ черезъ каждые шесть недѣль доносили своему Генералу. Въ Падуѣ и Брешїи, гдѣ они не успѣли сжечь всѣхъ бумагъ своихъ, найдены вѣрныя записки о достаткѣ

и о расположенїи ума каждаго гражданина, также объ источникахъ силы и богатства республики, и другїя бумаги, которыя показали, что преподобные отцы болѣе заботились объ основанїи земнаго царства, нежели о достиженїи небеснаго.

Узнавши о сихъ пагубныхъ для республики намѣренїяхъ, сенатъ Венецїянскїй нашелъ себя принужденнымъ опредѣлить въ 14 день Іюля 1606 года: „Какъ Іезуиты беззаконно употребляли во зло исповѣдь, стараясь освѣдомляться о тайнахъ семейственныхъ и государственныхъ; развращали молодыхъ людей, ввѣренныхъ имъ для наставленїя; поселяли пагубныя мнѣнїя въ кандидатахъ сенаторства; бывъ осыпаны благодѣянїями отъ республики, непрїятельски противъ нее дѣйствовали: для того сенатъ опредѣляетъ изгнать ихъ на всегда изъ областей Венецїянскихъ.“

Іезуиты распалились яростїю. Папа, котораго всѣ хитрости остались безъ успѣха, рѣшился прибѣгнуть еще къ одному способу. Онъ объявилъ о празднованїи всеобщаго юбилея, и щедрою рукою разсыпалъ отпущенїе во грѣхахъ; одни только отлученные отъ церкви не могли воспользоваться сею милостїю. Зная, что всѣ Италїянцы высоко цѣнятъ такїя благодѣянїя Римскаго

Первосвященника, онъ надѣялся уловкою сею возбудить несогласіе между народомъ и сенатомъ, и даже воспламенить мятежъ, полезный для себя и для Іезуитовъ. Господа сіи постарались увѣдомить тайныхъ своихъ почитателей въ республикѣ, что хотя всѣ Венеціяне вообще не должны бы участвовать въ Папской милости, однакожь имъ поручено обрадовать отпущеніемъ грѣховъ каждаго гражданина, которой объявитъ неудовольствіе свое противъ сената и не станетъ ходить въ церковь. Сверхъ того они выпустили въ народъ книги, въ которыхъ писано было объ отпаденіи Венеціянской республики отъ Римской церкви, и въ которой Папа названъ Антіхрістомъ; это сдѣлано для того чтобы народу, приверженному къ ученію Римской церкви, внушить ложное понятіе о намѣреніяхъ сената, и произвести смятеніе. Сенатъ обѣщалъ давать награжденія, кто откроетъ имена сочинителей упомянутыхъ книгъ. Наконецъ видя, что Іезуиты продолжаютъ соплетать козни свои противъ республики, запретилъ жителямъ всѣхъ состояній имѣть переписку и обращеніе съ Іезуитами, подъ страхомъ денежной пени и ссылки на галеры; а родителямъ и опекунамъ, коихъ дѣти и воспитанники учились въ заграничныхъ Іезуитскихъ коллегіяхъ, повелѣлъ вызвать ихъ обратно въ отечество.

Сердитые поступки Папы и кроткая умѣренность республики сдѣлали то, что многія чужестранныя державы взяли сторону послѣдней. Даже Испанія, видя общій союзъ противъ Папы, перестала споспѣшествовать честолюбивымъ его намѣреніямъ. Святый Отецъ принужденнымъ нашелся, чрезъ посредство Французскаго двора, помириться съ Венеціянскою республикою; однакожь, вопреки всѣмъ стараніямъ его, опредѣленіе сената осталось непремѣннымъ.

(*Съ Нѣм.*)

II.

О сказкахъ и объ Англійскихъ писательницахъ.

(Взято изъ письма одной Нѣмки къ ея пріятельницѣ.)

Я думаю, при нынѣшнемъ состояніи обществъ надобно непремѣнно, чтобы женщины читали сказки, на зло строгимъ нравоучителямъ; хотя, сказать правду, сіи господа проповѣдуютъ въ пустынѣ. Какимъ образомъ женщины — говоритъ Жанъ-Поль — безпрестанно занимаясь домашними заботами, мечтами и бездѣлками, какимъ образомъ чувствовали бы, что имѣютъ душу, еслибъ не наполняли ее любовію? А я прибавила бы

еще: *и еслибъ не читали сказокъ.* Сколько опасныхъ прихотей, сколько нелѣпыхъ затѣй изчезнетъ, можетъ быть, при самомъ началѣ своемъ; сколько времени сбережется отъ сплетней, отъ сидѣнья за уборнымъ столикомъ и за картами, ежели нравоучительный даръ вымысла въ счастливую минуту дастъ возвышенный полетъ воображенію, возбудитъ въ сердцѣ благородныя и нѣжныя чувствія, и бросить въ голову искру философическихъ понятій! Поелику женщины болѣе читаютъ и должны читать сказки; то я желала бы, для успѣховъ благонравія, чтобы онѣ взяли на себя трудъ доставлять обществу сіи необходимые для жизни припасы, какъ дѣлается въ Англіи; я желала бы, чтобъ наши соотечественницы, отличныя по званію своему и воспитанію, такимъ образомъ употребляли свои способности, какъ Англичанки. Выключая одного Гете, которой живо и точно изображаетъ свойства женщинъ, всѣ сочинители обыкновенно представляютъ насъ такъ непохожими, такъ далекими отъ образца нашего пола, что или вовсе нѣтъ возможности близко подойти къ ихъ идеаламъ, или подражая имъ будешь смѣшною. Признаюсь однакожь, что фабрика сказокъ слишкомъ обильна въ Англіи; и ежели съ одной стороны доказываетъ она, что тамъ вообще всѣ женщины хорошо воспитываются; то съ дру-

гой не менѣе обнаруживаетъ, что вкусъ еще не достигъ совершенства и не обработанъ для возвышенныхъ произведенiй. Сказки женскаго рукодѣлья и благопристойны и нравоучительны, но къ сожалѣнiю однообразны, слишкомъ правильны. Въ нихъ описываются не существа живыя и свободныя, разнообразныя оттѣнками въ свойствахъ и наружномъ видѣ, но куклы хорошiя и дурныя, искусно сдѣланныя со строжайшимъ наблюденiемъ правильности. Женщины стѣсняются приличностями общежитiя; притомъ же знанiя ихъ бываютъ весьма часто необширны, недостаточны; все сiе препятствуетъ имъ, даже въ вымыслахъ, возноситься выше посредственности. Имъ остается только завидовать мущинамъ, которые напитавшись классическою словесностiю, смѣлою и свободною кистiю изображаютъ разительныя картины.

Въ ожиданiи, пока мущины захотятъ или возмогутъ способностями своими споспѣшествовать усовершенствованiю женскаго вкуса, я желала бы — и желанiе мое есть самое безпристрастное — чтобъ они благоволили дать намъ полную свободу отличаться на такомъ поприщѣ, на которомъ женской умъ, повинуясь одному только своему инстинкту, счастливому побужденiю, не подвергается великой опасности. Я желала бы, чтобы пощадили женщинъ отъ вѣчныхъ

упрековъ за приторную сентиментальность, за нравоучительныя повторенія, за тусклыя, слабыя краски, и проч. — упрековъ, всегда чрезмѣрныхъ, часто весьма несправедливыхъ; ибо не однѣ женщины, но часто и господа мущины, гоняясь за новостію, за разительностію, дѣлаютъ чудесныя странности. Мы имѣемъ право хвастаться, что сообщили Англичанамъ сію страсть отличаться: тому служатъ доказательствомъ нелѣпыя бредни г-жи Радклифъ, ужасныя бредни г-на Левиса и вообще сказки о мертвецахъ. Не понимаю, чѣмъ соплетенія сіи лучше прекрасныхъ картинъ нравоучительныхъ, которыя находимъ въ старыхъ повѣстяхъ Англійскихъ, каковы сочиненія г-жи Бюрней, къ сожалѣнію почитаемыя нынѣ *слишкомъ умными*. Соглашаюсь, что Нѣмецкіе читатели, которыхъ первостепенные наши сочинители приучили къ превосходнымъ своимъ твореніямъ, можетъ быть въ повѣстяхъ г-жи Бюрней не найдутъ много поэзіи, философіи, свободы; соглашаюсь, что они тщетно искать здѣсь будутъ новой стороны человѣческой жизни и сердца: но за то уже найдутъ много прекраснаго въ другомъ родѣ, слогъ чистой и красивой, точныя картины нравовъ и мнѣній Англійскихъ, здравыя правила нравоученія, полезные уроки. Я читала съ великимъ удоволь-

ствіемъ *Эвелину* и *Цецилію*. *Камилла*, последнее сочиненіе сей любезной писательницы, заключаетъ въ себѣ многія трогательныя лица и свойства; напротивъ того другія представлены не въ естественномъ видѣ; отъ того, по моему мнѣнію, и вся книга показалась бы странною въ переводѣ. Но развѣ непремѣнно должно переводить все безъ разбору? Нѣтъ! почесть сію надлежитъ оказывать только ученымъ и полезнымъ сочиненіямъ. Плоды воображенія, остроумія, и моды, любимые на родинѣ, бывъ перенесены въ другую землю, теряютъ красу свою.

Вы требуете, чтобы я упомянула о нѣкоторыхъ Англичанкахъ, извѣстныхъ по своимъ сочиненіямъ. Съ охотою. Г-жа Беннетъ сочинила прекрасную повѣсть, подъ названіемъ *Роза*. Г-жа Инчбальдъ была бы великою писательницею, еслибъ обстоятельства дозволили ей обогатиться свѣдѣніями. Г-жа Робинзонъ извѣстна прекрасными своими стихотвореніями. Шарлота Смитъ есть весьма трудолюбивая писательница и женщина пренесчастная; всѣ сочиненія показываютъ жалкую судьбу ея, вездѣ видно неудовольствіе, негодованіе, привычка къ жалобамъ и роптанію; и все сіе имѣетъ великую силу надъ ея способностями, и заставляетъ ее быть однообразною. Она сочинила нѣсколько сонетовъ,

въ которыхъ меланхолія представляется въ видѣ величественномъ, истинно пиѳическомъ.

Анна Ярслей, молочница, есть въ ученомъ свѣтѣ метеоръ, которой явленіемъ своимъ обрадовалъ всѣхъ женщинъ; онъ ясно доказалъ, что природа равно щедра въ своихъ дарахъ и къ мущинамъ и къ женщинамъ — что о томъ ни говорятъ простодушные попугаи добраго и несогласнаго съ собою самимъ Жанъ Жака Руссо. Эта молочница есть то между женщинами, что Бурнсъ между мущинами. Она даже превзошла его въ дарованіяхъ и вкусѣ, хотя долженствовала преодолѣвать равныя препятства. Правда, перо ея не такъ сильно, не такъ выразительно, и это отъ того что она, какъ женщина, наблюдала болѣе строгости и разборчивости.

Между Англійскими стихотворцами нашего времени занимаетъ первое мѣсто г-жа Барбаулдъ, которая при совершенномъ знаніи своего искуства, при всегдашнемъ стремленіи къ цѣли нравоучительной, отличается истиннымъ дарованіемъ. Въ стихахъ ея видѣнъ недостатокъ пылкости; но сему причиною Англійскій климатъ. Въ другой землѣ она писала бы иначе.

Другая женщина недавно издала въ свѣтъ два тома своихъ драматическихъ со-

чиненій подъ названіемъ Plays of the Passions; онѣ странны по своему расположенію. Сочинительница, которой имя извѣстно, хотя она и не объявила его, вздумала написать о каждой страсти по одному драматическому разсужденію, то есть каждая страсть служитъ у нее содержаніемъ для трагедіи или комедіи. Еще страннѣе, что добровольно назначивъ для себя кругъ столь тѣсный, она умѣла удержать тонъ возвышенный и свободный. Не удивительно, что въ сихъ ея сочиненіяхъ недостаетъ порядка; ибо извѣстно, что рѣдко одна страсть управляетъ сердцемъ, и что господствующей страсти всегда содѣйствуютъ другія. Первая трагедія называется *Графъ Базиль*; въ ней изображена непреодолимая любви сила, волшебствомъ своимъ усыпляющая даже великія души. Молодой неустрашимый полководецъ Карла V, живущій только для славы и незнакомый съ любовью, проходитъ съ войскомъ своимъ черезъ Мантую, и влюбляется въ дочь Княжескую при первомъ свиданіи съ нею. Князь, тайный почитатель Франциска I, бывъ увѣдомленъ о предполагаемомъ сраженіи въ окрестностяхъ Падуи между Французами и подданными Императора, вознамѣревается удержать Графа при дворѣ своемъ, чтобы ослабить Императорское войско. Онъ подущаетъ дочь уловить гостя въ любовныя сѣти, и

приказываетъ, чтобы она сама пригласила Графа къ пиршеству. Княжна употребляетъ всѣ хитрости женскія, чтобы понравиться Графу; истинная нѣжность мало по малу заступаетъ мѣсто притворства. Графъ, ослѣпленный страстію, забываетъ свою должность, и никакая сила человѣческая не можетъ освободить его изъ сѣтей коварства. Войско начинаетъ роптать; искры мятежа готовы произвести пламень; друзья совѣтуютъ Графу, требуютъ неотступно, просятъ, — все тщетно: Графъ не въ силахъ расторгнуть цѣпей своихъ. Проходитъ одинъ день, другой; наконецъ ему сказываютъ, что Императоръ, не дождавшись его, одержалъ побѣду надъ непріятелемъ. Тогда Графъ, чувствуя стыдъ, и будучи не въ состояніи перенести его, насильственно прекращаетъ жизнь свою; бѣдная Княжна, терзаемая угрызеніемъ совѣсти и любовію, умираетъ на его трупѣ.

Содержаніе прекрасное, однакожь дѣйствіе не на одной любви основано. Политика завязываетъ узелъ; самоубійство есть слѣдствіе не любви, но чувства чести и отчаянія. Одна любовь, господствуя въ сердцѣ Графа, должна бы утѣшить и еще болѣе ослѣпить его.

Въ числѣ Англичанокъ, отличившихся превосходствомъ разума и дарованій, по мо-

ему мнѣнію, первое мѣсто занимаетъ г-жа Макаулей-Грагамъ. Можетъ быть, милой другъ мой, кроткая и терпѣливая душа твоя найдетъ слишкомъ много дерзости, много запальчивости въ сочиненіяхъ сей республиканской дѣеписательницы. И я думаю, что въ нихъ недостаетъ того спокойствія, той умѣренности, которыхъ изящной вкусъ требуетъ отъ историка. Однакожь не льзя не удивляться въ нихъ тому величію, той свободности, той философической проницательности, той силѣ въ мысляхъ и выраженіяхъ, которыя изумляютъ читателя, подобно быстрому потоку увлекаютъ его съ собою, и даютъ писателю неоспоримыя права на знаменитость.

Г-жа Брінтъ написала Курсъ астрономіи для пользы юношества. Ясность, порядокъ въ мысляхъ и вытиснутое, при книгѣ приложенное, изображеніе лица сочинительницы ручаются, что она есть особа прелюбезная.

Дѣвица Анна Муръ есть любимица просвѣщеннѣйшей части общества. Слогъ ея чистъ, красивъ и правиленъ; наставленія относящіяся до нравственности и воспитанія достойны общей хвалы.

Наконецъ скажу тебѣ что-нибудь о Маріи Волстонекрафтъ. Съ самаго пріѣзда

сюда я безпрестанно занимаюсь ея сочиненіями, ея несчастіями, ея странными приключеніями. Во время революціи попалась мнѣ въ руки книга ея: *Защищеніе правъ женскихъ*; такое названіе подало мнѣ сперва не очень выгодное мнѣніе. Я подумала, что найду въ книгѣ сей подражаніе Томасу Пену. Какъ же я ошиблась! какая чудесная сила повлекла душу мою къ той, которая открывалась ей! какая разительность! сколько новыхъ, точныхъ мыслей о достоинствѣ и судьбѣ женщинъ! съ какою проницательностію разсмотрѣны самыя начала развращенія общества! Не скрою однакожь, что жесткость, грубость и несвязность не нравятся въ семъ сочиненіи.

Впрочемъ сіи недостатки, по моему мнѣнію, не помрачаютъ высокаго дарованія писательницы. Невозможно мнѣ было не полюбить ее. Признаюсь, что почтеніе и любовь моя къ г-жѣ Волстонскрафтъ мало по малу должны были исчезнуть, когда мнѣ сказали, что она душевно предана сторонѣ демократовъ; что всѣмъ сердцемъ благопріятствуетъ ненавистнымъ начальникамъ Жиронды; что незаконнымъ союзомъ своимъ подавала явной соблазнъ обществу; что поднимала руки на собственную жизнь свою; что чудеснымъ образомъ спасена будучи отъ смерти, свела знакомство съ новымъ

любовникомъ, и что не иначе согласилась принять благословенїе брачное, какъ по неотступной его прозьбѣ . . . . . .

(Съ Франц.)

III.

Котъ и зеркало.

Невѣжды - мудрецы, которыхъ вѣкъ проходитъ
Въ исканїи такихъ вещей,
Какихъ никто, ни какъ въ семъ мірѣ не находитъ,
Послѣдуйте коту, и будьте поумнѣй!
На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Федотка котъ,
И чистилъ морду . . . . Вдругъ, глядь въ зеркало, Федотъ
И тамъ. Точь въ точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мордой щелкъ въ стекло,
Мяукнулъ, фыркнулъ! . . . . . „Понимаю!“ —
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!“
Бѣжитъ . . . . . О чудо! никого.
Задумался: кудабъ такъ скоро провалиться?
Бѣжитъ назадъ! опять Федотка передъ нимъ!

„Постой я знаю какъ! ужь быть тебѣ моимъ!“
Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,
Боясь чтобъ, ходя вкругъ, кота не упустить,
Или чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту быть!
Припалъ какъ воръ, вертитъ глазами;
Двѣ лапки здѣсь, двѣ лапки тамъ;
Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сторонамъ;
Нагнулся. . . . Вотъ опять хвостъ, лапка, носъ съ усами.
Хвать! хвать! когтями цапъ-царапъ!
Далъ промахъ, сорвался и бухъ на столикъ съ рамы;
Кота же нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда жалѣя лапъ —
(Замѣтьте мудрецы упрямы!) —
И вѣдать не хотя, чего не льзя понять,
Федотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ низкій;
А самъ отправился съ мышами воевать,
Мурлыча про себя:“ Не всѣ къ намъ вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!“

В. Ж — ій.

IV.

О древнихъ дорогахъ.

(Изъ соч. Красицкаго.)

Природа не дозволила человѣку быть на одномъ мѣстѣ. Существо, для общежитія созданное, ищетъ подобныхъ себѣ, или его другіе ищутъ; отсюда происходитъ начало дорожекъ, протоптанныхъ пѣшеходцами. Когда люди стали употреблять для ѣзды лошадей и воловъ; дороги сдѣлались шире, и уже принадлежали не одному человѣку, но цѣлому обществу, слѣдственно обратили на себя вниманіе правительства, и содѣлались предметомъ его попеченій.

Дороги суть двоякаго рода: однѣ общественныя, отъ города до города, отъ государства до государства простирающіяся, и собственно подлежащія вѣдомству правительства; другія, примыкающія къ общественнымъ, отъ деревни до деревни ведущія, и долженствующія быть подъ надзоромъ какъ правительства, такъ и помѣщиковъ.

Съ какою попечительностію въ глубокой древности смотрѣли за большими дорогами, о томъ свидѣтельствуетъ Страбонъ, описывая извѣстныя въ его время дороги подъ названіемъ Семирамидиныхъ. То же са-

мое подтверждаетъ Діодоръ Сицилійскій, упоминая о дорогѣ къ Вавилону, для украшенія коей Семирамида приказала воздвигнуть обелискъ, почитавшійся въ числѣ чудесъ міра. Сей же писатель далѣе повѣствуетъ, что знаменитая царица Вавилонская на пути къ Экбатанѣ достигши горъ Заркаскихъ, непроходимыхъ по причинѣ утесовъ и пропастей, тотчасъ велѣла сравнять горы и засыпать рвы. Путешественники, которые прежде были принуждены объѣзжать кругомъ, нашли передъ собою дорогу прямую, выгодную и даже пышную.

О Греческихъ дорогахъ не имѣемъ подробныхъ описаній; знаемъ однакожь, что въ Аѳинской и другихъ республикахъ были особые чиновники, которыхъ должность состояла въ присмотрѣ за дорогами, какъ можно видѣть изъ современныхъ и позднѣйшихъ сочиненій. Павзаній описавшій Греческія области и города упоминаетъ, что для украшенія дорогъ воздвигаемы были зданія въ честь боговъ и мужей знаменитыхъ. То же самое дѣлали Римляне, которые при общественныхъ дорогахъ выбирали мѣста для погребенія своихъ предковъ, и назначали оныя для потомковъ; и нынѣ еще видны памятники Метелловъ, Сципіоновъ и другихъ славныхъ поколѣній. Надписи на гробницахъ — начинающіяся словами: Sta Viator,

Остановись путешественникъ — означаютъ, что онѣ полагаемы были при дорогахъ для мимо ходившихъ и ѣздившихъ.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что Карѳагенцы прежде всѣхъ начали устилать дороги камнями для выгодъ торговли, которая привлекала сосѣдственные народы въ столичной и другїе города знатнѣйшїе. Чужестранные купцы, привозившїе товары свои для обмѣна или на продажу, весною и осенью не встрѣчали препятства въ путешествїи.

Прежде всѣхъ изъ Римлянъ Аппїй Клавдїй сдѣлалъ и устлалъ камнями дорогу, которая и теперь еще называется его именемъ; она простиралась на тридцать миль, начиная отъ Рима до Капуи, то есть до тогдашнѣй границы республики. Два воза могутъ удобно ѣхать по ней; камни, величиною въ длину и ширину по пяти футовъ, такъ крѣпко сплочены, что и нынѣ, по прошествїи 2000 лѣтъ, остаются въ прежнемъ своемъ положенїи. Дорога Аврелїя Котты сдѣлана послѣ, а именно въ 512 году послѣ созданїя Рима; она простиралась большею частїю надъ моремъ Тирренскимъ до селенїя Forum Julii, гдѣ нынѣ городъ отъ древняго имени называемый *Форли*. Третья дорога начата Фламинїемъ, кото-

рой погибъ сражаясь противъ Аннибала, а окончана его сыномъ; она вела до Ariminum, называемаго теперь *Римини*. Домицій Энобарбъ устлалъ камнемъ дорогу *Домицієву*, которая тянулась до Савои, Лигурїи и Галлїи. Августъ Цезарь велѣлъ съ великимъ иждивенїемъ построить дорогу отъ Гадесъ до Медимны; по его старанїю въ Галлїи сдѣланы четыре дороги, соединявшїяся въ Лугдунѣ (Лїонѣ), и простиравшїяся чрезъ всю нынѣшнюю Францїю, которая тогда была Римскою провинцїею. Вообще правительство такъ заботилось о дорогахъ, что отъ Рима до самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ государства, въ трехъ частяхъ свѣта, путешественникъ вездѣ находилъ выгоды, удобство и великолѣпїе.

Остатки тѣхъ дорогъ въ наше время служатъ очевиднѣйшими доводами Римскаго величїя и попечительности добраго правительства.

Какимъ образомъ дѣланы были старинныя дороги, что могли устоять противъ силы времени, противъ которой ни что устоять не можетъ? Это показываютъ развалины, свидѣтельствующїя о безпечности потомковъ. Каналы, нарочно сдѣланныя для теченїя воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь засыпаны землею и щебенемъ.

Гдѣ надлежало быть дорогѣ, тамъ рыли землю глубиною на нѣсколько локтей, смотря по качеству почвы. Вообще первой слой состоялъ изъ песку съ известью; на немъ туго набивали каменья, и чтобы не допустить влагѣ проникнуть туда, наполняли промежутки мокрымъ пескомъ и известью; за тѣмъ слѣдовалъ слой изъ мѣлкихъ кремней и другихъ крѣпкихъ камешковъ изъ кирпича и щебня; все сіе бывъ разбито на мѣлкія частицы и перемѣшано съ глиною, дѣлало толстую полосу поверхности, какая бываетъ на току для молотьбы хлѣба; потомъ еще накладывали слой земли съ известью; надъ нимъ крупной песокъ съ глиною и известью представлялъ помостъ, на которомъ ѣздили.

Многочисленныя войска, которыя суть тяжелое бремя для государства въ мирное время, тогда были весьма полезны; имъ поручено было строить дороги. Защитникъ отечества не стыдился, положивъ оружіе, брать въ руки свои заступъ: ложное понятіе о чести не ослѣпляло его; любовь къ отечеству дѣлала почтенною сію работу. Непобѣдимые легіоны Римскіе созидали неразрушимыя дороги. Между тѣмъ какъ безполезныя извѣстія объ ихъ военныхъ подвигахъ остаются въ книгахъ; памятники мирнаго трудолюбія предъ лицемъ позднѣйшаго

потомства славятъ имена ихъ. Мы стараемся превзойти древнихъ, и въ худомъ уже успѣли оставить ихъ за собою; для чего не хотимъ подражать имъ въ *добромъ*?

(*Съ Польскаго.*)

V.

О храненіи тайны.

(Изъ Сочин. Красицкаго.)

Сказываютъ, что одно изъ самыхъ лучшихъ качествъ министра есть, когда онъ умѣетъ хранить ввѣренную тайну. Я думаю, что не одни только министры должны быть молчаливы. Хотя имъ по большей части ввѣряются важнѣйшія тайны; однакожь во всякомъ состояніи тотъ, которому объявлено что-нибудь подъ условіемъ, не иначе можетъ сообщить это другому, какъ получивъ дозволеніе. Здѣсь по обычаю надлежало бы сдѣлать упрекъ женскому полу; а объ этомъ говорено такъ часто и такъ несправедливо, что мнѣ приходитъ на мысль: не умышленно ли мущины складывали вину свою на женщинъ, и не болѣе ли они думали о своей пользѣ, нежели объ исправленіи женскаго пола? Такъ! женщины умѣютъ хранить вѣренныя тай-

ны; если бы разсмотрѣть поступки обоихъ половъ, то можетъ быть надлежало бы отдать преимущество въ храненіи тайны — прекрасному.

Курцій, дѣеписатель Александра великаго, увѣряетъ, что нескромной разсказчикъ былъ всѣми презираемъ у Персовъ; они говорили, что на послѣдней степени разврата стоитъ не только тотъ, кто не дѣлаетъ добра, но и тотъ, кто отъ зла не удерживается.

Скромность есть самая нетрудная добродѣтель. Кто, не будучи побуждаемъ ни страхомъ, ни надеждою, не можетъ исполнить ее; тотъ долженъ быть или весьма развращенъ, или весьма глупъ. Говорятъ, что тяжело хранить тайну. Кто чувствуетъ тягость сію; тотъ показываетъ, что силы его очень слабы, или лучше что никакихъ не имѣетъ.

Между множествомъ разныхъ побудительныхъ причинъ нескромности, по моему мнѣнію, чванство занимаетъ не послѣднее мѣсто. Мы разсказываемъ другимъ ввѣренныя тайны, для того чтобъ похвалиться, какъ уважаютъ насъ тѣ, которые открываютъ предъ нами свое сердце. Но какъ же обманываемся въ своемъ мнѣніи! ибо тотъ, кому объявляемъ, видитъ, что мы недо-

стойны оказаннаго намъ отличія; если онъ по скромности не разгласитъ о томъ, что услышалъ отъ насъ, то по крайней мѣрѣ заключитъ, что мы и передъ другими бываемъ такъ же нескромны. Слѣдственно разказчикъ тайнъ вдругъ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ: обижаетъ своего пріятеля; лишается довѣренности у того, кому объявляетъ; вмѣсто ожидаемой выгоды, терпитъ поношеніе.

Есть люди, которые чувствуютъ, что несправедливо поступаютъ; но чувствуютъ также, что тайна тяготитъ ихъ, и потому стараются извинить себя предъ собою, уменьшить вину свою, оправдаться. Одни думаютъ, что открывая тайну оказываютъ услугу; что симъ способомъ приобрѣтаютъ добраго пріятеля себѣ и вѣрителю; что самъ вѣритель, будучи на ихъ мѣстѣ, сдѣлалъ бы тоже. Согласимся на часъ; но кто увѣрилъ ихъ, что слѣдствіе удастся по желанію? почему сперва не посовѣтоваться съ тѣмъ, отъ кого поручена тайна? для чего прежде было не спросить, можно ли разсказать ее другому? зная, какъ трудно сохранить тайну, для чего было принимать на себя несносную тягость? Самолюбіе не терпитъ признанія въ собственной слабости; но гораздо полезнѣе для насъ признаваться въ неспособности своей, нежели оп-

важно приниматься за такое дѣло, котораго не можемъ исполнить. Человѣкъ призчательный достоинъ уваженія даже при слабости своей; ибо честная искренность есть сама по себѣ добродѣтель.

Не должно безъ крайней надобности объявлять другому свои тайны; но въ такомъ случаѣ, неосторожность вредна тому только, кто открываетъ. Каждой воленъ, хотя это и неблагоразумно, вредить себѣ самому; ибо каждой властенъ распоряжать своимъ какъ хочетъ: но присвоивать себѣ чужія права есть хищеніе тѣмъ меньше извинительное, чѣмъ важнѣе тайна.

Пословица говоритъ: *у друзей все есть общее*; слѣдственно собственность одного равно принадлежитъ и другому. Такія общія пословицы обыкновенно требуютъ особенныхъ условій, смотря по обстоятельствамъ людей, времени, мѣста. Благоразумная вольность можетъ имѣть мѣсто въ дружбѣ; но тотъ грубо ошибается, кто сею вольностію сталъ бы извинять свою нескромность. Ни дружба, ни близкое родство, ниже супружеской союзъ не освобождаютъ отъ повинности хранить вѣренную тайну; въ противномъ случаѣ ни одинъ женатой человѣкъ, ни одинъ имѣющій друзей и родныхъ не былъ бы способенъ служить своему отечеству. Славны

еще и нынѣ видимые истуканы Папирїи съ ея сыномъ. Мать неотступно требовала, чтобы сынъ объявилъ ей тайну слышанную въ сенатѣ; онъ захотѣлъ лучше выдумать ложь, нежели обнаружить то, чего знать матери не надлежало. Римляне воздвигли памятникъ въ честь юнаго гражданина, желая засвидѣтельствовать передъ потомствомъ о воздержности его, и передать будущимъ вѣкамъ правило, что ни для какихъ причинъ не должно нарушать важныхъ обязанностей.

У Спартанъ, когда юныхъ только вышедшихъ изъ младенчества гражданъ въ первой разъ допускали къ общему столу, старшїй изъ присутствующихъ подводилъ ихъ къ дверямъ и указывая на столъ произносилъ: *что тамъ говорится, сюда не выходитъ.* Такимъ образомъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ заблаговременно приучали молодыхъ людей быть впредь осторожными въ дѣлахъ важныхъ; и навыка сего таковы были слѣдствїя, что въ молчанїи и воздержности ни одинъ народъ не превзошелъ Спартанцовъ. Благоденствїе и слава ихъ ясно показываютъ, что скромность весьма полезна. Еслибъ оныя достопамятныя слова написаны были въ наше время на дверяхъ судилищь и даже домовъ частныхъ; много тѣмъ предотвратилось бы вреда и безпокой-

ства, слава и доброе имя гражданъ сохранились бы въ безопасности, счастїе государствъ возрастало бы отчасу болѣе.

Нескромность иногда старается извинить себя тѣмъ, что будто бы чужую тайну объявлять можно, когда поступокъ сей обѣщаетъ большую выгоду, нежели какую принесло бы молчанїе. Отговорка благовидная и довольно сильная; однакожь гораздо безопаснѣе, ничего не угадывая напередъ, крѣпко держаться правила честнаго, любезнаго сердцамъ добрымъ: *не дѣлай зла для добрыхъ слѣдствїй.*

Изъ всего что сказано слѣдуетъ заключить, что долгъ хранить тайну есть долгъ священный, ненарушимый. Вмѣстѣ съ чужою тайною человѣкъ принимаетъ на себя тягость непрїятную и опасную; человѣкъ сей долженъ быть увѣренъ въ силахъ своихъ, долженъ, такъ сказать, быть героемъ дружества и человѣколюбїя; онъ возлагаетъ на себя узы опасной принужденности; подвергается непремѣнной обязанности молчать и поступать такъ осторожно, чтобы тайна не открылась даже во взорахъ его; возбуждаетъ подозрѣнїе въ самомъ твердомъ другѣ своемъ, ибо не льзя статься, чтобы сей, повѣривъ тайну, не боялся или измѣны или неосторожности.

Что законы говорятъ о вѣряемомъ въ чужія руки имуществѣ, все то равнымъ образомъ относиться можетъ и до вѣренной тайны, тѣмъ болѣе, что съ нею бываютъ соединены слава наша, доброе имя и все драгоцѣннѣйшее въ жизни. Ежели при всякомъ начинаніи надобно прилѣжно обдумывать, что, какъ и когда дѣлать; то въ семъ случаѣ еще осторожнѣе поступать надлежитъ, чтобы не посрамить себя, и не оскорбить того, кто удостоилъ насъ своей довѣренности.

(*Съ Польскаго.*)

VI.

О магіи.

Что есть магія? Таинство дѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать сама природа; это не возможно! Однакожь во всѣ времена вѣрили магіи. Слово сіе произошло отъ *Магъ*, *Магдимъ*, или Маговъ Халдейскихъ. Они были ученѣе другихъ людей; изыскивая причины дождя и ведра, дали поводъ думать о себѣ, что дождь и ведро состоятъ въ ихъ власти. Маги разумѣли Астрономію; которые изъ нихъ были глупѣе и дерзновеннѣе прочихъ, тѣ занимались Астрологіею. Случалось ли какое-нибудь произше-

ствіе во время соединенія двухъ планетъ; изъ того выводили заключеніе, что планеты управляютъ произшествіями, а мудрые астрологи планетами. Случалось ли кому видѣть во снѣ друзей своихъ, умирающихъ или умершихъ; тотчасъ приписывали это дѣйствію волшебниковъ.

Узнавши теченіе луны, не трудно было сводить ее на землю. Маги имѣли власть даже надъ жизнію человѣческою: стоило только сдѣлать изъ воску небольшой слѣпокъ, или произнести имя какого-нибудь сильнаго духа. Въ одной весьма ученой книгѣ написано, и подтверждено свидѣтельствомъ нѣкотораго древняго историка, что въ присутствіи Египетскаго Фараона Некерфа имя *Игаго* произнесено было такъ искусно, что царь сей упалъ въ обморокъ.

Начиная отъ временъ Іаннеса и Мамбреса, имѣвшихъ грамоты на достоинство колдуновъ при дворѣ Фараоновомъ, даже до Маршальши Анкръ, которая сожжена въ Парижѣ за то, что зарѣзала бѣлаго пѣтуха въ полномѣсячіе, никогда не было недостатка въ волшебствахъ и волшебникахъ.

Евреи, разсыпавшись по всему свѣту, промышляли чародѣйствомъ. Въ южной Европѣ почти въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ о

колдовствѣ замѣшано было по нѣскольку Евреевъ.

Извѣстно, что Римляне славились просвѣщенїемъ во времена Августовы; не смотря на то, головы у нихъ также набиты были волшебными бреднями, какъ и у насъ простяковъ. Прочтите Виргилїеву эклогу, называемую Pharmaceutria. Тамъ найдете между прочимъ:

Carmina vel coelo possunt deducere lunam.
Стихами чародѣй луну низводитъ съ неба.
His ego saepe lupum fieri et se condere sylvis
Moerim; saepe animas imis excire sepulcris.
Нашъ Мерисъ въ рощѣ сей скрывался въ видѣ волка,
И часто выгонялъ онъ мертвыхъ изъ могилъ.

Многїе удивляются, что въ Неаполѣ и теперь еще Виргилїй слыветъ чародѣемъ; тому причины болѣе негдѣ искать, какъ въ упомянутой эклогѣ.

Горацїй изобличаетъ Сагану и Канидїю въ ужасныхъ чародѣйствахъ. Первостепенные люди въ республикѣ заражены были подобными нелѣпостями. Секстъ, сынъ великаго Помпея, умертвилъ младенца при совершенїи нѣкотораго волшебнаго дѣйствїя.

Околдованные настои, которые имѣли силу возбуждать любовь, также подлежали

вѣдомству магіи; Евреи продавали сію драгоцѣнность госпожамъ Римскимъ. Тѣ изъ нихъ, коимъ не удалось сдѣлаться богатыми маклерами, промышляли околдованными настоями и предсказаніями.

Всѣ сіи нелѣпости, или смѣшныя или жестокія, у насъ въ Европѣ имѣли своихъ почитателей, и не много еще прошло времени, какъ уваженіе къ нимъ начало исчезать мало по малу. Католическіе миссіонеры ужаснулись, нашедши дурачества сіи на краю свѣта, и оплакивали бѣдственную судьбу народовъ, которыхъ злой духъ ввелъ въ такое искушеніе. Удивительно, какъ честные отцы не примѣтили, что дѣлается въ ихъ отечествѣ!

Удивительно, какъ не видѣли они множества несчастныхъ безумцевъ, которые признавали себя колдунами, и еще безумнѣйшихъ судей, которые осуждали ихъ на сожженіе! Странно, что даже изданы были законы о чародѣйствахъ, равно какъ о кражѣ и убійствѣ! Простолюдимы, видя, что старшіе усердно вѣруютъ въ магію, еще болѣе утвердились въ своихъ мнѣніяхъ: и такъ чѣмъ болѣе старались искоренить волшебниковъ, тѣмъ болѣе появлялось ихъ. Отъ чего столь пагубное, столь общее заблужденіе? отъ невѣжества: просвѣтители народа суть истинные его благодѣтели.

Нѣкоторые господа утверждаютъ, что общее всѣхъ людей согласіе служитъ доказательствомъ истины. Какое доказательство! Всѣ люди, всѣ народы вѣрили магіи, астрологіи, провѣщаніямъ, участію луны въ произшествіяхъ міра! Лучше было бы сказать по крайней мѣрѣ, что согласіе всѣхъ мудрецовъ есть доказательство ежели не истины, то правдоподобія. Но и тутъ какое правдоподобіе! Не всѣ ли мудрецы думали, прежде Коперника, что земля находится въ средоточіи міра?

Ни одинъ народъ не имѣетъ права шутить надъ другимъ. Рабеле называетъ Никатрикса *всесестнымъ отцемъ о діаволѣ*, потому что въ Толедѣ, въ Саламанкѣ и въ Севиллѣ преподавали магическую науку; но развѣ Испанцы не могутъ сказать въ отвѣтъ, что и у Французовъ было великое множество колдуновъ?

Едва ли гдѣ-либо видано столько жестокихъ и нелѣпыхъ дѣйствій, какъ во Франціи; тамъ нѣтъ ни одного судилища, которое не сожгло бы множества мнимыхъ волшебниковъ. Хотя и въ древнемъ Римѣ были глупцы, почитавшіе себя чародѣями; однакожь тамъ не было варваровъ, которые жарили бы сихъ чародѣевъ.

В . . . . .

VII.

О Горацiевой Пiитикѣ, переведенной г-мъ Мерзляковымъ.

На страницѣ 92 въ книжкѣ сей читатели видѣли мнѣнiе одной благоразумной женщины. „Развѣ непремѣнно должно — говоритъ она — переводить все безъ разбору? Нѣтъ! почесть сiю надлежитъ оказывать только ученымъ и полезнымъ сочиненiямъ.“ При множествѣ издаваемыхъ книгъ на Россiйскомъ языкѣ, истинно полезныя, споспѣшествующiя просвѣщенiю народа, исправленiю вкуса, распространенiю здравой словесности, къ сожалѣнiю, появляются весьма рѣдко. Не станемъ скрывать своихъ недостатковъ; притворство показало бы только, что мы еще далеки отъ намѣренiя исправиться. Мы любимъ иногда поговорить о Невтонѣ и Лейбницѣ, и не знаемъ навѣрное, о чемъ они писали; хотимъ казаться свѣдущими въ наукахъ, и не имѣемъ книгъ учебныхъ; сочиняемъ трагедiи и комедiи, едва зная по наслышкѣ имена Аристотеля, Софокла, Эврипида. Иностранцы, у которыхъ мы перенимаемъ разныя мѣлочи, и которымъ безполезно завидуемъ въ усовершенствованiи изящной словесности, перевели и безпрестанно вновь переводятъ творенiя древнихъ классическихъ писателей; и сiи переводы соотечественниками ихъ приемлются

съ благодарностїю, потому что умы заблаговременно приготовлены къ полезному чтенїю, потому что они не учились у бродящихъ невѣждъ, но тамъ, гдѣ преподаются науки подъ надзоромъ правительства, по методѣ имъ одобренной.

Въ Англїи, въ Германїи, во Францїи печатаютъ по двадцати и по тридцати тысячь экземпляровъ такихъ книгъ, на которыя книгопродавцы наши побоялись бы употребить издержки для половины завода. Небогатые сочинители и переводчики по неволѣ должны соображаться съ обстоятельствами, пока найдутъ выгодное мѣсто въ службѣ, или другой способъ прожить на свѣтѣ; достаточные люди, которые могли бы, собственнымъ иждивенїемъ печатая труды свои, распространять полезныя въ отечествѣ знанїя, или не готовили себя къ сему служенїю, или же стыдятся ремесла книжнаго. А книгопродавцы столько заботятся о вкусѣ и просвѣщенїи, сколько откупщики о выгодахъ народа; имъ надобны только три вещи: *деньги*, *деньги* и *деньги*; до прочаго нѣтъ дѣла.

Наконецъ нѣсколько писателей Латинскихъ (Теренцїй, Горацїй, Федръ), необходимо нужныхъ для юношества, издано учеными мужами въ Россїи. Скоро не будемъ имѣть

надобности выписывать изъ за-границы классическихъ сочиненій. Сверхъ того что по волѣ правительства издаются учебныя книги на Россійскомъ языкѣ, нѣкоторые благомыслящіе сочинители и переводчики, единственно движимые усердіемъ распространять просвѣщеніе, отваживаются на собственномъ иждивеніи печатать книги истинно полезныя, будучи твердо увѣрены, что общество, имѣя нужду въ пищѣ для умовъ образованныхъ, благосклонно приметъ труды ихъ.

Къ симъ истинно полезнымъ книгамъ принадлежитъ печатаемое нынѣ *Горацїево письмо о стихотворствѣ*, переведенное г-мъ Мерзлякоромъ. Въ письмѣ семъ содержатся правила здраваго смысла и хорошаго вкуса. Горацїй, писавши къ Люцїю Пизону, человѣку умному и знаменитому, и къ сыновьямъ его, изъ коихъ одинъ достигъ уже зрѣлаго возраста, вовсе не намѣренъ былъ предлагать ни системы, ни сухихъ правилъ, которыя можно было найти въ Греческихъ и Латинскихъ учебныхъ книгахъ. Отъ него, какъ отъ человѣка остроумнаго, какъ отъ опытнаго критика и художника, требовали собственныхъ его мнѣній и замѣчаній. Сіи мнѣнія, сіи замѣчанія должны быть въ головѣ не только у тѣхъ, кои пишутъ стихи, но даже и у тѣхъ, кои принимаются судить о сочиненіяхъ, или читать ихъ съ пользою.

Древніе почитали единство первымъ достоинствомъ въ сочиненіи. Чтобы живѣе изобразить мысль свою, Горацій начинаетъ вопросомъ: Не смѣшна ли картина, на которой художникъ захотѣлъ бы написать чудовище въ перьяхъ, съ человѣческою головою, съ лошадиною шеею, съ хвостомъ рыбьимъ? И продолжаетъ:

Повѣрьте мнѣ друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза и стихи, въ которыхъ мысли сбродны;
Какъ грезы соннаго, или больнаго бредъ,
Разбиты какъ-нибудь на собственной свой вредъ!
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ;
Вы скажете: *поэтъ и живописецъ въ волѣ,*
Что могутъ выдумать, что въ умъ придетъ лисать!
Кто споритъ! Кто дерзнетъ права сіи отнять!
Съ охотой ихъ даемъ, и пользуемся сами;
Но только съ тѣмъ притомъ, чтобъ съ бурями, громами,
Не слишь намъ тишина; — чтобы у насъ въ стихахъ
Съ мышами не жилъ котъ, овца со львомъ въ лѣсахъ! —
Начала пышныя насъ часто обольщаютъ.
Ждемъ важнаго; — и чтожь? — на рубищѣ мелькаютъ

Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки.
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки!
Шумитъ дремучей лѣсъ! тамъ башня въ пруд глядится!
Тамъ радуга блеститъ! тамъ Рейнъ серебрится! . . .

Къ чему сей громкой вздоръ? — Я дѣло знать спѣшилъ. —
Положимъ: кипарисъ ты въ краскахъ оживилъ;
Но кстати ли онъ тамъ, гдѣ буря, треволненье,
Разбиты корабли, и въ смертномъ утомленьѣ
Бѣднякъ, съ котораго ты деньги взялъ за трудъ? —

— — — — — — — —

— — — — — — — —

Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ единство съ простотой.
Признаемся теперь, друзья мои почтенны,
Мы часто призракомъ бываемъ обольщенны.
Я краткокъ быть хочу: не льзя понять меня;
Пріятность, легкость есть: нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить, — въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть, — и въ прахѣ пресмыкаюсь.
Богатъ на вымыслы: — но чтожь въ моихъ стихахъ? . . .
Гуляетъ китъ въ лѣсу; играетъ ветръ въ волнахъ!
Боясь одной бѣды — въ другую вязну болѣ. . .

Вотъ какъ говоритъ поэтъ о томъ, что каждое лице должно быть представлено въ особомъ приличномъ ему видѣ:

Почтожь мнѣ присвоять названіе поэта,
Когда — неопытный — цвѣтовъ, тѣней предмета,
Цвѣтами, тѣнью словъ не въ силахъ отличить! —
Учиться нѣтъ стыда; — невѣждой стыдно быть!
Не сроденъ Таліи гласъ важный Мельпомены.
Словами Комика простыми искаженный,
Біеста страшный пиръ лишь смѣхъ произведетъ! —
Пусть каждой родъ стиховъ въ своемъ краю живетъ! —
Комедія свой гласъ не рѣдко возвышаетъ;
Разгнѣванный Хремесъ, какъ нѣкій Богъ, вѣщаетъ;
Трагедія склонясь подъ бременемъ скорбей,
Теряетъ гордость, блескъ. — Телефусъ и Пелей,
Гонимы злобою страны неблагодарной,
Забыли Царской санъ, языкъ высокопарной,
Чтобъ грусть свою пролить въ чувствительны сердца.
Исправность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца:
Искуство свѣтится, но хладными лучами!
Лишь чувство насъ живитъ, лишь чувство правитъ нами; —

По взгляду мы въ другихъ участіе беремъ,
Съ веселымъ веселы, съ печальнымъ слезы льемъ.
Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты холоденъ, — засну; или — позволь мнѣ спать.
Ты въ горѣ — скорбь должна въ рѣчахъ твоихъ дышать;
Ты сердишься, — гремѝ прерывными словами;
Ты гордъ — повелѣвай! — Ты шутъ — рѣзвися съ нами!
— — — — — — —
Языкъ — органъ души: она имъ говоритъ;
Языкъ съ движеньемъ чувствъ приемлетъ сходной видъ! —
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Узнаешь по словамъ героевъ и рабовъ,
Веселыхъ юношей, угрюмыхъ стариковъ,
За люлькой мамушку и барыню съ гостями;
Оратай и купецъ, бывалый за морями
Аргивянинъ, Халдей, Колхидецъ, Скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ различны межь собой.
Послѣдуй мнѣнію; иди своей тропою,
Выдумывай, твори: но въ созданномъ тобою
Умѣй приличіе, природу сохранить.
— — — — — — —
— — — — — — —

Да будетъ твой предметъ возможенъ и удобенъ,
Всегда вездѣ одинъ, всегда себѣ подобенъ!
Присвоить собственны ко всѣмъ вещамъ черты —
Великой, тяжкой трудъ! — Скорѣе можешь ты
Ильяду нарядить въ котурны Мельпомены,
Чѣмъ новое сложить природѣ безъ измѣны! —
Гомеру вѣрятъ всѣ; тебѣ онъ вождь и щитъ!
Сбери его цвѣты и дай имъ новой видъ!
Не будь списателемъ, не ползай за словами:
Мы можемъ подражать, не будучи рабами!
Превысь художниковъ, законамъ безъ вреда,
Умѣй отъ нихъ отстать, гдѣ нужно, безъ стыда.
Но такъ не начинай, какъ Цикликъ напыщенный:
Глашу паденье царствъ и брани разъяренны!
Вотъ тутъ-то ждать чудесъ! ты въ страхѣ говоришь;
Кричатъ: гора въ родахъ; но чтожь родилось? — мышь?
— — — — — — —
— — — — — — —
Искусство мыслить ключь къ искуству сочинять?
Читай философовъ, стремись образовать.
Твой пылкой, рѣзвой духъ; — за мысліею головы
Слова текутъ рѣкой; слова родятся новы.

— — — — — — —

Когда не чувствуешь по сердцу, по уму,
Чѣмъ ты отечеству обязанъ своему;
Когда не воспаленъ любовью неизмѣнной
Къ родителямъ, друзьямъ и доблести свя-
щенной,
Когда не знаешь правъ властителей, вождей,
Ни долга важнаго старѣйшинъ и судей:
Какъ можешь ты, при всемъ и потѣ и раченьѣ,
Приличный дать имъ видъ, характеръ, по-
веденье! —
Разсматривай людей, ихъ нравы замѣчай,
И дивной кистію портреты оживляй. —

Слѣдуетъ важный урокъ для стихотворцевъ богатыхъ и знатныхъ:

— — — — — — —

Поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воспоенный,
Богатствомъ, знатностью обильно награж-
денный,
Изъ подлой челяди составивъ свой Парнасъ,
Походитъ на купца, который всякой разъ
Съ прилавка намъ кричитъ: вотъ здѣсь то-
варъ богатый!
Вѣда, когда еще, роскошный, тороватый,
Онъ вздумаетъ для всѣхъ открытый столъ
держать;
За плута въ судъ ходить и деньгами ссужать!
Ему ли отличить злодѣя межь друзьями? —
Не хвастайся предъ тѣмъ ты новыми стихами,

Котораго дарилъ, которой ждетъ даровъ;
Онъ въ изступленіи не найдетъ бѣдной словъ:
Прекрасно! высоко! . . . велишь, и онъ заплачетъ,
Велишь; — и въ радости съ вакханками онъ скачетъ;
Полѣзетъ на стѣны отъ горести своей!
Наемные друзья при гробѣ богачей,
Гораздо болѣе самихъ себя терзаютъ,
Чѣмъ тѣ, которые въ душѣ объ нихъ страдаютъ!
Льстецы не знаютъ мѣръ и въ должныхъ похвалахъ!

— — — — — — —

Квинтилій, выслушавъ стихи твои прилѣжно,
Замѣтитъ: здѣсь поправь; здѣсь сказано небрежно.
Не въ силахъ; твой отвѣтъ! — *Со скуки я умру!*
И такъ замучился! — Сожги! — Но ты въ жару
На доброй сей совѣтъ не хочешь согласиться,
И критикъ замолчитъ! — — — —

Позволимъ надъ собой мы другу посмѣяться,
Чтобъ послѣ навсегда смѣшными не остаться!

— — — — — — — —

— — — — — — — —

Ахъ! еслибъ авторы не такъ себѣ ввѣрялись,

Съ терпѣньемъ исправлять труды свои ста-
ралисъ;
Тогдабъ великій Римъ могъ смѣло приложить
Къ вѣнцу своихъ побѣдъ вѣнецъ отъ Піеридъ!
О кровь Помпиліи! сыны Вельможъ почтенны!
Вы должны показать путь къ славѣ сокро-
венный;
Вашъ долгъ твореніямъ, талантамъ цѣну дать!
Вашъ долгъ, нашъ Геликонъ отъ терновъ
очищать!
Гоните прочь рабовъ невѣжества, надменья,
И всѣхъ уродливыхъ дѣтей воображенья! —
— — — — — — —
Забавный Демокритъ, стремясь увѣрить свѣтъ,
Что генію въ трудахъ, въ ученьѣ нужды нѣтъ,
Наполнилъ Геликонъ одними дураками! —
Увы! такой пророкъ богатъ учениками!
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Безумна страсть къ стихамъ опаснѣе чумы.
Проказа, фанатизмъ терзающій умы,
Чахотка блѣдная, горячки разъяренны
Сноснѣе, чѣмъ поэтъ, самимъ собой плѣ-
ненный! —
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Знать Божій гнѣвъ виситъ надъ грѣшною
главой,
Конечно не почтилъ онъ предковъ прахъ свя-
той,

Конечно пренебрегъ къ богамъ благоговѣнье
И фурія стиховъ ему достойно мщенье! —

Довольно для образчика. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ симъ изданъ въ С. Петербургѣ переводъ г-на Поповскаго. Читателямъ остается сравнивать, и желать, чтобъ господа стихотворцы какъ можно чаще доставляли обществу столь пріятное удовольствіе.

Намъ извѣстно, что въ скоромъ времени будутъ напечатаны и другіе переводы и сочиненія г-на Мерзлякова, какъ-то: Аристотелева Піитика, Виргиліевы Эклоги и проч.

ПОЛИТИКА.

I.

Политическія и статистическія замѣчанія о Турецкой Имперіи.

Ни одна земля не представляетъ столь различныхъ въ исторіи своей видовъ, какъ прекрасныя области, управляемыя нынѣ скипетромъ Султана Селима. Древняя Греція и нынѣшняя Турція; древніе Греки, и Татарскія орды, коихъ остатки и теперь еще держатъ первыхъ подъ игомъ своимъ; Турки, нѣкогда ужасавшіе Европу, и всему свѣту грозившіе порабощеніемъ, — и Турки, нынѣ робкіе и слабые, не могущіе обезопасить себя силою оружія, и одолженные бытіемъ своимъ одному только снизхожденію другихъ державъ: какая противоположность!

Изображеніе печальнаго состоянія подданныхъ нынѣшняго Султана, сравненіе народнаго могущества, образованности и благоденствія ихъ съ обстоятельствами древнихъ жителей земли ихъ, даже съ ихъ собственными предками, изъясненіе причинъ, которыя произвели столь великія перемѣны, должны быть весьма поучительны. Все сіе

можетъ дать поводъ къ размышленіямъ, очень важнымъ по причинѣ обстоятельствъ нынѣшняго времени.

Весьма удивительно, почему — когда владѣтели Европы употребляютъ могущество свое на отторженіе областей у сосѣдовъ, когда происходятъ великія перемѣны въ правительствахъ, когда у старинныхъ государствъ отъемлютъ независимость, когда старинныя поколѣнія свергаются съ престоловъ, — и на ихъ мѣста возводятся новыя — почему Оттоманская Порта, обѣщающая богатую добычу для завоевателя, не могущая оборонить себя отъ нападенія, еще стоитъ на ряду самоуправляющихся державъ въ Европѣ! Если чудо сіе объяснять тѣми правилами, которыми руководствуются дворы въ отношеніи къ Турціи: то сравненіе нынѣшняго состоянія государства сего съ тѣмъ, въ какомъ оно быть могло бы, подастъ случай къ мыслямъ, несходнымъ съ упомянутыми правилами, отъ которыхъ зависитъ бытіе Турціи. Въ сихъ мысляхъ, можетъ быть, найдется способъ прекратить несогласіе, между просвѣщенными народами Европейскими нынѣ господствующее; не нарушая выгодъ побѣдителей, удовлетворить требованія государей, лишившихся своихъ владѣній; великую перемѣну, Французскимъ оружіемъ сдѣланную въ Европѣ, замѣнить нѣко-

торыми перемѣнами въ Турціи, и тѣмъ положить основаніе для тишины и спокойствія въ Европѣ, для вящшаго распространенія въ мірѣ счастія и просвѣщенія.

Хочу испытать, не могу ли, смотря на предметъ свой съ этой точки, предложить здѣсь нѣсколько такихъ замѣчаній, которыя понравились бы читателямъ, и обратили бы на себя вниманіе правительствъ.

Многіе писатели, выдавшіе изображенія Турціи и жителей ея, весьма удалялись отъ истины; худое уменьшали, хорошее увеличивали. Они сочиняли по запискамъ тамошнихъ жителей, привязанныхъ любовію къ своей родинѣ; хотѣли расположить читателей къ намѣреніямъ принятымъ нѣкоторыми державами, кои охраняли Порту отъ предпріятій другихъ державъ; или же хотѣли лучше пріятными описаніями забавлять своихъ читателей, нежели поучать печальными истинами. Другіе представляли Турцію въ прекрасномъ видѣ единственно по склонности отличиться странностію. Христіяне, во времена кротости и суевѣрія, ненавидѣли мусульмановъ, какъ невѣрныхъ. Но когда сіи начали мучить первыхъ и убивать за вѣру; тогда христіяне стали почитать ихъ извергами и чудовищами. Явились писатели, которымъ вздумалось христіянъ предста-

влять мучителями, а магометанъ образцами человѣколюбія; первыхъ къ стати и не къ стати обвиняли въ гонительствѣ на иновѣрцовъ, а послѣднимъ приписывали похвалы за терпимость.

При замѣчаніяхъ о Турецкомъ государствѣ и о состояніи жителей, во всемъ что относится до истинныхъ произшествій, я руководствовался сочиненіемъ г-на Этона (*), котораго не льзя обвинять въ пристрастныхъ похвалахъ Турціи. Нѣкоторые можетъ быть захотятъ упрекать его, что онъ предметъ свой слишкомъ унижаетъ. Я съ мнѣніемъ симъ несогласенъ по слѣдующимъ причинамъ: Г. Этонъ много ѣздилъ по Турціи, часто былъ очевиднымъ свидѣтелемъ описываемыхъ произшествій, и пользовался весьма благопріятными обстоятельствами, чтобъ узнавать землю, жителей и правительство; встрѣчающіяся изслѣдованія въ дѣлахъ сомнительныхъ для открытія истины показываютъ, что онъ судитъ не легкомысленно, замѣчаетъ не поверхностно, и не удовлетворяется простымъ только показаніемъ даже тамъ, гдѣ можно

(*) A survey of the turkich Empire, in which are considered its government finances military and marine force, etc. by William Eton Esq. Many years Resident in Turkey and in Russia. The third edition. 1801.

бы положиться на его честность; описываемое имъ зло есть не что иное, какъ всѣмъ извѣстныя слѣдствія вѣры и гражданскаго уложенія въ областяхъ Турецкихъ. Наконецъ скажу, что Г. Этонъ служилъ такому правительству, которое въ непріятномъ положеніи Порты принимало великое участіе, и слѣдственно которому онъ не могъ угодить, представляя Турецкой народъ недостойнымъ его покровительства; онъ видѣлъ несовмѣстность описанія своего съ долгомъ по службѣ; но любовь къ истинѣ превозмогла сіи неудобства.

1. *Нынѣшнее состояніе народа въ Турецкой Имперіи.*

Я увѣренъ, что многіе изъ читателей мысленно слѣдовали за младшимъ Анахарсисомъ, въ превосходномъ описаніи путешествія его по Греціи отъ озера Меотическаго; обозрѣвали прекраснѣйшія страны, для которыхъ природа не щадила даровъ своихъ, и которыя трудолюбіемъ человѣческимъ сдѣланы удобными для счастливаго жительства; переносились изъ одного многолюднаго города въ другой, находящійся отъ перваго въ близкомъ разстояніи; вездѣ видѣли жизнь, дѣятельность, напряженіе; вмѣстѣ съ младымъ Скиѳомъ удивлялись уму народа въ прекрасныхъ искусственныхъ произведеніяхъ; еще болѣе удивлялись выспреннему уму,

образованности и величїю его при бесѣдованїи съ мужами знаменитыми, при обозрѣнїи судилищныхъ и политическихъ учрежденїй, при чтенїи поэтовъ, ораторовъ, философовъ. Не сомнѣваюсь, что многїе читатели, познакомившись съ путешествїемъ младшаго Анахарсиса, не одинъ разъ желали, чтобы древняя Грецїя возникла изъ магометанскихъ своихъ развалинъ; еще сильнѣе пожелаютъ они сего возрожденїя, когда послѣ прелестной картины, которую теперь пробудилъ я въ ихъ памяти, представлю мрачное начертанїе Грецїи въ нынѣшнемъ порабощенномъ ея состоянїи.

Большая часть земли, на которой прежде находились многїя поселенїя Греческихъ республикъ, превратилась въ пустыню; многїя плодоносныя поля остаются въ запустѣнїи; отъ многихъ знаменитыхъ городовъ Греческихъ едва видны развалины; число жителей безпрестанно уменьшается; ущербъ, а особливо въ послѣднїе годы, превосходитъ вѣроятїе. Такъ напримѣръ Дїарбкиръ, одинъ изъ величайшихъ городовъ въ свѣтѣ, въ 1756 году имѣвшїй около 400,000 жителей, нынѣ вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 50,000; въ Багдадѣ нѣкогда считалось 130,000, теперь не болѣе 20,000. Въ Би-алсурѣ число жителей изо 100,000 въ двадцать лѣтъ уменьшилось до 10,000; Га-

лебъ, лучшій городъ по строенію во всей Турецкой Имперіи, имѣвшій прежде болѣе 200,000 жителей, нынѣ содержитъ въ себѣ менѣе 50,000. Берега Сиріи почти совсѣмъ опустѣли. На пути отъ Бѣлграда до Константинополя черезъ Софію, Филиппополь и Адріанополь едва изрѣдка случается видѣть лице человѣческое. Нѣкогда славный, богатый и роскошный Киръ нынѣ сдѣлался почти необитаемымъ островомъ. По мнѣнію г-на Этона, въ Константинополѣ считается не болѣе 200,000 жителей, а во всей Турецкой Имперіи немного чѣмъ болѣе десяти милліоновъ.

Обыкновенно почитаютъ моровую заразу одною изъ главныхъ причинъ, опустошающихъ Турецкія области. Однакожь въ наукѣ о хозяйствѣ государственномъ признано за достовѣрное, что временныя несчастія, какъ-то заразительныя болѣзни, войны, землетрясенія, не столько пагубны для народонаселенія, какъ праздность и недостатокъ въ промыслахъ, отнимающій у людей способы доставать пропитаніе для семейства: сіи причины свирѣпствуютъ въ Турціи не съ меньшею жестокостію, какъ и моровая язва. Гдѣ ремесла процвѣтаютъ, гдѣ господствуетъ благоустройство; тамъ потеря въ людяхъ послѣ кровопролитной войны или опустошительной заразы скоро вознаграждается.

Притомъ же въ Турціи зараза тѣмъ пагубнѣе для жителей, что, по крайнему недостатку въ предохранительныхъ средствахъ, она часто появляется снова. Жители не могутъ постоянно наслаждаться выгодами спокойства; ибо каждой бояться долженъ, что страшная нума внезапно прекратитъ жизнь его. Въ Константинополѣ она свирѣпствуетъ иногда по нѣскольку лѣтъ сряду; во многихъ Азійскихъ областяхъ появляется въ каждыя десять или двенадцать лѣтъ, и похищаетъ десятую часть жителей, иногда осьмую, даже четвертую. Обыкновенно приходитъ она въ Константинополь изъ Египта черезъ Смирну. Думали, что она раждается въ самой столицѣ отъ худаго воздуха и нечистоты на улицахъ; однакожь извѣстно, что воздухъ въ Константинополѣ чистъ и здоровъ, и что моровая зараза, подобно оспѣ, не раждается отъ гнилаго, испорченнаго воздуха, но распространяется единственно отъ прикосновенія.

Въ большей части Турецкой Имперіи земля чрезвычайно плодородна; не смотря на то, хлѣбопашество находится въ такомъ небреженіи, что нѣтъ способа прокормить и малаго, въ сравненіи съ пространствомъ земли, числа жителей. Только подвозъ хлѣба изъ Египта, Молдавіи, Валлахіи, Кры-

ма, Польши и Пруссіи предотвращаетъ голодъ. При обстоятельствахъ неблагопріятствующихъ подвозу, голодъ становится другимъ бичемъ послѣ язвы для нѣкоторыхъ областей въ Турецкой Имперіи. Промышленность и торговля находятся въ такомъ же состояніи, какъ и землепашество. Вся торговля Турецкая состоитъ большею частію въ обмѣнѣ товаровъ между жителями разныхъ провинцій. Кредитъ, векселя, сношенія, которыя въ другихъ земляхъ споспѣшествуютъ торговымъ оборотамъ, неизвѣстны Туркамъ. Всѣ дѣла отправляются, хозяевами или приказчиками, способомъ весьма похожимъ на древнюю торговлю, производившуюся посредствомъ обмѣна вещей.

Необходимыя потребности торговли и вообще промысловъ, для приведенія ихъ въ цвѣтущее состояніе, суть: капиталы для предварительныхъ издержекъ, дѣятельность и оборотливость жителей. Въ Турціи недостаетъ сихъ потребностей.

Никто не увѣренъ въ безопасности своего имущества; отъ того нѣтъ большихъ капиталовъ. Правительство не только не охраняетъ собственности гражданъ, но даже само не упускаетъ случая грабить. Достаточные люди разоряются отъ податей и насильственныхъ требованій; умышленные

доносы и обвиненія лишаютъ ихъ послѣдняго имущества; ибо въ семъ случаѣ гражданинъ теряетъ имѣніе свое вмѣстѣ съ жизнію. Хотя природные Турки не взносятъ никакихъ податей; однакожь и у нихъ описываютъ и отнимаютъ имущество. По законамъ Турецкимъ Султанъ есть наслѣдникъ всѣхъ чиновниковъ, отправляющихъ должности общественныя; и для того никому изъ сего многочисленнаго и достаточнѣйшаго сословія людей не можно накопленнаго капитала передать къ своимъ дѣтямъ для поддержанія какого-нибудь полезнаго заведенія. Но еслибъ Турки и находились въ обстоятельствахъ благопріятствующихъ исправленію сельскаго домостроительства и промышленности; то все они не воспользовались бы ими, по лѣности своей и неповоротливости. Греки болѣе способны къ предпріимчивости; но притѣсненія и грабежи правительства, истребляющія всякую промышленность и благоустройство при самомъ началѣ, не дозволяютъ имъ ни на что отваживаться. Капитанъ-Паша съ флотомъ своимъ ежегодно посѣщаетъ острова Архипелага для собиранія подати. При первомъ появленіи корабля въ какой-либо пристани всѣ жители поспѣшно убѣгаютъ въ горы и въ мѣста внутреннія; другіе запираются въ домахъ своихъ, не смѣя выдти за ворота. Солдаты и матросы грабятъ все, что ни увидятъ;

жители, по свидѣтельству г. на Этона, почитаютъ себя весьма счастливыми, что не изрублены въ куски или не застрѣлены изъ пистолета. Капитаны и офицеры подъ разными предлогами дѣлаютъ поборы для себя самихъ. Такимъ образомъ бѣдные Греки принуждены бываютъ платить двойную подать — одну флоту, другую Султану; и первая, по несчастїю, тягостнѣе послѣдней.

Турки, при лѣности своей и равнодушїи, не чувствуютъ охоты къ наукамъ. Въ нихъ нѣтъ побужденїя преодолѣвать бездѣйствїе свое, потому что дарованїя и свѣдѣнїя, какъ въ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, не ведутъ къ почестямъ и счастливой жизни: пронырства и милость возводятъ на высокїя степени. Еслибъ какой-либо молодой Турокъ и захотѣлъ просвѣтиться, то не нашелъ бы средства удовлетворить свое желанїе; ибо Турцїя вообще такъ бѣдна учебными заведенїями, что въ высшихъ школахъ едва можно тамъ научиться тому, что въ просвѣщенныхъ земляхъ почитается нужнымъ только для людей низкаго состоянїя.

Въ государствахъ Европейскихъ искусство книгопечатанїя сдѣлалось важнымъ пособїемъ просвѣщенїя, и множество книгъ о наукахъ всѣхъ родовъ не только споспѣшествуетъ устному преподаванїю, но даже нѣ-

которымъ образомъ замѣняетъ недостатокъ онаго. Турки въ послѣднїе годы едва только слегка начали пользоваться симъ искуствомъ, и теперь еще имѣютъ очень-мало такихъ сочиненїй, изъ коихъ можно было бы почерпать истинныя, спасительныя свѣдѣнїя. Турецкой языкъ легче всѣхъ извѣстныхъ. Въ немъ только одно спряженїе глаголовъ, одно склоненїе именъ; нѣтъ родовъ, нѣтъ никакихъ исключенїй, никакихъ глаголовъ или именъ неправильныхъ. Хотя, по свидѣтельству г-на Этона, языкъ Турецкой не богатъ словами, однакожъ онъ твердъ, силенъ и прїятенъ звукомъ. По причинѣ недостатка въ словахъ, а болѣе чтобы хвастать ученостїю, Турки мѣшаютъ Арабскїя и Персидскїя слова и фразы, которыхъ пестрота тѣмъ виднѣе, что не измѣняются по Турецкой Грамматикѣ. Отъ того теряется первобытная простота языка, весьма важная для такого лѣниваго народа, каковы Турки, — простота, которая могла бы имъ облегчать способы учиться. Кромѣ того кудрявыя, разнообразныя буквы, употребляемыя ими, дѣлаютъ крайнее затрудненїе въ чтенїи письма Турецкаго.

Турки вообще не только съ высшими науками не знакомы, хотя и почитаютъ себя весьма опытными людьми, имѣя самыя нелѣпыя о нихъ понятїя; но даже в. ле-

обходимыхъ для жизни, равно какъ во всѣхъ изящныхъ искуствахъ, далеко отстали отъ другихъ народовъ. Механика такъ мало извѣстна Туркамъ, что они еще до сихъ поръ не умѣютъ перевозить тягостей съ помощїю колесъ и телегъ; отправляютъ же оныя изъ одного мѣста въ другое обыкновенно на мулахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Хвалятъ умѣнье ихъ проводить воду; однакожь они не имѣютъ понятїя о вывѣскѣ по ватерпасу. До прибытїя Россїйскаго флота въ Средиземное море черезъ проливъ Гибралтарскїй министры Порты никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы къ Константинополю можно было иначе подплыть, какъ не со стороны Чернаго моря. Капитанъ-Паша утверждалъ, что Русскїе плыли черезъ Венецїю!

Турки ни мало не заботятся о Греческихъ образцахъ въ зодчествѣ, которое во всѣхъ частяхъ переняли они у Арабовъ, и ничего отъ себя не прибавили. Безпечно смотрятъ на прекрасные остатки Греческихъ зданїй; мраморныя издѣлїя пережигаютъ на известь, изъ которой дѣлаютъ щекотурной растворъ для крашенїя стѣнъ въ домахъ своихъ. Имѣя передъ глазами пышные образцы древняго искуства, не получили ниже малѣйшаго понятїя о соразмѣрности. Есть обычай у нихъ изображать на стѣнахъ цвѣты и сельскїе виды; но и здѣсь

обнаруживается одинъ только простой навыкъ; не спрашивайте о правилахъ живописной науки; даже перспектива имъ вовсе неизвѣстна. Ковры и матерїи, дѣлаемыя въ Турцїи, хороши по добротѣ; но рисунокъ ихъ остается въ прежнемъ несовершенствѣ.

Большую часть своей учености Турки почерпаютъ изъ книгъ священныхъ. Въ книгахъ сихъ заключается не только множество заблужденїй, которыя въ головахъ читателей размножаются до безконечности, но даже статьи, одобряющїя отвращенїе отъ наукъ и знанїй, и служащїя ко вреду благоиравїя.

Между нелѣпостями, въ Коранѣ содержащимися, не послѣднее мѣсто занимаетъ ученїе о всемїрномъ зданїи. Турки полагаютъ, что свѣтъ состоитъ изъ семи небесъ; что земля неподвижно виситъ на толстой цѣпи; что солнце есть огненной шаръ величиною съ островъ Кипръ, и что оно сотворено только нагрѣвать и освѣщать землю; что лунное затмѣнїе дѣлаетъ превеликой драконъ, которой старается проглотить луну; что звѣзды прикрѣплены цѣпями къ самому высшему небу.

Слѣдуя главному правилу вѣры своей, Турки почитаютъ себя единственными лю-

бимцами Божїими; думаютъ, что они только одни, за благочестїе свое, награждены отъ Бога верховными преимуществами, и что всѣ другїе народы заслуживаютъ быть ненавидимы, презираемы, гонимы.

Взявши себѣ въ голову, что исповѣданїе Магометовой вѣры даетъ право неоспоримое на степень высшую передъ всѣми смертными, они почитаютъ за излишнее обработывать душевныя способности. Гордость и презрѣнїе ко всѣмъ другимъ народамъ не дозволяютъ имъ посѣщать чужїя земли. Турки пренебрегаютъ важные способы распространять кругъ познанїй, получаемые просвѣщенными Европейцами отъ путешествїй. Турокъ, даже въ своей землѣ, начавши обходиться прїятельски съ иностранцомъ, навлекъ бы на себя общее негодованїе. Сколь ни нужно было Турецкому правительству держать дипломатическихъ чиновниковъ въ чужихъ государствахъ; однакожь нынѣшнїй только Султанъ отважился это сдѣлать.

Въ Коранѣ есть нелѣпая заповѣдь, удерживающая Турковъ отъ просвѣщенїя. Имъ запрещается не только дѣлать искуственныя подражанїя живымъ существамъ, но даже любоваться такими произведенїями, потому что будто бы грѣшно и нечестиво

подражать дѣламъ Божїимъ. Выставленныя изваянїя и картины, въ которыхъ изображены лица славныхъ мужей и великїе подвиги ихъ, не только заставляютъ зрителей удивляться искуству художника, но еще возбуждаютъ охоту, а особливо въ молодыхъ людяхъ, стремиться ко всему изящному и великому, возжигаютъ въ нихъ любовь ко славѣ, и тѣмъ самимъ открываютъ поприще для душевныхъ способностей: Турки, при лѣности своей и равнодушїи, лишены и сего способа, которой пробуждалъ бы ихъ къ благородной дѣятельности. Недавно писали во Французскихъ вѣдомостяхъ, какъ хладнокровно и почти презрительно Турецкїй посолъ смотрѣлъ, или, лучше сказать, прошелъ мимо сокровищь искуствъ и словесности въ Парижѣ, гдѣ показывали ему сїи рѣдкости, думая, что онѣ изумятъ его.

Несносна Кораномъ одобряемая жестокость, которую Турки употребляютъ въ обхожденїи съ иновѣрцами. Каждой Турокъ, по закону своему, воленъ убить христїянина, которой, доставшись въ руки его, не соглашается принять магометанской вѣры. Они не всегда употребляютъ мнимое право сїе только для того, чтобы пользоваться услугами своихъ невольниковъ, или получать отъ нихъ денежную подать, которую почитаютъ цѣною, платимою невѣрными за доз-

воленїе носить на плечахъ голову. Отецъ нынѣшняго Султана при возшествїи своемъ на престолъ вздумалъ-было умертвить всѣхъ христїянъ, въ Турецкой Имперїи находившихся; не Фетфа (грамата) Муфтїева, но представленїе, что не съ кого будетъ требовать податей, удержало его отъ исполненїя сего безчеловѣчнаго намѣренїя.

Подвластные христїяне платятъ подать Туркамъ только за дозволенїе жить на свѣтѣ; вмѣсто смертной казни, заслуженной мнимымъ невѣрїемъ, они терпятъ самыя оскорбительныя, несносныя поруганїя и притѣсненїя. Христїянинъ можетъ носить только такое платье, какого Турки не употребляютъ; ибо сїи, дѣлая для себя чалмы свѣтлаго цвѣта, велятъ христїянамъ носить темныя шапки и головные уборы; Турки носятъ башмаки изъ краснаго сафьяна, а христїяне должны дѣлать для себя изъ черной кожи, также домы свои красить черною или другою темною краскою. Осмѣлившїеся въ чемъ-либо нарушить сїи нелѣпыя узаконенїя неминуемо подвергаются смертной казни. Случается, что христїянину отсѣкаютъ голову на улицѣ, когда Султану или Визирю, которые часто прохаживаются перерядившись, не понравится какая-либо излишность въ платьѣ.

Магометанинъ; убившій христіянина, обыкновенно платитъ денежную пеню; напротивъ того христіянинъ, только ударившій магометанина, тотчасъ предается смертной казни, или же разоряютъ его вконецъ и бьютъ палками. Свидѣтельство христіянина въ судѣ почитается весьма неважнымъ: два свидѣтеля равняются одному; но и тутъ показаніе магометанина болѣе уважается, когда сей слыветъ честнымъ человѣкомъ. Ни одному христіянину не повѣряютъ должностей общественныхъ. Христіянинъ, женившійся на Турчанкѣ, подвергается смертной казни.

Ежели Турки не могутъ всѣхъ христіянъ притѣснять и безчестить на-равнѣ съ тѣми, которые порабощены ихъ игу; за то уже по возможности своей стараются оказывать имъ презрѣніе. Всѣ, начиная отъ Султана до послѣдняго носильщика, иначе не говорятъ объ иновѣрцѣ, иначе не разговариваютъ съ нимъ, какъ прилагая бранное слово къ имени его и роду. Кому не извѣстно, какимъ высокомѣрнымъ тономъ правительство Турецкое говоритъ съ другими державами; и какимъ несноснымъ обрядамъ должны подвергать себя послы, когда Султанъ допускаетъ ихъ предъ лице свое!

Къ сему высокому мнѣнію, которое Турки имѣютъ о себѣ при всемъ невѣжествѣ

своемъ, при всей грубости, къ сему презрѣнію, къ униженію, къ притѣсненію людей достойнѣйшихъ прибавить еще должно совершенной недостатокъ народнаго единодушія, и подлость, которую деспотизмъ соединяетъ съ ихъ гордостію; прибавить еще должно совершенную безчувственность къ утѣхамъ общественной жизни, къ семейственнымъ связямъ: всѣ сіи черты составляютъ такое изображеніе свойства народнаго, которое въ каждомъ просвѣщенномъ человѣкѣ, въ каждомъ, кто желаетъ добра человѣческому роду, произвести должно непреодолимое отвращеніе.

Люди, утѣсняемые игомъ деспотизма, не способны къ чувствованіямъ благороднымъ. Можно ли пылать ревностію, можно ли содѣйствовать общему благу, когда самыя лучшія намѣренія добрыхъ и умныхъ людей обращаются въ ничто мгновеннымъ мановеніемъ прихотливаго тиранна?

Союзъ между мужемъ и женою — гдѣ обѣ стороны добровольно заключаютъ договоръ жить въ равенствѣ, во взаимной любви и почтеніи, взаимно другъ другу доставлять удовольствія и взаимно быть благодарными — сей союзъ, гдѣ нѣжная любовь къ другому существу возвышаетъ любовь къ самому себѣ, гдѣ мужъ и жена видятъ от-

печатокъ бытія своего, гдѣ каждая сторона, оказывая ласки другой, находитъ свое собственное блаженство, — сей союзъ достоинъ хвалы по собственной цѣнѣ своей, и потому что возбуждаетъ и совершенствуетъ благородныя чувствованія. Но, увы! какъ мало между Турками найдется мущинъ и женщинъ, которые наслаждаются выгодами такого союза!

Коранъ дозволяетъ каждому Турку имѣть четыре жены законныя, съ которыми заключается союзъ на всю жизнь; сверхъ того мусульманинъ можетъ принимать на неопредѣленное время столько, сколько захочетъ ихъ. Женщина, не имѣя права на родительское наслѣдство, договаривается съ мущиною о цѣнѣ, которую получаетъ отъ него при разводѣ, при смерти его, или по прошествіи урочнаго времени. Мужъ всегда воленъ отпустить жену свою, но не иначе, какъ выдавъ ей деньги по договору. Равнымъ образомъ жена имѣетъ право развестись съ мужемъ, отступившись отъ требованія денегъ, означенныхъ въ условіи. Въ такомъ случаѣ она приходитъ къ судьѣ, и произноситъ слѣдующія слова: „Я отрекаюсь отъ „денегъ; слѣдственно голова моя свободна.“

Турчанка, купленная грубымъ, возросшимъ въ невѣжествѣ мущиною единственно

для удовлетворенія плотскихъ его вожделѣній, оказываетъ ему ласки, такъ сказать, чувственныя; наемныя. Дѣвушка, напередъ зная будущую судьбу свою, не можетъ ощущать никакихъ побужденій обработывать благородныя свои способности; сдѣлавшись супругою, будучи заключена въ гаремѣ своего повелителя и окружена глупыми женщинами и полумущинами, она становится часъ отъ часу болѣе вялою, болѣе тупою. Мужъ не имѣетъ понятія о другихъ совершенствахъ женщины, кромѣ чувственныхъ; жена не знаетъ другихъ способовъ нравиться, кромѣ низкихъ уловокъ; между мужемъ и женою нѣтъ иной связи, кромѣ той, какая бываетъ между сластолюбцомъ и прелестницею, между господиномъ и рабою. При такихъ обстоятельствахъ Турокъ не можетъ горячо любить дѣтей, рожденныхъ женами его; при томъ же самовластіе правительства, отнимающее возможность заботиться о будущемъ довольствѣ дѣтей, еще болѣе располагаетъ его къ равнодушію.

Турки, не способные наслаждаться благородными утѣхами домашняго общежитія, притѣсняются еще политическимъ рабствомъ. Гдѣ господствуетъ самовластіе; тамъ страхъ и мучительное томленіе не даютъ ни на минуту покоя; тамъ нѣтъ дружеской довѣренности, нѣтъ взаимнаго искрен-

нято соучастія; тамъ не умѣютъ ощущать невинной радости, безъ которой никакая бесѣда не можетъ быть пріятною.

Порабощенные Греки превосходятъ властелиновъ своихъ въ знаніяхъ и оборотливости; не смотря на то что рабство тѣснитъ умы ихъ, они вообще имѣютъ такія свойства душевныя, какихъ между Турками найти трудно. Будучи несравненно способнѣе къ промышленности и торговымъ оборотамъ, они и въ мореплаваніи гораздо искуснѣе Турковъ, такъ что сіи высылаютъ въ море корабли военные не иначе, какъ подъ управленіемъ Грековъ и съ Греческими матросами. Турки суть лѣнивые подражатели во всѣхъ дѣлахъ; напротивъ того Греки способны къ изобрѣтенію. Турки важны, медленны, хладнокровны; Греки при пылкомъ воображеніи одарены живостію и ловкостію, и сіи качества съ перваго разу открываются въ обоихъ полахъ, ибо и Греки и Гречанки говорятъ скоро. Чужестранецъ, пріѣхавшій изъ какой-либо просвѣщенной земли, начавши разговаривать съ магометаниномъ, тотчасъ примѣчаетъ великое различіе въ понятіяхъ, въ мысляхъ, въ способѣ выражаться, такъ что Турокъ покажется ему существомъ совершенно особливаго рода; напротивъ того, разговаривая съ Грекомъ, находитъ во всемъ сходство, и забываетъ, что пріѣхалъ въ

страну далекую отъ своей родины. И не удивительно! Дикія орды высыпались изъ степей Скиескихъ, и разрушили восточную имперію; ревнуя одна другой въ жестокости и утопая въ сладострастіи, провели все время свое въ новыхъ жилищахъ безъ малѣйшаго побужденія просвѣщать умы науками; жили въ совершенномъ отчужденіи отъ другихъ Европейскихъ народовъ, которыхъ презирали; даже не принимали никакого участія въ успѣхахъ просвѣщенія на западѣ.

Извѣстно, что понятія народовъ и способъ мыслить въ теченіе столѣтій переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, даже безъ письменныхъ памятниковъ, посредствомъ устныхъ преданій. Такимъ образомъ и духъ старинныхъ Грековъ частію хранится еще въ потомкахъ, не смотря на долговременную ихъ неволю. Сей духъ знаменитыхъ праотцовъ тѣмъ удобнѣе могъ дойти до нынѣшнихъ Грековъ, что сберегается въ безсмертныхъ сочиненіяхъ древнихъ писателей. Дикое невѣжество варваровъ не столько еще распространилось между нынѣшними Греками, чтобы они совсемъ были незнакомы съ древними сочиненіями, и не могли бы понимать ихъ.

Народы западные изъ тѣхъ же самыхъ книгъ почерпали начала своего просвѣщенія,

тѣми же сочиненіями руководствовались, достигая высшей степени образованности; вотъ почему новые успѣхи, не взирая на великіе перемѣны въ мірѣ, не взирая на великое различіе въ обстоятельствахъ, не чужды нынѣшнимъ Грекамъ. Многія книги, писанныя на Европейскихъ языкахъ, переведены на новой Греческой. Многіе молодые Греки ѣздятъ учиться въ Германію и во Францію. Греція имѣетъ ученыхъ мужей, изъ коихъ многіе разумѣютъ древній языкъ, а нѣкоторые даже говорятъ и пишутъ на немъ не очень исправно и даже красно. Хотя нынѣшній языкъ Греческій претерпѣлъ великую перемѣну; однакожь въ немъ все еще есть доброгласіе и мѣра. Пукевиль говоритъ, что слушая хорошаго чтеца, можно получить достаточное понятіе, какимъ образомъ древніе витіи Греческіе управляли сердцами цѣлаго народа.

Любовь къ вольности, сіе главное свойство древнихъ Грековъ, не совсемъ еще погасла въ нынѣшнихъ. Они показали это въ послѣднюю войну между Россіею и Турціею, когда надѣялись получить прежнюю свою независимость. Принимая участіе въ подвигахъ Россіянъ, они показали, что сберегли еще тотъ духъ, съ которымъ праотцы ихъ защищали свою свободу.

Около того же времени одинъ ученой Грекъ вознамѣрился было перевести на свой

языкъ Путешествіе младшаго Анахарсиса. Знакомство Грековъ съ такимъ сочиненіемъ, въ которомъ предки ихъ выставлены со всемъ блескомъ древняго ихъ величія, могло бы воспламенить въ нихъ духъ предпріимчивости и непреложную охоту хоть мало уподобиться знаменитымъ праотцамъ. Въ то самое время, когда начали книгу печатать, Вѣнскій дворъ выдалъ переводчика Дивану, которой велѣлъ отрубить ему голову.

Хорошіе нравы искажаются отъ притѣсненія. Человѣкъ, терпящій обиды и принужденный скрывать огорченіе, неизвѣстною силою побуждается мстить тайнымъ образомъ съ помощію коварства. Когда счастіе, до котораго человѣкъ можетъ достигнуть, зависитъ отъ прихоти другаго; тогда онъ не разбираетъ средствъ, ведущихъ къ предположенной цѣли. Хитрость, обманы, ласкательство, притворство неразлучны съ рабскимъ состояніемъ. Должно признаться, что хорошія качества нынѣшнихъ Грековъ, полученныя ими отъ праотцевъ своихъ, отчасти помрачаются худыми, которыя суть слѣдствія рабства.

Нынѣшніе Греки въ тѣлесныхъ качествахъ еще болѣе сохранили сходства съ предками, нежели въ душевныхъ. Подите

на рынокъ — замѣчаетъ Этонъ; увидите, что изъ разныхъ лицъ можно составить голову Аполлона и вообще прекраснѣйшихъ древнихъ изваянiй. Образцы — говоритъ Пукевиль — которые воспламеняли способности въ Фидiасѣ и въ Апеллѣ, и теперь еще находятся между Гречанками.

(Будетъ продолженiе.)

II.

О новыхъ произшествiяхъ на островѣ Сенъ-Доминго.

Къ великимъ чудесамъ, въ началѣ девятьнадцаго столѣтiя совершившимся, причислять должно государственную перемѣну въ народѣ, осужденномъ носить оковы рабства. Сей народъ внезапно становится на степень обществъ благоустроенныхъ, и даетъ себѣ полезные законы. При нынѣшнемъ недостаткѣ въ достовѣрныхъ извѣстiяхъ о дѣлахъ Европейскихъ, сообщимъ читателямъ нашимъ краткое начертанiе новаго уложенiя Негровъ, обитающихъ на островѣ Сенъ-Доминго. Событiя послѣднихъ годовъ приучили людей не удивляться новымъ уложенiямъ, которыя появлялись и исчезали быстро одно послѣ другаго. Легко статься можетъ, что и сiе произшествiе, на островѣ Сенъ-Доминго слу-

чившееся, назовутъ мгновеннымъ метеоромъ, новымъ мятежемъ толпы невольниковъ; но тѣ же событія наконецъ удостовѣряютъ насъ, что мятежи, разрушивъ прежній порядокъ, иногда оставляютъ по себѣ незагладимыя слѣдствія. Послѣ всего видѣннаго нами, пускай кто хочетъ споритъ, что судьба пространныхъ острововъ Антильскихъ не будетъ зависѣть отъ Негровъ, и что Гаитской народъ не овладѣетъ Европейскою и Американскою торговлею!

Повѣренные Гаитскаго народа, чиновники военные и гражданскіе, созванные Генераломъ Христофомъ, сочинили и подписали въ городѣ Капѣ 17 Февраля нынѣшняго года уложеніе, изъ 51 статьи состоящее. Выписываемъ важнѣйшія:

Всякой человѣкъ, живущій на землѣ Гаитской, неотъемлемо пользуется свободою. Рабство на всегда уничтожается въ Гаити. Жизнь и имущество гражданъ находятся подъ защитою законовъ. Правительство состоитъ изъ *Перваго чиновника*, которой именуется Президентъ и Генералиссимъ Гаитскихъ силъ сухопутныхъ и морскихъ, и *Государственнаго совѣта*. Уложеніе возводитъ Генриха Христофа въ достоинство Президента и Генералиссима. Избранная особа остается въ званіи Президента на всю

жизнь. Президентъ избираетъ преемника по себѣ изъ Генераловъ. Президентъ имѣетъ власть заключать договоры съ чужестранными народами. Онъ предлагаетъ законы на разсмотрѣнїе Совѣту, которой одобряетъ оные и отсылаетъ къ Президенту для подтвержденїя. Совѣтъ состоитъ изъ девяти членовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ трети должны быть въ чинахъ генеральскихъ. Въ каждой дивизїи (губернїи) учредятся судилища гражданскїя и уголовныя, для которыхъ предписанъ будетъ порядокъ судопроизводства. Правительство объявляетъ вѣру католическую римскую господствующею. Другїя исповѣданїя будутъ терпимы, кромѣ торжественныхъ обрядовъ. Въ каждой дивизїи учредится по одному главному училищу, и въ каждомъ округѣ по одному частному. Народъ Гаитскїй не распространяетъ предѣловъ своихъ далѣе острова, но заботится только о сохраненїи своихъ владѣнїй. Всѣ жители отъ 10 лѣтъ до 50 въ потребномъ случаѣ должны служить подъ ружьемъ. Расторженїе супружескаго союза не дозволяется на островѣ Гаити. Отцы и матери не могутъ дѣтей своихъ лишать наслѣдства. Землепашество, какъ первое благороднѣйшее и полезнѣйшее изъ всѣхъ искуствъ, будетъ покровительствуемо и ободряемо. Учредятся народные праздники для торжествованїя независимости, государственнаго уста-

новленія, землепашества, рожденія Президента и его супруги.

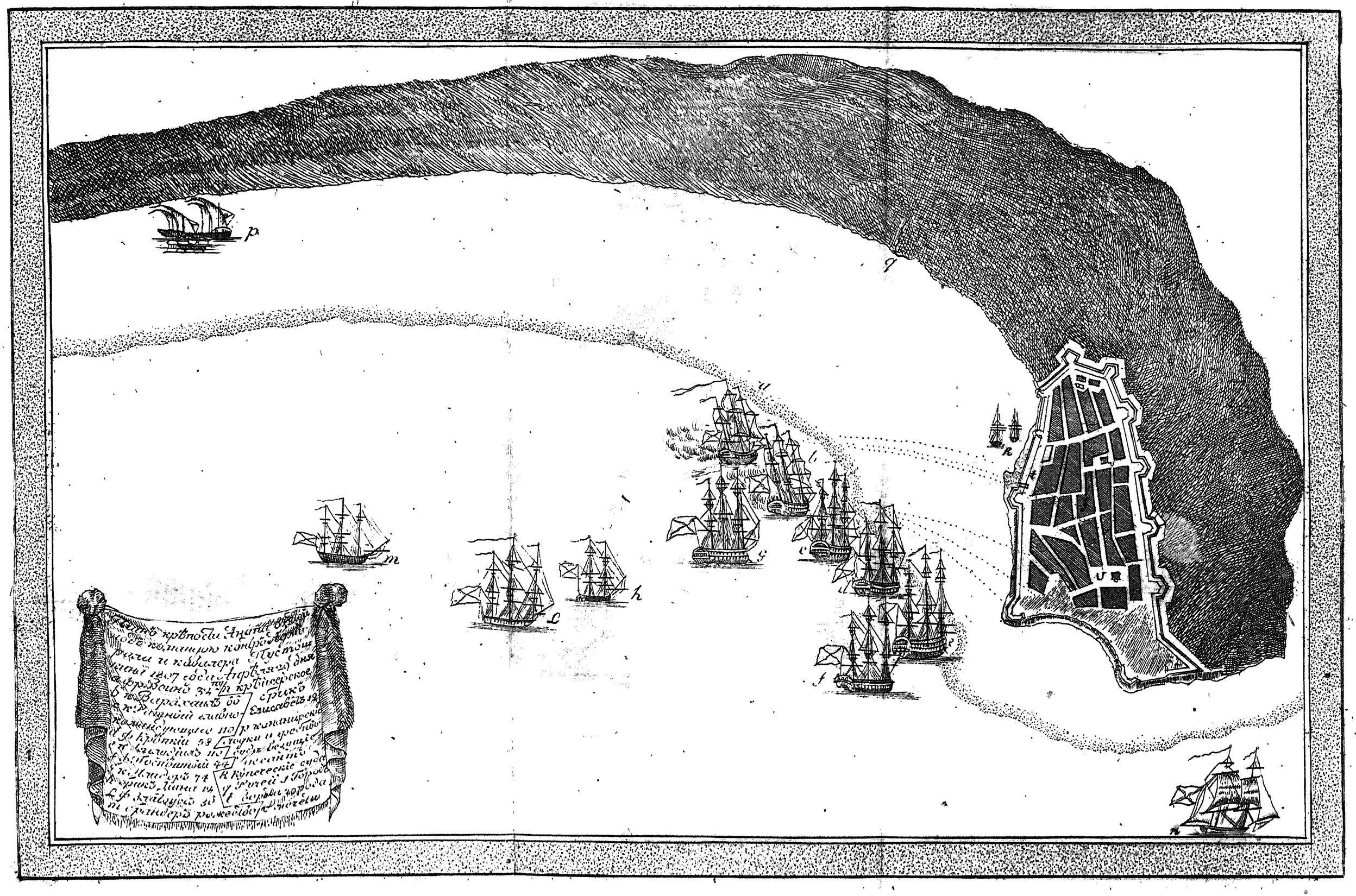
Въ самой день подписанія упомянутыхъ законовъ новой Президентъ и Генералиссимъ издалъ слѣдующее объявленіе для *войска и народа*:

„Свѣтъ возсіялъ между нами; благотворные законы разрушили навѣты и крамолы, которыхъ вы были жертвою. Наконецъ благоразумное уложеніе, приличное нашимъ нравамъ, климату, обыкновеніямъ, вышло, такъ сказать, изъ хаоса, и утвердило судьбу Гаити. — Тщетно старался я съ давняго времени предложить вамъ сей даръ безцѣнный; тщетно склонялъ частныя общества отправить повѣренныхъ въ Портъ-о-Пренсъ, чтобы сочинить для васъ новое уложеніе; мои попеченія не только не достигли желаемой цѣли, но еще болѣе разгорячили людей безпокойныхъ, которые разпространяли ложныя мнѣнія, чтобы сочинить законы соотвѣтствующіе личнымъ ихъ выгодамъ, ко вреду общей свободы и здраваго разума. Граждане! вамъ извѣстно, сколь чисты, сколь искренни мои намѣренія; но злодѣи развѣ не употребили во зло сей самой искренности? развѣ не раздували мятежа, не воспламеняли войны междоусобной? Коварные замыслы ихъ не могли ни устрашить меня, ни ввести въ

заблужденіе. Ни днемъ, ни ночью не переставалъ я заботиться о благѣ отечества. Чего не дѣлалъ я для сего блага? чего не перенесъ я, чтобъ уничтожить тайные замыслы и навѣты возмутителей? — Я всегда посреди васъ находился; вы свидѣтели, управляло ли властолюбіе моими поступками, помрачило ли оно честь мою. Возходя по волѣ моихъ согражданъ и товарищей на первую степень государственную, я исполнилъ ихъ желаніе; я возложилъ на себя тягость правленія единственно потому, что они сами ввѣрили мнѣ оную, и для того чтобы еще разъ послужить отечеству. Почту себя счастливымъ, когда попеченія мои увѣнчаются успѣхомъ, и когда устрою благо моихъ согражданъ. — Но для достиженія сей цѣли однѣхъ силъ моихъ не довольно; надлежитъ блюсти законы и повиноваться уложенію, нынѣ вамъ предлагаемому. Въ немъ свято охранены ваши права; въ немъ каждой гражданинъ найдетъ защиту своего лица, своей собственности, своего семейства. — Пагубныя слѣдствія войны и нечестивый примѣръ, данный Французами, унизили святую вѣру; благонравіе оставалось въ небреженіи; развращенное юношество дерзновенно предавалось всѣмъ распутствамъ. Надлежало возвести вѣру на прежнюю степень достоинства; поселить въ гражданахъ любовь къ ней и почтеніе; устроить благочиніе; на-

питать умы юношескіе священными правилами нравственности и чести; надлежало увѣрить народъ, что безъ благочестія, безъ добрыхъ нравовъ никакое общество не можетъ быть прочнымъ. — Судилища будутъ наблюдать выгоды гражданъ; истина и правосудіе въ нихъ предсѣдать будутъ. Народъ Гаитскій да содѣлается извѣстнымъ въ мірѣ по честности своей и благодушію. Онъ способенъ къ торговлѣ по природѣ своей, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по своимъ ремесленнымъ заведеніямъ; надобно, чтобы честность ваша, столько же какъ и произведенія земли, привлекала къ вамъ всѣхъ торгующихъ иноплеменниковъ. — Торговля есть источникъ всѣхъ богатствъ нашихъ; слѣдственно надлежитъ всѣмъ чужестранцамъ, приходящимъ въ приморскіе города наши, являть такое же покровительство, какимъ пользуются природные жители; надобно оказывать имъ такое гостепріимство, какое по всей справедливости сіи полезные люди заслуживаютъ. — Чтобы питать торговлю, чтобы привести ее въ большую дѣятельность, имѣйте сугубое попеченіе о землепашествѣ. Наши земледѣльцы, обитая подъ прекраснѣйшимъ небомъ, будучи осыпаны дарами природы, не знаютъ ни сѣверныхъ морозовъ, ни суровыхъ перемѣнъ воздушныхъ. Легкая работа доставляетъ имъ богатое воздаяніе, и ста-

вить ихъ на ряду съ народами промышляющими. Поспѣшите же, трудолюбивые землепашцы, поспѣшите наполнить житницы ваши произведенїями плодородной пашвы; соберите для купцовъ Европейскихъ все то, что удобно привлечь ихъ! Увидите, что успѣхи торговли превзойдутъ ваше ожиданїе. — Когда вознесемъ святую вѣру, возстановимъ благонравїе, ободримъ землепашество и торговлю, для насъ останутся еще великїе подвиги. Мы не должны пренебрегать военныхъ упражненїй. Непрїятель наблюдаетъ всѣ наши движенїя, замѣчаетъ всѣ наши поступки; усердїе доброхотствующихъ намъ государствъ еще ни чѣмъ не обезпечено: союзные договоры соединятъ насъ съ друзьями; войска наши будутъ готовы поражать непрїятелей. — Намъ болѣе не на кого надѣяться, кромѣ на самихъ себя. Воины, готовые скорѣе пролить всю кровь свою, нежели отдать гордому врагу безцѣнную вольность! граждане и землепашцы трудолюбивые, отъ которыхъ государство ждетъ своего обогащенїя! ваше единодушїе и повиновенїе законамъ должны быть защитою независимости. — Чужестранныя правительства еще до сихъ поръ не обнаружили своихъ намѣренїй въ разсужденїи нашего отечества; каковы бы ни были онѣ, мы не станемъ презирать ихъ, но не станемъ также и бояться, еслибъ кто-либо изъ нихъ за-


p
q
n
m
l
k
h
g
e
d
c
f
b
a

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1807.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Пещера на островѣ Антипаросѣ.

(Какъ опасно нѣкоторымъ людямъ читать нѣкоторыя книги.)

Господинъ фонъ Мильвицъ, любезнѣйшій изъ молодыхъ дворянъ Лифляндскихъ, посвятивъ молодые годы и способности свои на прилѣжное упражненіе въ наукахъ, приобрѣлъ обширныя познанія. Тщетно искавши случая опредѣлиться къ должности гражданской, онъ рѣшился наконецъ, или отъ досады, или чтобы показать себя, вступить въ морскую службу. Россійскій флотъ готовился тогда плыть къ островамъ Архипелага. Мильвицу не много труда стоило рѣшиться на такое предпріятіе: онъ былъ отъ природы весьма отваженъ, и сверхъ того чувствовалъ сильную охоту къ путешествіямъ.

Слабое здоровье и совѣты врачей, которые увѣряли Мильвица, что морской воздухъ вреденъ для него, скоро принудили его возвратиться на родину. По приѣздѣ въ Лифляндское помѣстье, онъ часто посѣщалъ Барона фонъ Б * *, близкаго своего сосѣда. Деревенская жизнь сдѣлала сихъ людей пріятелями, чего въ большомъ городѣ конечно не случилось бы.

Въ одинъ день Мильвицъ нечаянно входитъ къ Барону. Сей, поспѣшая встрѣтить сосѣда, бросаетъ книгу, которую читалъ въ то время. — „Что-нибудь новое?“ — спросилъ Мильвицъ, любившій чтеніе тѣмъ еще болѣе, что лишенъ былъ хорошаго сообщества. — И старое и новое, какъ хотите! — отвѣчалъ Баронъ: для меня это безъ сомнѣнія диковинка; но для такого великаго книгочея, какъ вы, это не новость. — Мильвицъ хотѣлъ посмотрѣть книгу; Баронъ съ видомъ веселымъ не допустилъ его, и тономъ человѣка весьма довольнаго собою спросилъ: какъ онъ думаетъ? что бы это было такое?

„Бьюсь объ закладъ, Баронъ, что любовная сказка.“ — Не мудрено подумать это, нашедши *меня* за книгою. Однакожь, любезной мудрецъ, вы ошиблись. Угадывайте лучше. — „Ну такъ путешествіе? (при семъ

еловѣ Мильвицъ нетерпѣливо хотѣлъ ухватить книгу) или можетъ быть — — только нѣтъ! отъ васъ не надѣюсь" — — Какъ? чего отъ меня не надѣетесь? Не думаете ли, что вы только одни въ Лифляндіи способны мыслить и умствовать? — „Я былъ бы крайне безстыденъ. Развѣ я не у васъ въ домѣ?" — Пустое, пустое! понимаю! но какъ же быть! чего теперь нѣтъ, будетъ со временемъ. Я увѣренъ, что попалъ теперь на хорошую дорогу. Философія, дорогой соѣдъ, философія! — продолжалъ Баронъ, съ торжественнымъ видомъ подавая Мильвицу книгу — и притомъ не поверхность, но самая глубокая метафизика! — „Не въ самомъ ли дѣлѣ, Баронъ? это меня очень огорчило бы; метафизику я почелъ бы предвозвѣстницею близкой вашей кончины."

Мильвицъ взялъ книгу, и крайне изумился нашедши, что это была соблазнительная *Система натуры* (*). „Возможно-ли! и вы читаете такое сочиненіе?" — Развѣ оно вамъ извѣстно? — „Я читалъ его въ Ливорнѣ. Одинъ Англичанинъ ссудилъ меня сею книгою, когда я былъ боленъ." — Чтожь? не правда ли,

(*) Извѣстной Алкоранъ Французскихъ философовъ 18 столѣтія.

что она вамъ понравилась? — „Понравилась? книга, содержащая въ себѣ такія правила?“ — Я говорю о слогѣ, о расположеніи. — „Что въ слогѣ, Баронъ! Ядъ пріятный для вкуса по сладости своей не перестаетъ быть ядомъ; тѣмъ еще болѣе должно предостерегать отъ него людей неопытныхъ. Да скажите пожалуйте, какъ она попалась вамъ въ руки?“ — Какъ попалась? самымъ обыкновеннымъ способомъ! Ее всѣ хвалили; я захотѣлъ достать ее; не могши найти, болѣе распалился желаніемъ; наконецъ нашелъ, и заплатилъ не дешево: съ меня взяли шесть рублей. — „Лучше, любезной Баронъ, еслибъ деньги свои отдали вы бѣдному, или даже — — бросили бы въ воду. Послѣднее было бы гораздо лучше.“ — Вотъ вы какоры, г. Мильвицъ! вы говорите и поступаете какъ проповѣдники, которые сами пользуются благами, а насъ мірянъ осуждаютъ за нихъ. Почему не читать мнѣ, когда вы читали? — „Между мною и вами, любезной Баронъ, есть нѣкоторая розница. Не познакомившись прежде съ сухою Нѣмецкою метафизикою, я никакъ не принялся бы за краснорѣчивую Французскую философію. Скажите, какъ вздумалось вамъ при вашемъ отвращеніи отъ умственныхъ усилій, при неохотѣ къ размышленію, при недостаткѣ многихъ свѣдѣній, необходимо нужныхъ для чтенія такой кни-

ги . . . . " — Правду сказать, не очень пріятно болваномъ сидѣть между вами въ обществѣ; надобно умѣть что-нибудь примолвить къ стати. — „Примолвить, Баронъ! лучше молчать и слушать, нежели говорить словами взятыми изъ сей книги. Притомъ же о предметахъ сего рода, къ сожалѣнію, разговариваютъ въ обществахъ весьма рѣдко." — Ну такъ надобно ввести это въ обычай. — „Чтобы обратить на себя вниманіе! не такъ ли?" — Какаяжь бѣда? вы все думаете, что я подвергаюсь страшной опасности; а я напротивъ того не вижу никакой. Для препровожденія времени заниматься чѣмъ-нибудь, читать, размышлять — — „Такъ, любезной Баронъ, размышлять, кому можно; а кто не умѣетъ хорошо размышлять, тотъ сверва начинаетъ сомнѣваться, потомъ склоняется, одобряетъ, напослѣдокъ теряетъ свою вѣру въ Бога, свое спокойство, свою добродѣтель — а все это, Баронъ, право не бездѣлка! — — Огонь тухнетъ въ каминѣ, и я начинаю зябнуть. Разведемъ пламя."

Что вы дѣлаете! съ умомъ ли вы? — Закричалъ Баронъ, успѣвъ еще удержать Мильвица; потомъ нѣсколько успокоившись, продолжалъ: Извините, дорогой сосѣдъ! но къ чему и вамъ нагрѣвать каминъ шестью рублями, когда можно обойтись нѣсколькими

копейками! Книга вѣдь моя собственная; я непремѣнно хочу читать ее. — „Хотите читать, можетъ быть, къ своему несчастію!“ — Не бойтесь, не бойтесь! Положимъ на часъ, что я сдѣлаюсь аѳеистомъ; чтожь за бѣда? Если это случится, то въ тужь минуту пошлю за пасторомъ, которой опровергнетъ мои возраженія священнымъ писаніемъ; и опять сдѣлаетъ меня христіяниномъ. Сядемъ-ка здѣсь у камина, я разведу огонь; а ежели и это не согрѣетъ васъ, то . . . . — Баронъ позвонилъ, велѣлъ принести бутылку Бургонскаго вина, и продолжалъ вздохнувши: Ахъ, любезной другъ! вы путешествовали, видѣли свѣтъ; для чего я дурачина не отправился съ вами? Тысячу разъ я это повторялъ себѣ послѣ вашего послѣдняго посѣщенія. Все, что вы ни разсказывали, у меня изъ головы не выходило ни на минуту. Я мысленно вездѣ сопутствовалъ вамъ; по вечерамъ ложась спать, садился вмѣстѣ съ вами на корабль въ пристани Ливорнской; по утрамъ просыпался въ Архипелагѣ. Ахъ, любезной Мильвицъ! ради Бога еще разскажите что-нибудь. — „Болѣе ничего ужь не знаю.“ — Не льзя статься; еще должно быть что-нибудь. Освѣжите-ка память свою, дорогой сосѣдъ. (Въ это самое время вошелъ слуга съ бутылкою Бургонскаго.) Кажется на морѣ уже все мы обозрѣли; Турецкой флотъ

сожгли: теперь осмотримъ землю. Вѣрно, земля прекрасная! — „Была прекрасною, любезной Баронъ, когда свобода и науки обитали на ней! а теперь — — чтожь я вамъ буду разсказывать, когда мы на нее не сходили?“ — Не сходили! Не льзя же, чтобы вы не видали чего-нибудь. — „Видѣли только острова.“

Острова? чтожь? — подхватилъ Баронъ, пододвинувши стулъ свой ближе къ столу, и облокотившись, чтобы удобнѣе слушать. — „На островахъ не много достойнаго примѣчанія; тамъ люди“ — — Да, да, люди съ головами и съ ногами, не такъ ли? — и за сію *остроумную* шутку Баронъ наградилъ себя полнымъ стаканомъ Бургонскаго и громкимъ смѣхомъ. Нѣтъ ли чего другаго, любезной другъ! нѣтъ ли сраженій, морскихъ водоворотовъ, огнедышущихъ горъ? словомъ, разскажите что-нибудь пострашнѣе! я ничего не слушаю такъ охотно. — „Это служитъ доказательствомъ — отвѣчалъ Мильвицъ улыбаясь — что вы человѣкъ неустрашимый. Въ самомъ дѣлѣ я нѣчто знаю. Вы вѣрно слыхали объ островѣ *Антипаросѣ*?“ — Радъ слушать о такомъ славномъ островѣ. — „Ежели вы много кое-чего знаете о немъ, то услуга моя для васъ будетъ лишнею. Ибо вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, какую

пещеру создала тамъ природа.“ — Пещеру? пещеру, которую создала тамъ природа? Клянусь вамъ, что до сихъ поръ ничего о ней не вѣдаю. Живучи въ деревнѣ, какъ знать, что дѣлается въ свѣтѣ? можно ли сельскому дворянину знать новости? — „Постойте, Баронъ! это вовсе не новость.“

Тутъ Мильвицъ началъ разсказывать; повелъ Барона по великолѣпной, поддерживаемой столпами и унизанной надписями пещерѣ на островѣ Антипаросѣ до самой ямы, въ которую нѣкогда Нуантель, потомъ Турнефоръ спускались, подвергая себя великой опасности. Баронъ каждое слово тихонько повторялъ движенїемъ губъ, и любопытство его въ семъ случаѣ было ничѣмъ не менѣе того, съ какимъ въ ребячествѣ слушалъ отъ нянюшки своей сказки о привидѣнїяхъ.

Далѣе, далѣе любезной сосѣдъ! — „Дорога, по которой мы шли, становилась часъ отъ часу утесистѣе. Наконецъ мы приближились къ темному отверстїю, которое надлежало проходить не иначе какъ согнувшись, имѣя въ рукахъ зазженные свѣтильники. Приготовьтесь теперь услышать объ одномъ опаснѣйшемъ предпрїятїи, о которомъ разскажу вамъ не для хвастовства, но чтобъ сдѣлать упрекъ самому себѣ, и о кото-

ромъ еще и теперь не могу вспомнить безъ содроганія."

Доброй Баронъ давно уже былъ приготовленъ. Онъ сидѣлъ разинувши ротъ; волосы его шевелились отъ ужаса. — „У входа мы прикрѣпили веревку, и спустились по ней въ первую глубь, довольно страшную. Но несравненно страшнѣе была вторая, къ которой надлежало ползти, почти лежа. У человѣка, имѣющаго нервы слабѣе моихъ, при одномъ только помышленіи о пропасти, которая находилась на лѣвой сторонѣ, и надъ которою надлежало ползти очень близко, непремѣнно закружилась бы голова, и онъ назадъ уже не вышелъ бы."

Баронъ держалъ руку свою надъ глазами. — „Чтожь бы думали вы, любезной другъ! на краю пропасти, скользкомъ какъ ледъ, и слѣдственно весьма опасномъ, поставили мы лѣстницу, по которой взлѣзли на скалу отвѣсную; легко можете себѣ представить, что на сердцѣ у насъ было тогда не очень весело!"

Баронъ вскочилъ со стула; потомъ тотчасъ опять сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. „Что съ вами сдѣлалось, Баронъ?" — Ничего, Мильвицъ! такъ . . . . бѣдная голова моя . . . . Ну сосѣдъ! вѣдь мнѣ показалось,

будто я лечу въ пропасть съ лѣстницы! Чтожь потомъ? — „Я ползъ далѣе, и уже съ меньшею опасностїю; но лишь только думалъ-было идти надежнымъ шагомъ, какъ вдругъ голосъ проводника остановилъ меня при самомъ страшномъ мѣстѣ, гдѣ я непремѣнно сломилъ бы себѣ шею.“ — Тутъ Баронъ опять притаилъ дыханїе; всѣ мускулы двигались на лицѣ его.

„Мы нашли лѣстницу, но такую старую и трухлую, что съ перваго шагу она изломалась бы въ дребезги. Мы приставили другую, которую нарочно для того взяли съ собою. Потомъ снова надлежало спускаться по веревкѣ. Наконецъ, еще долго ползши то на спинѣ, то на брюхѣ, къ величайшему своему удовольствїю я увидѣлъ ту яму, для которой подвергался столь многимъ опасностямъ.“ — Такъ увидѣли яму? слава Богу! Чтожь вы нашли въ ней? — „Нашли ее преудивительною.“ — Что въ ней было? что вы оттуда вынесли? — „Какой вопросъ! ничего.“ — Совсѣмъ ничего? и потомъ благополучно возвратились назадъ? — „Конечно! иначе, теперь не пить бы мнѣ здѣсь Бургонскаго.“ — Ваша правда, любезной сосѣдъ! ну еслибъ вы упали въ пропасть? тогда что? — „Тогда послалъ бы за лѣкаремъ.“ — Которой долженъ былъ бы лѣзть къ вамъ въ

пропасть! надобно, чтобъ на островѣ Антипаросѣ врачи были предобрые люди! А еслибъ вы въ такой глубинѣ сломили себѣ шею? —

Мильвицъ засмѣялся. — „За то, смотрите, какія опасности! Однакожь, Баронъ, возвращаться назадъ было еще труднѣе, нежели спускаться въ яму. Тогда-то надлежало имѣть осторожность! Не одинъ разъ скользилъ я по гладкимъ утесамъ; не одинъ разъ по неволѣ приближался къ мѣстамъ ужаснѣйшимъ; но все сіе ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что опять случилось со мною на лѣстницѣ. Помните ли? на лѣстницѣ, которую мы приставили къ прямому утесу. Тутъ — — "

У Барона голова опять закружилась; онъ закусилъ губы, притаилъ дыханіе, и сжался подобно человѣку, падающему съ высокаго мѣста. „Тутъ — вообразите, какъ я испугался — подъ ногами моими переломилась ступенька, и еслибъ я не удержался за верхнюю" — — Боже милосердый! — вскричалъ Баронъ, ухвативши Мильвица обѣими руками, чтобъ удержать его при паденіи. Мильвицъ смѣялся, продолжалъ повѣсть свою, и заключилъ слѣдующими словами: „Наконецъ, любезной сосѣдъ, я вышелъ на свѣтъ."

Восхищенный Баронъ торжественно вскочилъ со стула, и въ стремленіи своемъ опрокинулъ столъ на землю. — Вышли на свѣтъ! на свѣжій воздухъ! подъ ясное небо! Хвала тебѣ, милосердый Боже! (обнявши Мильвица) О любезный другъ! останьтесь навсегда здѣсь на верху, и не спускайтесь въ проклятыя пещеры подземныя! ради самаго Бога впередъ не отваживайтесь! — „Ваша радость, Баронъ, ваше дружеское участіе мнѣ очень пріятны!“ — Какъ не радоваться мнѣ? Я люблю васъ, люблю какъ жизнь свою! Знаете ли, что я по любви къ вамъ досадую, за чемъ вы сходили въ проклятую эту яму, въ эту пещеру, гдѣ ничего получить не льзя, а потерять все можно! Какой злой духъ туда водилъ васъ? — „Любопытство, Баронъ! Живучи на свѣтѣ, хочется всего посмотрѣть.“ — — Хорошо, но за чемъ вдаваться въ такія опасности? Смотрите диковинки гдѣ-нибудь, только не на островѣ Антипаросѣ. — „Этимъ заставляемъ уважать себя, любезной Баронъ! по этому заключаютъ о нашей неустрашимости. Какая бѣда! для удовлетворенія любопытства, спуститься внизъ, взглянуть на яму!“ Да сломить себѣ шею, и больше ничего! — „Еслибъ вы, Баронъ, были тогда со мною, вѣрно не пустили бы меня?“ — Кто? я? Клянусь, что я удержалъ бы васъ за волосы.

Тутъ Баронъ всталъ, и подалъ ему руку. — Такъ, Мильвицъ! хотя бы послѣ надлежало съ вами стрѣляться, я схватилъ бы васъ за волосы, и не пустилъ бы въ пещеру. — „Право, Баронъ? Такъ я долженъ стыдиться, что вы болѣе оказали бы мнѣ любви, нежели сколько я оказалъ вамъ. Если не ошибаюсь, вы жаловались на слабость головы?“ — Да, у меня она слаба. Но къ чему это? — „Съ вами случаются припадки круженія?“ — Иногда; они мнѣ напоминаютъ шалости молодыхъ лѣтъ. — „О, ежели такъ, то хотя бы мнѣ надлежало стрѣляться съ вами, Баронъ“ — — Мильвицъ всталъ, и *Система натуры* очутилась въ каминѣ.

Баронъ въ торопливости не зналъ, что дѣлать; бросился къ огню, но уже было поздно. Книга сгорѣла до половины. — Мильвицъ! — съ видомъ огорченнымъ сказалъ Баронъ, послѣ короткаго молчанія: доброй или злой духъ научилъ васъ сжечь мою книгу? — „Духъ дружества, Баронъ, есть духъ доброй. Вы безпокоились о моей безопасности; справедливость требуетъ, чтобъ я о вашей позаботился.“ — Чего вамъ хочется? Вы въ проклятой пещерѣ своей могли сломить себѣ шею; а я — — — „А съ вами еще хуже могло бы случиться. Не вѣровать въ Бога и Провидѣніе; у добродѣтели,

которая — извините, любезной Баронъ — и безъ того уже слаба, отнять послѣднюю подпору; потерять спокойствіе свое въ несчастіи и при смерти; словомъ, потерять все драгоцѣнное для существа мыслящаго и слабаго, каковъ человѣкъ: это, по моему мнѣнію, хуже нежели сломить шею." — Пустое! Развѣ я теряю все, что вы ни упомянули? — „*Могли бы* потерять. Вы жалуетесь на слабость головы, на припадки круженія. *Система натуры* писана для головъ здоровыхъ; она требуетъ крѣпкаго сложенія и быстрой проницательности. У кого недостаетъ ихъ, тому трудно выдти изъ пропасти. Въ сихъ двухъ случаяхъ, Баронъ, очень много сходства. Вы сказали, что въ моей пещерѣ получить нечего, а лишиться всего можно: я говорю, что въ умозрительныхъ наблюденіяхъ сей книги вы не найдете ничего полезнаго, а потерять все можете. Продолжимъ сравненіе для шутки: никакой врачь, сказали вы, не захотѣлъ бы спуститься ко мнѣ въ яму. А вашъ пасторъ? онъ поручилъ бы Богу несчастную вашу душу, перекрестилъ бы пещеру, и пошелъ бы далѣе въ путь свой.

Баронъ задумался, и принялъ видъ важный, не смотря на то что рѣчь дошла до пастора, любимаго предмета его бесѣды. Мальвицъ дружески подалъ ему руку. „Увѣ-

рены ли вы, что я люблю васъ?" — Другъ мой! — и слезы показались на глазахъ у Барона. — „Послушайте же! Съ благороднымъ жаромъ вы заклинали меня впередъ никогда не спускаться въ пещеру; обѣщаюсь исполнить совѣтъ вашъ. Но теперь и я долженъ взять съ васъ клятвенное обѣщаніе, что впредь не будете дотрогиваться до такихъ книгъ, коихъ сочинители возстаютъ противъ Бога и Провидѣнія. Вмѣсто того чтобъ погружаться въ глубину мрака, останьтесь лучше при ясномъ свѣтѣ общаго смысла; вмѣсто того чтобъ спускаться въ бездну по гнилой веревкѣ, останьтесь лучше на землѣ твердой, безопасной. Не начинайте вражды съ чувствомъ своимъ и совѣстію!"

Баронъ обнялъ Мильвица, и обѣщался воспользоваться его совѣтомъ. — Но, любезной другъ! — продолжалъ Баронъ: лучшіе годы свои провелъ я въ праздности; теперь я не что иное (ударивъ себя по лбу), какъ невѣжда! Это больно мнѣ, очень больно! не ужели должно навсегда оставаться невѣждою? — „Надобно читать, Баронъ. Знанія дѣлаютъ человѣка почтеннымъ; правда, что однѣ изъ нихъ важнѣе, нежели другія. Охота учиться, ежели только вы дѣйствительно имѣли ее, не употреблена во зло; долгъ требуетъ, чтобы я подкрѣпилъ ее."

На другой день Мильвицъ послалъ къ нему *Реймаруса*.

Энгель.

II.

Каплунъ и Соколъ.

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.

Одинъ
Московскій гражданинъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвостъ, по промыслу каплунъ,
На кухню долженъ былъ явиться,
И тамъ на очагѣ съ кухмистеромъ судиться.
Вся дворня взбѣгалась: цыпь! цыпь! цыпь! цыпь! — шалунъ
Проворно,
Смѣкнувши что бѣда,
Давай Богъ ноги! — „Господа,
Слуга покорной!
По мнѣ хотя весь день извольте горло драть!
Меня вамъ не прельстишь учтивыми словами;
Теперь: цыпь! цыпь! а тамъ меня щипать,
Да въ печку! да сморчками

Набивши брюхо мнѣ, на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!" —
Тутъ соколъ-крутоносъ, котораго считали
Изъ всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,
Которой на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ,
И съ смѣхомъ на гонъбу глядѣлъ,
Сказалъ: дуракъ-каплунъ! съ такой какъ ты скотиной
Изъ силы выбился честной народъ!
Тебя зовутъ; а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ, ко всѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! я тебѣль чета? но такъ
Не гордъ! лечу на свистъ! глухарь, дуракъ,
Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою! —
Каплунъ, кряхтя, пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
„Князь-соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, за чемъ? а этотъ твой пріятель,
Который въ фортунѣ, какъ воръ въ поклонѣ,
Такъ чванится своимъ узорнымъ колпакомъ,
Конечно каплуновъ усердный почитатель?
Прогнѣвался, что я не падокъ къ нихъ словамъ!
Но сонмъ соколамъ,

Какъ нашей братьи каплунамъ,
На кухнѣ заглянуть случилось
Въ горшокъ, гдѣбъ въ кипяткѣ ихъ княжество варилось!
Тогда хозяйской свистъ и ихъ бы не провелъ;
Тогдабъ, какъ скотъ-каплунъ, черкнулъ и князь-соколъ!"

В. Ж — ій.

III.

Перечень письма изъ Лондона (*).

Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ чрезвычайной и безпрерывной ревности Вашего Сіятельства въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ объ усовершенствованіи Артиллеріи, и зная, сколь благопріятно приемлете всякую мысль, способствующую ко введенію чего-либо полезнаго по сей обширной части, я осмѣливаюсь, по обозрѣніи всѣхъ здѣсь арсе-

---

(*) Письмо писано къ Инспектору всей Артиллеріи, Графу Алексѣю Андрѣевичу Аракчееву, отъ находящагося въ Лондонѣ С. Петербургскаго фабриканта чугуннаго завода, Англичанина Карла Берда. Перечень прислана къ Издателю для помѣщенія въ Вѣстникѣ по препорученію Его Сіятельства.

наловъ, утруднить Васъ симъ донесеніемъ о замѣченномъ мною.

Въ отливкѣ и сверленіи мѣдныхъ пушекъ здѣсь ни чѣмъ не превосходятъ васъ, изключая одной поспѣшности, съ коею оныя льются въ песокъ, и притомъ столь чисто, что ни снаружи, ни внутри не имѣютъ раковинъ. Въ ковкѣ желѣзныхъ вещей, можно сказать, вы не уступаете никому въ свѣтѣ; ибо и здѣсь не могутъ равняться съ вами, кромѣ того что болты и гайки вырѣзываются небольшою машиною скорѣе и вѣрнѣе, нежели руками; одну такую машину я для васъ купилъ. — Деревянная работа для телегъ и аммуничныхъ повозокъ дѣлается здѣсь лучше и скорѣе, по причинѣ употребленія круглой пилы и вновь изобрѣтенной струговой машины; та и другая дѣйствуютъ тою же паровою машиною, коею сверлятся пушки. — Сія послѣдняя заключается единственно въ чугунномъ колесѣ, въ которомъ утверждено нѣсколько струговъ, и которое, по подведеніи подъ него дерева, обращается съ такою скоростію въ горизонтальномъ положеніи, что въ разсужденіи точности и поспѣшности сей работы, ни какимъ почти числомъ людей замѣнить не льзя сей машины; она удивила бы Ваше Сіятельство. Круглыя пилы куплены для васъ по сходнымъ цѣнамъ; но струговую машину,

стоющую немаловажной суммы, я опасался заказать безъ особаго Вашего на сїе приказанїя; отъ покупки же паровой машины, еще болѣе нынѣ усовершенствованной и всюду употребляемой при арсеналахъ, я не могъ удержаться, и надѣюсь, что по возвращенїи моемъ и объясненїи, съ какими выгодами она употребляется, Вы охотно согласитесь равномѣрно завести ее и у себя. — О прессахъ, по приказанїю Вашему, я справлялся здѣсь, и нашелъ, что оные не лучше, и притомъ гораздо дороже тѣхъ, какїе мы дѣлали въ С. Петербургѣ.

12 Мая, 1807.

IV.

О романахъ.

(Изъ соч. Красицкаго.)

Моя сосѣдка, выросшая въ деревнѣ у простодушныхъ, но честныхъ родственниковъ, напитанная добрыми правилами, скоро послѣ замужства своего вздумала посѣтить столицу. По возвращенїи назадъ, я на силу могъ узнать ее: мнѣ показалось, что я нѣсколько лѣтъ съ нею не видался; и если бы подъ бѣлилами и румянами не осталось на лицѣ ея нѣкоторыхъ признаковъ; то я подумалъ бы, что сосѣдъ мой, промѣнявши жену свою, пріѣхалъ съ другою-

При наступленіи времени родовъ, вмѣсто повивальной бабки призванъ повивальной дѣдъ, называемый по французски акушеромъ. Господинъ сей помогъ сосѣдкѣ моей произвести на свѣтъ дѣвочку. Меня пригласили быть восприемникомъ. Идучи крестить, я спросилъ, какъ назовутъ новорожденную? за занавѣсью отозвался голосъ: *Памелою.* Много перечиталъ я календарей въ вѣкъ свой, однакожь никакъ не могъ вспомнить, чтобы какая-либо Угодница называлась симъ именемъ. Увидѣвши приходскаго священника, я спросилъ его, не знаетъ ли святой Памелы? Онъ вывелъ меня изъ заблужденія и сказалъ, что госпожа помѣщица не называетъ дѣтей своихъ именами Святыхъ; что прежде окрестили двухъ младенцовъ; что первая дочь названа была Вандою; что по смерти ея госпожа рѣшилась брать имена не изъ лѣтописей, но изъ романовъ или сказокъ; что родившійся потомъ сынъ получилъ имя Филемона, и что по тому же опредѣленію новорожденная названа будетъ Памелою. Окрестивши маленькую Памелу, я захотѣлъ написать нѣкоторыя мысли свои по сему случаю.

Не положено за непремѣнный долгъ называть крещаемыхъ именами святыхъ Угодниковъ; однакожь не знаю, для чего бы отмѣнять сей благочестивый обычай, наблю-

даемый въ теченіи многихъ столѣтій. Перемѣны вообще дѣлаются для выгодъ; не понимаю, какихъ выгодъ ожидаютъ себѣ тѣ, которые не хотятъ слѣдовать примѣру старинному, всѣми уважаемому!

Я сказалъ выше, что называть дѣтей при крещеніи другими именами не есть преступленіе; однакожь поступокъ сей ближе ко злу, нежели къ добру. Уклоняться отъ обычая, основаннаго на вѣрѣ и на уваженіи ко Святымъ, значитъ удаляться отъ благочестія простыхъ, но добрыхъ нашихъ праотцовъ.

Имена Святыхъ даются дѣтямъ для того, чтобы юные питомцы, воспоминая о добродѣтеляхъ Угодниковъ, старались подражать ихъ примѣру. Хорошо поревновать въ цѣломудріи Королевѣ Вандѣ. Правда, и Памела была добронравна; бѣда только, что дѣвушка должна приняться за романъ, ежели захочетъ узнать о добродѣтеляхъ своей покровительницы. Пускай же всякой судитъ, что полезнѣе читать, а особливо для молодой питомицы, сказки, или житія Святыхъ. Великая розница и въ томъ еще, что читательница не повѣритъ вымышленнымъ добродѣтелямъ Памелы, а можетъ быть и самое благонравіе сочтетъ сказкою.

Люди противнаго мнѣнія возразятъ, что въ старину не было въ обычаѣ давать имена Святыхъ при крещеніи, и что Мечиславъ I какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіянствѣ назывался Мечиславомъ. Отвѣчаю: до введенія христіянской вѣры у насъ не знали ни о крещеніи, ни объ именахъ даваемыхъ при крещеніи; обычай сей еще не былъ извѣстенъ при началѣ; однакожь и тогда старались вводить хорошее. Первыя имена́ были знаками славы; Мечиславъ, Премыславъ, Стрежислава, Бронислава. По принятіи достохвальнаго обычая заимствовать имена Святыхъ, вмѣсто нынѣшнихъ Филемоновъ, Памелъ и Вандъ, явились Войцехи, Станиславы, Казимиры, Елисаветы, Кунегунды. Не искали тогда внѣ отечества и въ сказкахъ того, что можно было найти у себя дома и въ примѣрахъ истинныхъ.

Рѣчь дошла у насъ до романовъ: остановимся надъ симъ родомъ сочиненій. Слово *романъ* происходитъ отъ того, что по возрожденіи наукъ любовныя повѣсти были писаны на языкѣ, еще прежде Италіянскаго, составившемся изъ древняго Галльскаго и Латинскаго; и какъ языкъ сей ближе подходилъ къ послѣднему, то и назывался Романскимъ или Римскимъ. Первые Французскіе стихотворцы, извѣстные подъ именемъ

Трубадуровъ, жившіе въ полуденномъ краю королевства, начали писать сказки прозою и стихами; однакожь не они изобрѣли сей родъ сочиненій: до насъ дошло нѣсколько вымышленныхъ повѣстей отъ Грековъ и Римлянъ.

Есть много родовъ сказокъ: первое мѣсто занимаютъ тѣ, которыя ведутъ къ честности, къ благонравію. Сюда принадлежатъ повѣсти, которыя, питая любопытство, вмѣстѣ сообщаютъ понятіе о наукахъ. Въ прежнія и въ новѣйшія времена появлялись сказки набожнаго содержанія, которыя однакожь навлекли на себя укоризны строгихъ критиковъ; ибо въ сихъ сочиненіяхъ трудно было различить вымыселъ отъ истины. Впрочемъ намѣреніе писателей похвально: предлагая хорошіе примѣры, они хотѣли возбудить наклонность къ добру въ читателяхъ.

До нынѣ продолжается споръ, куда надлежитъ причислять Телемака, къ поэмамъ или къ романамъ. Кажется, что онъ, будучи близокъ къ обоимъ родамъ упомянутыхъ сочиненій, собственно ни къ какому не принадлежитъ; живостію выраженій и слогомъ онъ превосходитъ обыкновенную повѣсть, но искуствомъ и основою не достигаетъ той высоты, которая приличествуетъ

однѣмъ только поэмамъ героическимъ. Какъ бы то ни было, приключенія Телемака, по изобрѣтенію своему, по расположенію, по слогу и по нравоученію, всегда будутъ занимать первое мѣсто между книгами полезными. Нѣкоторые сравниваютъ Ксенофонтову Киропедію съ Телемакомъ: правда, что у нихъ цѣль одна и та же; но Киропедія подходитъ ближе къ исторической повѣсти, и не имѣетъ ни слогу, ни огня, свойственныхъ поэзіи.

Изъ Французскихъ романовъ къ числу нравоучительныхъ безспорно принадлежитъ Жилъ-Блазъ и еще нѣсколько, однакожъ весьма немного, другихъ сказокъ. Англичане въ семъ родѣ сочиненій удерживаютъ преимущество передъ всѣми: тому доказательствомъ служатъ повѣсти Фильдинговы и Ричардсоновы, а особливо превосходное твореніе Голдсмитово, извѣстное подъ названіемъ: *Вакфильдской священникъ.* Къ симъ хорошимъ сочиненіямъ относится и Памела. Хотя книги сіи по всей справедливости заслуживаютъ уваженіе; однакожъ не ихъ надобно давать въ руки молодымъ дѣвицамъ при началѣ воспитанія.

Послѣ романовъ набожныхъ и нравоучительныхъ слѣдуютъ благопристойные, но незаключающіе въ себѣ ничего полезнаго;

таковы напримѣръ сказки рыцарскія. Было время, когда умы, наполненные крестовыми походами, въ жару богатырскихъ восторговъ размножали рыцарей, то есть разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именами *защитниковъ чести женскаго пола*, *охранителей сиротъ и невинно обижаемыхъ*, *искоренителей усійцъ* и проч. Времена сумазбродствъ и дикаго невѣжества, болѣе смѣху, нежели удивленія достойныя, миновались; дурачеству сему нанесъ послѣдній ударъ Испанецъ Сервантъ, сочинитель Донъ-Кишота. Книгу сію теперь читаютъ для забавы; но кто захотѣлъ бы прилѣжнѣе вникнуть въ содержаніе и остановиться надъ намѣреніемъ сочинителя; тотъ увидѣлъ бы, что ѣдкая сатира подслащена пріятными повѣстями, и что вѣрный Санхо часто дѣлаетъ весьма важныя замѣчанія. Почти всѣ тогдашняго времени употребительнѣйшія Испанскія пословицы, помѣщенныя въ книгѣ, достойны особливаго вниманія; онѣ показываютъ намъ, что нравоучительныя изреченія, предложенныя въ связи и порядкѣ, на долго остаются въ памяти.

Когда рыцарство надоѣло; появились романы любовно-чувствительные, растянутые, болтливые, и слѣдственно самые скучные. Италіянцы и Французы отличились въ семъ родѣ; ихъ сочиненія скорѣе можно

ночесть плодами больныхъ, разгоряченныхъ головъ, нежели сердца растроганнаго. Бѣдные читатели осуждены были пользоваться такими сокровищами. Мольеръ въ свое время нападалъ на сіи дурачества; однакожь совершенно истребить не могъ вкоренившейся заразы.

Наконецъ къ послѣднему роду романовъ причислять должно тѣ, которые противны благонравію, и которыхъ у насъ, къ несчастію, развелось великое множество. Нашъ вѣкъ отличается безстыдствомъ и развратностію; перо отказывается писать о сочиненіяхъ, въ которыхъ явно проповѣдуются богохуленіе и распутство. Не удивительно, что самыя женщины, нѣкогда стыдливыя, теперь уже разучились краснѣться. Модные умники совѣстятся въ свѣтъ показаться, если не читали такихъ книжекъ, или по крайней мѣрѣ если не запасли ими библіотекъ своихъ: сіи драгоцѣнности начинаютъ уже появляться и на уборныхъ столикахъ. Всякъ, кто видитъ и слышитъ, что дѣлается въ обществѣ, пускай судитъ, какой пользы ожидать отъ сего чтенія.

(Съ Польскаго.)

V.

Нѣсто для военныхъ.

(Изъ соч. Красицкаго.)

Недавно въ одномъ обществѣ случилось мнѣ слышать разговоръ гражданскаго чиновника съ военнымъ. Каждой изъ нихъ, по обыкновенію, выхвалялъ свое званіе. Когда споръ становился часъ отъ часу живѣе, и гражданской чиновникъ началъ разсуждать о знаніяхъ полезныхъ отечеству, нетерпѣливый рыцарь перебилъ рѣчь его слѣдующими словами: „Говорите себѣ что угодно, а книги ваши ни къ чему не служатъ; рука сильная, сердце храброе гораздо лучше вашихъ перьевъ и бумаги. Великая помощь государству отъ школьниковъ!

„Ученый — на словахъ, невѣжда правъ на дѣлѣ.“

Сказавши сіе, воинъ торжественно всталъ, съ улыбкою поклонился и вышелъ; соперникъ его побѣжалъ за нимъ; я, пришедши домой, началъ разсуждать о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

Сперва вспомнилъ я о стихъ, на которой сослался воинъ. Онъ взятъ изъ одной Польской сатиры, гдѣ сочинитель, чтобъ доказать свое мнѣніе, шутя приводитъ въ

примѣръ безграмотнаго Короля Вызимира. Воинъ совсемъ не понялъ, что сатирикъ смѣется надъ старинными предразсудками и дикимъ невѣжествомъ.

Трудно доказать, какая польза можетъ быть отъ невѣжества. Скажутъ, что оно предохраняетъ отъ работы и благопріятствуетъ нѣгѣ; но праздность и нѣга влекутъ за собою пагубныя слѣдствія. Скажутъ, что излишнія познанія часто ко злу приводятъ; но въ такомъ случаѣ виноваты не знанія, а худое оныхъ употребленіе. Скажутъ еще, что простота ближе къ добродѣтели, нежели затѣйливость; но любезная простота сердца никогда не бываетъ въ противоположности съ полезными свѣдѣніями, и достоинство ея становится еще виднѣе при знаніяхъ.

Человѣкъ отличается разумомъ отъ животныхъ; сія способность понимать и судить, подобно землѣ, не дастъ плодовъ, если не будетъ воздѣлана. Ученіе совершенствуетъ природную способность; посредствомъ ученія разумъ человѣческій становится и себѣ и другимъ полезенъ.

Изъ того что сказано выше заключить не только можно, но и должно непремѣнно, что наука равно необходима для людей вся-

каго состоянія, и воинъ очень ошибся, ежели стихомъ своимъ думалъ оспорить противника. Правда, грубые народы иногда брали верхъ надъ просвѣщенными; однакожь какъ съ одной стороны побѣдъ не должно приписывать невѣжеству, такъ съ другой не должно винить науки въ упадкѣ государствъ просвѣщенныхъ.

Защитники невѣжества обыкновенно ссылаются на Гунновъ, Алановъ, Готовъ, Вандаловъ, на Магомета и Аравитянъ. Дикія орды, какъ будто съ общаго согласія, одна послѣ другой нападали на Имперію Римскую, и на развалинахъ ея воздвигали новыя государства. Сіе время, несчастное для человѣческаго рода, было пагубнымъ для наукъ и художествъ. Потребны были многіе вѣки, чтобы возстановить прежній порядокъ; вопреки нашему тщеславію, послѣ всѣхъ усилій едва ли и теперь достигли мы прежней степени.

Что грубые народы покорили Римлянъ и Грековъ, изъ того не слѣдуетъ заключать, будто невѣжество побѣдило науки; надлежитъ вспомнить, въ какомъ состояніи были тогда потомки древнихъ Римлянъ. Вѣкъ Августовъ протекъ быстро; его преемники, вознерадѣвшіе о наукахъ, были озабочены войнами внутренними и внѣшними;

Римское просвѣщенїе, отъ Грековъ занятое, мало по малу ослабѣвало и клонилось къ упадку; едва слѣды онаго остались во времена Константина, а особливо по раздѣленїи Имперїи. На востокѣ свѣтились еще слабыя искры; но и тамъ онѣ скоро погасли при безпечныхъ владѣтеляхъ. Тогда-то порабощены сперва западныя области, потомъ восточныя; между побѣдителями и побѣжденными все различїе въ томъ только состояло, что дѣятельное невѣжество овладѣло невѣжествомъ лѣнивымъ.

Военное искуство состоитъ не въ одной только неустрашимости, не въ опрометчивости, не въ силѣ; ибо въ сихъ качествахъ и дикой звѣрь не уступаетъ человѣку. Для простаго воина онѣ достаточны: но кто управляетъ воинами, кто ведетъ ихъ на сраженїе; тому потребны еще и знанїя.

Военное искуство имѣетъ свои правила, равно какъ всѣ прочїя; въ немъ предполагается едва ли не болѣе знанїй, нежели въ другихъ наукахъ. Обращая вниманїе на древнихъ знаменитѣйшихъ полководцовъ, видимъ, что они были искусны не въ одномъ только военномъ дѣлѣ, но вообще отличались обширными свѣдѣнїями.

Сколько пользовался Александръ наставленїями учителя своего Аристотеля, сви-

дѣйствуютъ оставшїяся письма его; сей полководецъ досадовалъ на Аристотеля, для чего онъ открываетъ другимъ таинства науки. Юлїй Цезарь самъ описалъ дѣянїя свои, и сочиненїя его почитаются образцовыми въ потомствѣ; Грамматика, имъ написанная, стихи и рѣчи, изъ коихъ уцѣлѣли отрывки, показываютъ, что онъ искусенъ былъ и въ другихъ наукахъ. Кромѣ древнихъ военачальниковъ, имѣемъ новѣйшїй примѣръ въ Фридерикѣ II, которой, подобно Юлїю Цезарю, краснорѣчивымъ перомъ описалъ и дѣянїя свои и бытїя своего отечества.

Павелъ Эмилїй и Лукуллъ въ тишинѣ жизни домашней прилѣжно занимались науками. По стеченїю обстоятельствъ надлежало имъ принять войска въ свое начальство; тогда показали они, къ чему полезны науки: оба съ трїумфомъ возвратились въ отечество; одинъ побѣдилъ Персея, другой — Митридата и Тиграна.

Герои, которыми нѣкогда Польша украшалась, не менѣе славились храбростїю, какъ и знанїями. Гетманъ Тарновскїй, побѣдившїй въ Африкѣ Мавровъ, оставилъ описанїе своихъ походовъ. Тоже самое сдѣлалъ Жолкевскїй. Незабвенный Замойскїй столько извѣстенъ былъ по своей учености, что Карлъ

Зудерманскій, насильственно возсѣвшій на Шведскомъ престолѣ, досадуя на своего побѣдителя, въ письмѣ называлъ его школьникомъ — какъ будто науки могли стыдить храбраго мужа! Замойскій одержанными надъ нимъ побѣдами доказалъ, что ученость не только не мѣшаетъ военному искуству, но даже способствуетъ усовершенствованію онаго.

Можетъ быть кто-нибудь для оправданія невѣжества станетъ ссылаться на похвальное слово Эразма Ротеродамскаго; трудъ напрасный! ибо это не что есть иное, какъ только сатира на мнимыхъ мудрецовъ; и хотя въ сочиненіи семъ приписываются похвалы невѣжеству, однакожь подъ ними скрывается тонкая замысловатая насмѣшка. И то правда, что Эразмъ въ жару восторга шутилъ надъ такими вещами, до которыхъ вовсе не надлежало бы прикасаться.

Cedant arma togae, говорилъ Цицеронъ любившій краснорѣчіе, и предпочитавшій мирное состояніе гражданина военному безпокойству. Въ самомъ же дѣлѣ ни гражданская служба передъ военною, ни военная передъ гражданскою не должна хвалиться превосходствомъ и унижать одна другую. Каждое изъ сихъ состояній равно почтенно; ибо каждое равно служитъ благу общественному. Честность и правота во всякомъ зва-

нїи не теряютъ цѣны своей; гражданинъ, въ какомъ бы званїи ни служилъ обществу своими способностями, всегда имѣетъ право на признательность и уваженїе.

(*Съ Польскаго.*)

VI.

Историческїе отрывки.

Весьма справедливо сказано въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ, по разсмотрѣнїи сочиненїя г-на Круга о Россїйскихъ монетахъ (*): „Нынѣ часто выходятъ толстыя книги, содержащїя въ себѣ *очень мало*; напротивъ того сочиненїе г-на Круга по числу листковъ есть только *книжка*, но по содержанїю — *книга*, и притомъ весьма хорошая.“ Г. Кругъ намѣренъ издать полную Исторїю монетъ Россїйскихъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, а сїе сочиненїе служитъ только ея предвозвѣщенїемъ; оно тѣмъ заманчивѣе, тѣмъ прїятнѣе для любителей Россїйской Исторїи, что г. Кругъ, не ограничиваясь однѣми Русскими монетами, иногда

(*) Zur Münzkunde Rufslands, von dem Herrn Collegien-Affeffor Krug, herausgegeben von der Kayferlichen Academie der Wisfenfchafften in Petersburg. 1806.

мимоходомъ останавливался надъ другими предметами любопытными. Всѣ мнѣнія свои подтверждаетъ онъ или выписками изъ Русскихъ лѣтописей, или же весьма умными, скромными и удачными догадками.

Г. Кругъ во многихъ мѣстахъ противорѣчитъ Шлецеру, Геттингенскому Профессору. Напримѣръ: въ лѣтописяхъ сказано, что Олегъ, Рюриковъ сродникъ и преемникъ, въ 881 году приплылъ по Днѣпру къ Кіеву со многочисленнымъ войскомъ; остановился подъ городомъ, скрылъ воиновъ въ ладьяхъ, и послалъ сказать къ владѣтелямъ Кіевскимъ, что купцы, плывущіе въ Грецію, просятъ ихъ къ себѣ на лодки. Оскольдъ и Диръ повѣрили обману, пришли на лодки, и были убиты. Г. Шлецеръ почитаетъ (см. Несторъ III. с. 59) невозможнымъ, чтобы они были такъ безпечны; думаетъ, что владѣтельнымъ Князьямъ Кіевскимъ совсемъ не пристало посѣщать купцовъ, и потому заключаетъ, что Оскольдъ и Диръ были простые Варяги, странствующіе рыцари, которые, искавши приключеній, остались наконецъ въ Кіевѣ. Напротивъ того г. Кругъ ничего страннаго не находитъ въ семъ посѣщеніи. Ансгаръ приглашалъ къ себѣ на постоялой дворъ Короля Шведскаго, и тамъ угощалъ его. Король Гаральдъ Грамфельдъ съ придворными своими посѣщалъ Исландской

корабль, привезшій мягкую рухлядь въ Норвегію. Сколько разъ Великій Петръ посѣщалъ корабли чужестранные!

Шлецеръ называетъ баснею Олегово сухопутное путешествіе на судахъ подъ Константинополь. Случай сей въ самомъ дѣлѣ походитъ на басню; однакожь г. Кругъ старается отдать обратно достовѣрность сему историческому сказанію, на которое много уже разъ нападали критики. Въ лѣтописяхъ говорится, что Олегъ вытащилъ на берегъ суда свои, поставилъ ихъ на колеса (можетъ быть на катки), натянулъ паруса, и при благополучномъ вѣтрѣ подъѣхалъ къ столицѣ. — На каждомъ суднѣ помѣщалось около 40 человѣкъ. Онѣ были построены особливымъ способомъ, вѣроятно выплетены изъ прутьевъ, обтянуты кожами, засмолены и законопачены. Не одни Руссы и Норманны плавали на такихъ судахъ; но еще прежде Юлій Цезарь воинамъ своимъ велѣлъ сдѣлать подобныя, видѣвъ ихъ прежде у Бриттовъ. Есть примѣры въ Исторіи, что суда были перетаскиваемы и переносимы. Норманны въ 888 году, осаждая Парижъ, и не могши плыть вверхъ по Сейнѣ, тащили суда свои вокругъ Парижа по сухому пути болѣе 2000 шаговъ. Такимъ же образомъ поступили они возвращаясь обратно. Россійскій Князь Юрій Владиміровичь сдѣлалъ то же самое въ 1151

году, не могши переправиться черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ. Въ Шотландіи не очень давно перетаскивали суда лошадьми по сухому пути и проч. Ливій и Светоній упоминаютъ о корабляхъ, съ одного мѣста на другое переносимыхъ людьми, рабочимъ скотомъ, телегами и машинами. При такомъ множествѣ примѣровъ и при легкости упомянутыхъ лодокъ, повѣствованіе объ Олеговомъ сухопутномъ на судахъ путешествіи кажется не вовсе баснословнымъ.

Олегъ вывезъ изъ Константинополя великое количество дорогихъ матерій, называемыхъ *паволоками*, о которыхъ упоминается въ Византійской и Русской исторіяхъ, и которыя по причинѣ высокой цѣны своей иногда употреблялись вмѣсто денегъ. Г. Кругъ полагаетъ, что слово сіе происходитъ отъ *Babilonica*: такъ у древнихъ назывались шелковыя и златошвенныя дорогія ткани, дѣланныя въ Вавилонѣ. Вѣроятно, что отсюда же произошли Французское слово Pavillon, также *балдахинъ*; ибо на западѣ Вавилонъ назывался *Балдахомъ*.

Слово *золотникъ* г. Кругъ производитъ отъ золотыхъ монетъ Императоровъ Греческихъ; сіи монеты назывались solidi, и вѣсили 70 гранъ, то есть столько, сколько въ золотникѣ содержится. Такимъ образомъ

опредѣлить можно вѣсъ Греческой *литры*, о которой до сихъ поръ еще не положено ничего достовѣрнаго.

Руссы, по примѣру Грековъ, ввели у себя *пробной вѣсъ*. Не задолго передъ симъ найденъ такой *вѣсъ* въ обвалившейся части пещеръ въ Кіевѣ. Сперва не знали, для какого употребленія служила вещь сія. Она мѣдная; на одной сторонѣ видно имя Глѣбово, на другой въ маленькомъ кругу число *семь*, и около его столько же точекъ. Она вѣситъ 369 грановъ. Все заставляло думать, что она не подложная. Это былъ пробной вѣсъ семи монетъ; но какихъ? — случай рѣшилъ. У Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, въ Москвѣ, хранится древняя серебряная монета Великаго Князя Ярослава. Вѣсу въ ней 53 грана; слѣдственно семь такихъ монетъ вѣсятъ 371 гранъ, что очень близко подходитъ къ *пробному вѣсу*. Г. Шлецеръ сомнѣвался не только въ подлинности, но даже въ бытіи упомянутой монеты; однакожь г. Кругъ самъ видѣлъ ее, и смотрѣлъ глазами знатока. И такъ мнѣніе, что Русскіе переняли бить монету у Татаръ, есть совершенно несправедливое. При семъ случаѣ сочинитель упоминаетъ о томъ, что г. Шлецеръ во многихъ возбудилъ сомнѣніе о *надписи* въ Тмутараканѣ и о *Пѣсни Игоревой*. Знаменитый изслѣдователь исторіи

наконецъ самъ увѣрился, что *Пѣснь Игорева* не есть подложное сочиненїе; можетъ быть онъ не сомнѣвается теперь и о *надписи*, которая уже обстоятельно описана и на мѣди вырѣзана.

Г. Шлецеръ шутилъ на счетъ одной Пермской монеты, будто бы сдѣланной *до Рождества Христова*; къ тому подала поводъ ошибка въ переводѣ. По русски означено, что она выбита до введенїя Христїянской вѣры (то есть въ Перми), слѣдственно передъ окончанїемъ четырнадцатаго столѣтїя.

Въ Новѣгородѣ извѣстны были такъ называемые *корабленники*. Г. Кругъ почитаетъ ихъ за одно съ Rosenobles, Англїйскими четырнадцатаго вѣка золотыми монетами, которыя привозимы были въ Россїю по причинѣ торговыхъ оборотовъ. *Шелягъ* и *Стерлягъ*, названїя видимыя на старинныхъ Россїйскихъ серебряныхъ монетахъ, сочинитель почитаетъ за одно съ *шиллингомъ* и *стерлингомъ*. Послѣднее слово произошло отъ Саксовъ, которые господствовали въ Англїи, и которыхъ писатели временъ Карла Великаго называли Эстерлинги (Oesterling).

По изслѣдованїямъ г-на сочинителя видно, что у Руссовъ было много золота и

серебра еще въ 9 и 10 столѣтіяхъ, и что въ 8 вѣкѣ они были совсемъ не въ такомъ состояніи, какъ вообще думаютъ.

VII.

Смѣсь.

Г. Адамсъ, Коллежскій Ассессоръ и Адъюнктъ Академіи Наукъ, привезъ въ С. Петербургъ мамонтовъ трупъ, найденной имъ на берегу Ледовитаго Океана, близь устья Лены. Трупъ сей лежалъ на поверхности земли уже нѣсколько лѣтъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ отвалившаяся глыба открыла его. Мясо, которое холодъ сберегъ отъ поврежденія, служило пищею бѣлымъ медвѣдямъ и собакамъ Тунгусовъ. Кожа, также по большей части уцѣлѣвшая, покрыта шерстью и во многихъ мѣстахъ волосами, которыми отличается мамонтъ отъ слона, впрочемъ имѣя съ нимъ сходство какъ въ ростѣ, такъ и въ составѣ. Въ челюстяхъ, совершенно похожихъ на слоновыя, на каждой сторонѣ находится сверху и снизу только по одному большому зубу для жеванья, а не для кусанья. Клыки одинакаго свойства со слоновыми. У носораго, найденнаго г-мъ Палласомъ, также была шерсть и волосы. Г. Издатель Сѣвернаго Журнала обѣщал-

ся скоро помѣстить самое донесенїе г-на Адамса.

*

Изъ числа государствъ Европейскихъ Испанїя заслуживаетъ особливое вниманїе любопытныхъ. Въ Сицилїи, въ Неаполѣ, въ Швейцарїи наблюдатель удивляется великимъ произведенїямъ естества: но Испанїя, коей исторїя имѣетъ тѣсную связь съ прекрасными временами Римской республики, Испанїя, позорище Сципїоновыхъ трїумфовъ и добродѣтелей, представляетъ воображенїю сладостныя классическїя воспоминанїя; множество древнихъ ея памятниковъ есть богатая руда для ученыхъ изслѣдователей. Испанїя представляетъ еще другое зрѣлище, не менѣе любопытное: множество зданїй Мавританскихъ, сего воинственнаго, чувствительнаго и умнаго народа, уже болѣе не принадлежащаго къ числу обществъ просвѣщенныхъ, но еще и теперь возбуждающаго томное чувство въ душѣ, размышляющей о судьбѣ человѣческаго рода. Въ Монитерѣ объявлена весьма важная книга подъ названїемъ: *Историческое и живописное путешествїе по Испанїи*, издаваемое Александромъ Лабордомъ и обществомъ ученыхъ мужей и художниковъ Мадритскихъ (*). Грецїя, Ита-

(*) Voyage pittoresque et historique de l'Espagne, par Alexandre de Laborde et

лія, Швейцарія и Франція описаны путешественниками — говорятъ между прочимъ издатели. Одна только Испанія по видимому забыта, не смотря на прекрасные памятники ея, на богатство ея произведеній, на любопытныя историческія событія. Тамъ, одни послѣ другихъ, обитали Карѳагенцы, Греки, Римляне, Готы и Аравитяне; сія страна была потомъ управляема сильными и просвѣщенными государями; еще и теперь видны слѣды знаменитыхъ произшествій на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ случились. Кому не пріятно блуждать между развалинами вѣрнаго Сагонта, несчастной Нуманціи? Кому не пріятно смотрѣть на чертоги Гренадскіе и Кордуанскіе, на сіи обиталища наукъ и образованности, когда вся Европа покрыта была мракомъ невѣжества? Кому не пріятно взглянуть на убѣжище великодушныхъ воиновъ въ горахъ Астурійскихъ, на сихъ воиновъ, едва уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія великой Имперіи и основавшихъ еще большую? Памятники, воздвигнутые въ счастливые вѣки и еще до нынѣ презирающіе угрозы времени, представляютъ взорамъ та-

---

une ſocieté de gens de lettres et d'artiſtes de Madrid, dedié à S. A. S. le Prince de la paix, Généraliſſime des armées de S. M. C., Grand-Amiral d'Eſpagne et des Indes, etc. etc. — A Paris, de l'imprimerie de Pierre Didot l'aîné. 1807.

кія красоты, какихъ нигдѣ найти не можно. Ничего нѣтъ совершеннѣе Алкантарскаго мосту, — великой громады, воздвигнутой жителями девяти городовъ вольныхъ въ честь Траяну, своему Императору и одноземцу. Сей мостъ, украшенный тріумфальными воротами и храмомъ, соединяетъ два высокіе утеса, между которыми широкая рѣка протекаетъ. Зритель въ одно время видитъ здѣсь и прекраснѣйшій видъ естества и великолѣпнѣйшее произведеніе рукъ человѣческихъ. Водоводъ Сеговійскій есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ, и одинъ только по своему назначенію служащій безъ починки. Наконецъ театры въ Сагонтѣ, Клуніи и Меридѣ, амфитеатръ въ Италикѣ, храмы и тріумфальныя ворота, въ разныхъ частяхъ Испаніи разсѣянныя, ни въ чемъ не уступаютъ драгоцѣнностямъ сего рода, которыми Италія изобилуетъ. По чудесной превратности вещей въ здѣшнемъ мірѣ, на языческомъ Панѳеонѣ сіяетъ крестъ, вершина святыя Софіи увѣнчана луною; равнымъ образомъ Аравійскаго зодчества должно искать въ Испанскихъ церквахъ, и нигдѣ болѣе. Хотите ли имѣть понятіе о восточной пышности? Ищите ее не въ Дамаскѣ, не въ Багдадѣ, не въ провинціяхъ Малой Азіи, но въ чертогахъ Алгамбрскихъ, въ садахъ Женералифскихъ. Мавры Афри-

канскіе и нынѣ еще, обращаясь лицемъ къ сторонѣ Гренады, въ молитвахъ своихъ просятъ Бога, чтобы отдалъ имъ сію прекрасную область. Въ сѣверной Испаніи остались памятники еще драгоцѣннѣйшіе: это храмы Готическаго зодчества, которыхъ нигдѣ нѣтъ такъ много, и которые нигдѣ такъ хорошо не сбережены отъ поврежденія. Каѳедральныя церкви въ Бургосѣ, въ Леонѣ, въ Валладолидѣ суть образцовыя произведенія сего рода. — Исторію Испаніи можно раздѣлять на четыре главные періода: первой заключаетъ въ себѣ время господствованія Грековъ, Карѳагенцовъ, Римлянъ и Гоѳовъ; второй владычество Аравитянъ; третій правленіе Королей Кастильскихъ и Аррагонскихъ до царствованія Фердинанда и Изабеллы; четвертой времена новѣйшія. По сей причинѣ издатели раздѣлили книгу свою на четыре части, въ которыхъ, для пріятнаго разнообразія, Исторія Испаніи предлагается вмѣстѣ съ описаніемъ сего королевства. Два изданія выдутъ въ одно время: одно, на Испанскомъ языкѣ, печатается въ Королевской типографіи въ Мадритѣ; другое, на Французскомъ, у Петра Дидота. Доски вырѣзаны лучшими Испанскими и Французскими художниками. Вся книга состоять будетъ изъ шестидесяти или семидесяти тетрадей въ листѣ, съ картинами и тек-

стомъ; въ каждыя шесть недѣль выходить будетъ по одной тетради.

*

Веста, новая г-мъ Олберсомъ открытая планета, вмѣстѣ съ Церерою, Палладою и Юноною обращается между Марсомъ и Юпитеромъ, а ближе всѣхъ подходитъ къ Марсу. Г. Гутъ, Профессоръ Франкфуртскаго Университета, сообщилъ нѣкоторыя послѣдствія наблюденій своихъ г-ну Стойковичу, Ректору Харьковскаго Университета. Выписка изъ письма помѣщена въ 18 нумерѣ Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей. „Въ по„слѣдней половинѣ Апрѣля мѣсяца — пи„шетъ г. Гутъ — нашелъ я посред„ствомъ 23 измѣреній, мною учиненныхъ, „чрезъ прожекціонный микрометръ видимый „ея (Весты) діаметръ 27″0; нынѣ ее, въ „послѣдней половинѣ Мая мѣсяца въ 17 „измѣреній, оказалось 20″1 сообразно съ про„стымъ зрѣніемъ; ибо въ Апрѣлѣ она рав„нялась съ ближайшими звѣздами 6 величины; „теперь уже почти равняется звѣздѣ 5 ве„личины. Свѣтъ ея остается красножел„тымъ или золотоцвѣтнымъ, весьма бли„стательнымъ. Она не имѣетъ около себя „никогда свѣтлыхъ облаковъ, такъ какъ „товарищи ея Церера, Паллада и Юнона „отчасти всегда, или же весьма часто та„ковыя имѣютъ; но напротивъ того по„казывается остроограниченною, даже при

„увеличенїи въ 500 кратъ. По видимому „не имѣетъ она вовсе атмосферы, такъ „какъ наша луна, съ которою равняется „она въ величинѣ весьма много; поверхность „же ея состоитъ изъ красноватыхъ и жел„товатыхъ веществъ, отражающихъ весьма „сильно отъ себя солнечные лучи. Названїе „Весты весьма для нее хорошо избрано; ибо „она уподобляется чистому, ни чѣмъ не„помрачаемому небесному свѣтилу. Мая 5 „дня Боде нашелъ ее посредствомъ стѣн„наго квадранта на 178° 29′ 56″ прямовос„ход. и 12° 35′ 49″ сѣвернаго уклоненїя „(declinatio). До сего времени она имѣла „обратной ходъ; нынѣ стоитъ неподвижно „и снова потомъ пойдетъ прямо чрезъ сѣ„верное крыло и руку Дѣвы съ небольшимъ „противъ прежняго уклоненїемъ. Гаусъ опре„дѣляетъ обращенїе ея около 1321 дня 12 „часовъ, а наклоненїе ея въ 7° 8′ 7″."

ПОЛИТИКА.

I.

Политическія и статистическія замѣчанія о Турецкой Имперіи.

(*Продолженіе.*)

2. Турецкое правительство.

Когда народъ, не смотря на естественныя пособія земли своей, долгое время находится въ несчастномъ состояніи; то остается заключить, что противуположности сей причиною худыя распоряженія правительства. Въ прежнемъ начертаніи нынѣшняго печальнаго состоянія Турціи мы слегка указали на политическія погрѣшности, какъ на главныя причины онаго. Теперь при всеобщемъ обозрѣніи читатели увидятъ еще болѣе: они увидятъ, что несчастное состояніе Турецкихъ подданныхъ есть слѣдствіе естественное несовершенства политическаго; увидятъ также, отъ чего Порта нынѣ пришла въ безсиліе въ сравненіи съ прочими государствами.

Начало Турецкой Имперіи почти ни въ чемъ не рознится отъ начала всѣхъ государствъ западныхъ. Она, равно какъ и

другія, основана вооруженными пришельцами, которые, покоривши природныхъ жителей, вмѣсто стараго правительства учредили новое, соотвѣтствующее выгодамъ ихъ и прочности самовластія. Въ странахъ западныхъ въ теченіи одного столѣтія различіе между побѣдителями и побѣжденными, между властелинами и подданными мало по малу исчезало, такъ что между тѣми и другими не осталось никакихъ признаковъ разнородства, и оба народа слились въ одно тѣло. Такимъ образомъ Франки, пришедши въ Галлію, не только отняли всѣ почести и достоинства у природныхъ жителей, но большую часть изъ нихъ сдѣлали рабами. Однакожь сіи Галлы, сіи рабы, послѣ опять сдѣлались свободными; они вступали въ союзы родства со Франками, и сравнились съ ними въ правахъ гражданскихъ. Наконецъ ниже признаковъ различія между Франками и Галлами не осталось. Ибо хотя сначала Франки присвоили себѣ, какъ побѣдители, права дворянства; однакожь послѣ они конечно не доказывали разнородствомъ своихъ преимуществъ, и нѣтъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, что многіе роды Галловъ наравнѣ со Франками вошли въ благородное сословіе. Самое воспріятіе Христіянской вѣры, которая уже была введена въ земляхъ ими покоренныхъ, много способствовало къ соединенію и смѣшенію обоихъ народовъ.

Въ Турецкой Имперіи ненавистное различіе между побѣдителями и побѣжденными продолжается во всей силѣ. Турки съ первобытною, бѣшеною привязанностію держатся нелѣпой вѣры своей, которая вселяетъ въ нихъ презрѣніе ко всѣмъ прочимъ исповѣданіямъ, и которая полагаетъ вѣчную преграду между христіянами и магометанами. И такъ въ Турецкой Имперіи народъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна по законамъ гражданскимъ и духовнымъ осуждена терпѣть притѣсненіе. Сей расколъ ослабляетъ силу государственную, и распространяетъ вредное дѣйствіе свое на всѣ учрежденія.

Хотя во всѣхъ западныхъ государствахъ побѣдители сначала вводили военное правленіе; однакожь въ послѣдствіи времени власть гражданская отдѣлена отъ военной, и каждая изъ сихъ частей устроена по особенному порядку. Въ Турецкомъ правленіи до сихъ поръ видѣнъ отпечатокъ военной власти, оставшійся на немъ со времени основанія Имперіи. Турки все еще предполагаютъ, что Дворъ Турецкой находится среди военнаго стана, и Султанъ на повелѣніяхъ своихъ подписываетъ: *дано при нашемъ Императорскомъ стремени.* Управленіе отдаленными областями поручается Пашамъ, которые отправляютъ должность военную,

и раздѣляютъ съ Султаномъ власть деспотическую. Они собираютъ съ подчиненныхъ народовъ подати для своего Государя, и, когда понадобится ему, набранными изъ провинцій своихъ людьми умножаютъ военную его силу; во всемъ прочемъ дѣйствуютъ самовластно, и даже не имѣютъ письменныхъ наставленій, которыми ограничивались бы ихъ поступки. Нѣтъ особливой части въ правительствѣ, которая имѣла бы главной надзоръ надъ управленіемъ областей, защищала бы права жителей, и направляла бы дѣйствія въ разныхъ провинціяхъ къ одной цѣли, къ цѣли общаго блага.

Военачальники, основавшіе и распространившіе Турецкую Имперію, поставивъ своихъ любимцовъ правителями областей, чтобы собирать подати съ покоренныхъ, не сочли за нужное ограничивать власти ихъ писанными законами и времянными опредѣленіями чиновниковъ гражданскихъ; но слѣдовали старинной пословицѣ: *обнаженный мечь запрещаетъ другому выходить изъ ноженъ.* Войско, извѣстное подъ названіемъ янычаръ, учреждено съ двоякимъ намѣреніемъ: вопервыхъ, чтобъ оно служило Султану въ полѣ противъ непріятелей; вовторыхъ, чтобы содержало въ повиновеніи чиновниковъ внутри государства. Но съ тѣхъ поръ, какъ янычарской корпусъ пришелъ въ

упадокъ, Султанъ лишился надежнаго способа удерживать Пашей отъ своевольства. Отъ того не рѣдко случается, а особливо въ областяхъ отдаленныхъ, что правители поступаютъ, какъ государи независимые, и когда Султанъ хочетъ показать имъ власть свою, поднимаютъ противъ него оружіе и отражаютъ силу силою.

Самовластіе Султаново нѣсколько ограничивается Кораномъ и *Улемою*, то есть собраніемъ законовѣдцовъ и духовныхъ особъ, которое состоитъ подъ вѣдомствомъ Первосвященника или Муфтія, и занимается истолкованіемъ законовъ Магометовыхъ. Когда Султанъ начинаетъ войну, или предпринимаетъ что-либо важное; въ такомъ случаѣ Улема заблаговременно сочиняетъ священный приговоръ (фетфа), въ которомъ доказывается, что воля Государя не противна Корану, и что самая вѣра одобряетъ оную. Но сіе собраніе такъ худо устроено, что не льзя навѣрное сказать, Султанова ли неограниченная власть, или содѣйствіе Улемы болѣе зла дѣлаетъ народу. Члены Улемы не приготовляются къ должности своей особливымъ воспитаніемъ, которое дазало бы имъ въ знаніяхъ отличныя преимущества передъ чернью. Въ нихъ та же лѣность, та же грубость, то же невѣжество, та же гордость, та же нетерпимость, тотъ же недостатокъ

въ здравомысліи, какія означены выше въ начертаніи общаго народнаго свойства.

Юноши, назначенные быть законовѣдцами или священниками, научившись читать въ *мектебѣ*, то есть въ низшей школѣ, для окончанія наукъ вступаютъ въ *медрессы*, или высшія училища, заводимыя обыкновенно при мечетяхъ. Въ сихъ медрессахъ есть профессоры, и учащимся даются разныя степени; не смотря на то, ихъ не льзя равнять ниже сельскимъ нашимъ школамъ, въ разсужденіи успѣховъ и наставленія. Профессоры, едва знакомые съ первыми началами наукъ, выпускаютъ молодыхъ людей изъ школъ точно въ такомъ состояніи, въ какомъ приняли ихъ; или же вмѣсто полезныхъ, спасительныхъ знаній, набиваютъ головы ихъ нелѣпыми бреднями. Богословіе и законоискуство, преподаваемыя въ *медрессахъ*, единственно состоятъ въ истолкованіи Корана. Въ Турціи священнослужители и судьи составляютъ одно званіе.

Члены Улемы и коварствомъ и происками дополняютъ недостатокъ въ знаніяхъ, приобрѣтаемыхъ ученіемъ. Улема обыкновенно раздѣляется на разныя партіи, изъ коихъ каждая старается упомянутыми средствами приобрѣсть большую силу передъ другими; случается, что всѣ онѣ противятся Султану

въ нѣкоторыхъ дѣлахъ; бываетъ также, что одна партія держитъ его сторону, а другая дѣйствуетъ противно. Всѣ члены вообще способствуютъ деспотическому самовластію правительства; а ежели когда и противятся ему, то дѣлаютъ сіе не по любви къ отечеству, но или для выгодъ личныхъ, или для выгодъ своего сословія, или же для выгодъ своей партіи.

Улема такъ рачительно бережетъ себя, что всѣми способами старается удержать Султана всякой разъ, когда онъ сбирается ѣхать изъ столицы; она боится, чтобы Султанъ не склонилъ войска на свою сторону, и не лишилъ бы ее независимости. Умершій Султанъ Мустафа хотѣлъ самъ лично начальствовать въ войскѣ; но по неволѣ долженъ былъ отложить свое намѣреніе, боясь чтобы законоискусники не сдѣлали мятежа во время его отсутствія. Прежде, когда Султаны еще не потеряли воинственнаго духа, власть Улемы была не столько опасна. Амуратъ IV, разсердившись на одного Муфтія за упорство, приказалъ истолочь его въ большой иготи. Такая ужасная казнь опредѣлена Султаномъ будто бы для того, чтобъ не нарушить правъ Улемы; ибо члены ея изъемлются отъ наказаній, соединенныхъ съ пролитіемъ крови.

Члены Улемы пользуются еще и тѣмъ преимуществомъ, что имѣнїе ихъ по смерти достается не Султану, которой обыкновенно присвоиваетъ себѣ наслѣдство всѣхъ чиновниковъ, но оставшимся дѣтямъ. Однакожь Султанъ воленъ, взявъ члена изъ Улемы, опредѣлить его въ свою службу, сдѣлать его своимъ *колсомъ*, или невольникомъ, и получить право на его имѣнїе. Муфтїй возводится Султаномъ въ сїе достоинство.

Власть Султана ограничивается еще государственнымъ Совѣтомъ, или Диваномъ, которой составленъ изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ, членовъ Улемы и первыхъ министровъ. Правительство не можетъ предпринять ничего важнаго, пока дѣло не разсмотрится въ Диванѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ самъ Султанъ или Верховный Визирь его, и гдѣ большинство голосовъ рѣшитъ всякое предложенїе. Сей Совѣтъ государственный обыкновенно управляется или стороною Султану преданною, или сообщниками Улемы; члены его, въ разсужденїи свѣдѣнїй и здравомыслїя, не въ чемъ не превосходятъ членовъ Улемы.

Не дарованїя, которыя вообще весьма рѣдки между Турками, но или особая милость, или происки и ласкательство от

крываютъ дорогу къ первымъ мѣстамъ въ министерствѣ. Великій Визирь Юсуфъ, бывшій главнымъ начальникомъ Турецкаго войска въ 1790 году во время войны противъ Императора Іосифа, сперва продавалъ мыло, которое носилъ на головѣ въ коробѣ по улицамъ Константинопольскимъ; потомъ у Капудана-Паши былъ слугою.

Въ Перѣ есть такъ называемой Галата-Сарай, гдѣ молодые люди воспитываются для службы Султанской, и откуда опредѣляются къ должностямъ, смотря по способностямъ каждаго; но сіе мѣсто находится нынѣ, какъ извѣстно, въ такомъ худомъ состояніи, что кромѣ придворныхъ служителей весьма немногіе посылаютъ туда дѣтей своихъ, потому что тамъ очень мало заботятся о воспитаніи. Притомъ же и не бывши въ семъ училищѣ, посредствомъ происковъ и подарковъ можно получить себѣ мѣсто въ серали.

Различіе между Турецкими подданными правовѣрными и невѣрными сколько само по себѣ ненавистно, столько вредно для государственнаго хозяйства. Природные Турки платятъ очень мало; вся тяжесть податей лежитъ на Грекахъ и другихъ подданныхъ немагометанской вѣры.

Доходы Порты раздѣляются на двѣ главныя части: одна составляетъ казну государственную, другая собственно принадлежитъ Султану. Государственной доходъ простирается до *сорока пяти* милліоновъ піастровъ, или *двадцати семи* милліоновъ талеровъ; въ семъ количествѣ двадцать милліоновъ собираются съ людей немагометанской вѣры; а двадцать пять милліоновъ нарастаетъ отъ пошлинъ и поборовъ, платимыхъ Турками и другими подданными, съ тою только розницею, что первые взносятъ очень маловажную сумму.

Злоупотребленія при сборѣ податей, а особливо съ христіянъ, столько же вредны для государственнаго хозяйства, какъ и неравенство налоговъ. Нѣкоторые сборы съ городовъ и областей отдаются на откупъ частнымъ людямъ, которые чрезъ происки и подарки торгуютъ симъ ненавистнымъ способомъ, и за одно съ корыстолюбивыми Пашами бѣдныхъ Грековъ, Евреевъ и другихъ доводятъ до нищенскаго состоянія.

Собственная казна Султанская получаетъ доходы свои отъ продажи общественныхъ должностей, отъ присвоенія наслѣдства послѣ умершихъ государственныхъ чиновниковъ, также имѣнія подпадшихъ немилости и лишенныхъ жизни. Хотя доходы

сїи весьма велики, и даже превосходятъ сумму государственныхъ; однакожь изъ нихъ ничего не откладывается для пользы государства; напротивъ того для жалованья чиновникамъ сераля и евнухамъ, также для издержекъ на Султанскую поварню и конюшню, отпускаются деньги изъ государственнаго казначейства. Собственной доходъ Султана, получаемоей наличными деньгами, дорогими камнями и вещами, сберегается въ серали; ибо каждой Султанъ вмѣняетъ себѣ въ честь, когда преемнику оставляетъ болѣе сокровищь, нежели сколько самъ нашелъ при своемъ вступленїи на престолъ.

Количество доходовъ, собираемыхъ въ Турцїи, въ разсужденїи плодородности и пространства областей, весьма невелико; однакожь Турецкїя распоряженїя не только не содѣйствуютъ приращенїю оныхъ, но еще какъ будто нарочно пресѣкаютъ къ тому всѣ способы. Съ одной стороны малые поборы питаютъ праздность и безпечность въ Туркахъ; съ другой чрезмѣрное отягощенїе изнуряетъ Христїянъ, то есть трудолюбивѣйшую и дѣятельнѣйшую половину подданныхъ: такимъ образомъ обильнѣйшїй источникъ государственнаго богатства изсякаетъ.

Увеличенїе мертваго капитала въ серали, возрастающаго отъ присвоенїя наслѣдствъ

и описываемыхъ имѣнїй, дѣлаетъ затруднительность въ оборотѣ денегъ, слѣдственно истощаетъ средства къ обогащенїю Имперїи. По мѣрѣ приращенїя Султанскихъ сокровищъ возрастаютъ долги государственные.

Въ прочихъ земляхъ Европейскихъ большая часть доходовъ употребляется на содержанїе силъ военныхъ; напротивъ того въ Турцїи на войско отпускается только половина дохода государственнаго, слѣдственно одна четверть полнаго дохода короннаго. Сполъ слабая подпора военной силы есть одна изъ многихъ, содѣйствующихъ нынѣшней слабости Имперїи.

Не смотря на то что положенїе Турцїи весьма благопрїятствуетъ устроенїю великой морской силы, сїя морская въ ней такъ маловажна, что изъ большихъ флотовъ въ войну противъ Россїи ни одинъ не имѣлъ двадцати кораблей линейныхъ. Притомъ же флоты сїи, не будучи снабдѣны людьми и безъ искусныхъ кормчихъ, не посмѣютъ вступить въ дѣло ниже съ десятью Англїйскими кораблями; иначе, онѣ погибли бы неминуемо.

Двѣ главныя части Турецкой сухопутной силы состоятъ изъ янычаръ и заимовъ, или тимарїотовъ. Послѣднїе во всемъ сход-

ствуютъ съ февдальными или помѣщичьими войсками, каковы были въ употребленіи у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, основавшихъ государства на развалинахъ Римской имперіи, до учрежденія непремѣннаго войска. Тогда государи давали подданнымъ помѣстья во владѣніе съ тѣмъ, чтобы они во время войны являлись на службу. Тоже самое дѣлается и въ Турціи. Янычары, которые прежде были ужасомъ для всѣхъ Турецкихъ непріятелей, нынѣ совершенно ослабѣли, лишились прежняго мужества, и какъ своевольныя толпы, сдѣлались безполезною тягостію для Турецкой Имперіи.

Этонъ полагаетъ, что число февдальныхъ войскъ простирается до 132,000 человѣкъ, а янычаръ до 113,400. Въ одной книгѣ, вышедшей въ свѣтъ подъ названіемъ *Историческія и политическія ризсужденія объ Оттоманской Имперіи* (*), написано, что число первыхъ нынѣ простирается только до 25,000, а другихъ до 67,622 человѣкъ, и прибавлено замѣчаніе, что число тимаріотовъ, по причинѣ разныхъ притѣсненій, въ продолженіи ста лѣтъ весьма уменьшилось, и что янычары, по всей Имперіи разсыпанные, менѣе всего думаютъ о военныхъ упражне-

(*) Reflexions historiques et politiques sur l'empire Ottomane par L. D. Paris. 1802.

ніяхъ. Сочинитель упомянутой книги представляетъ Турцію еще въ печальнѣйшемъ видѣ, вопреки многимъ другимъ Французскимъ писателямъ, которые изображаютъ государство сіе свѣтлыми, пріятными красками. Правда и то, что ему не было надобности хвалить Турецкое правительство; ибо онъ писалъ въ то время, когда нынѣшній Императоръ Французовъ воевалъ противъ Турковъ.

Кромѣ янычаръ и тимаріотовъ есть еще войска, всегда готовыя къ службѣ, а именно около 10,000 человѣкъ артиллеристовъ и столько же спаговъ — такъ называется корпусъ конницы, получающей жалованье; сюда же причислять должно великое множество людей, сопутствующихъ войску, но не участвующихъ въ сраженіяхъ.

Султанъ, имѣя подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ всѣ ополченія, находящіяся, какъ сказано, весьма въ худомъ состояніи, въ военное время приказываетъ Пашамъ приводить изъ внутреннихъ областей готовыя войска, или на скоро составленныя изъ новобранцовъ. Однакожь, по причинѣ худаго состоянія войскъ, содержимыхъ на жалованьѣ, Паши не всегда въ точности выполняютъ Султанскія повелѣнія, и помощь, требуемая отъ нихъ, по большей части бываетъ весьма ненадежна.

Многїе Паши совершенно сбросили съ себя иго подчиненности Султану, и никогда не приводятъ войскъ по его приказанїю. Другїе, вмѣсто того чтобъ помогать своему Государю, поднимаютъ противъ него оружїе, и Султанъ часто имѣетъ нужду въ помощи вѣрныхъ Пашей для усмиренїя непокорныхъ.

Багдадской Паша давно уже поступаетъ какъ владѣлецъ независимый. Онъ имѣетъ при себѣ многочисленное войско, и не думаетъ присылать Портѣ собираемыхъ податей, извиняясь тѣмъ, что деньги употребляетъ на содержанїе армїи, которая, какъ онъ говоритъ, нужна для обороны Имперїи отъ нападенїя Персовъ и Аравитянъ. Когда Султанъ приказываетъ сему Пашѣ привести войско въ помощь, по случаю войны съ какимъ-либо государствомъ; онъ отвѣчаетъ, что войско ему самому надобно для отраженїя Персовъ и Аравитянъ. Паша Акрскїй съ нѣкотораго времени слѣдуетъ примѣру Багдадскаго. Извѣстно всѣмъ, какъ слабы Султановы ополченїя въ Египтѣ, Аравїи и Сирїи, и какъ ненадежны для Турцїи Молдавїя и Валлахїя уже съ давняго времени. Морея, Албанїя, Эпиръ, Скутари, Боснїя и другїя области представляютъ позорища опасныхъ возмущенїй. Сербы явно возстали противъ Султана, и Порта, не бывши затрудняема никакою войною съ чужестранными государ-

ствами, до сихъ еще поръ не можетъ усмирить недовольныхъ.

Сими замѣчаніями о нынѣшнемъ худомъ состояніи Турецкихъ силъ военныхъ объясняются причины, почему Турки въ послѣднія времена такъ часто были поражаемы; но сіи замѣчанія служатъ также доказательствомъ, что писатели, говорившіе о войскахъ Турецкихъ съ крайнимъ презрѣніемъ, удалялись отъ истины. Побѣды, одержанныя Россіянами въ обѣ послѣднія войны, и походы Наполеоновы въ Египтѣ и Сиріи, совершенно удостовѣрили всѣхъ, что Турція ни для какой значительной державы неопасна.

3. Замѣчанія, которыми объясняется противуположность нынѣшняго состоянія Турецкой Имперіи съ прежнимъ.

Какъ дикая орда Татарская, Турки высыпались изъ Скиѳскихъ жилищъ своихъ; сперва остановились въ Арменіи, потомъ овладѣли Персіею; около 1200 года по Р. Х. оставили они землю сію для другихъ племенъ Татарскихъ, и въ Караманіи, въ малой Азіи, въ которой уже распространили свои завоеванія, утвердили свое господство. Въ четырнадцатомъ и двухъ послѣдовавшихъ столѣтіяхъ покорили они всѣ области Калифовъ, уничтожили Греческую Монархію, овладѣли Македоніею, Греціею, Пелопоне-

сомъ, Сиріею и Египтомъ; не только побѣдами своими разширили концы владѣній до того пространства, въ которомъ нынѣ вмѣщается Турецкая Имперія; но простерли силу оружія своего, опустошенія и даже завоеванія до Италіи, Венгріи, Седмиградской Области, Австріи, Польши, Россіи и Персіи. Та самая Турція, которая нѣкогда была страшною державою и гремѣла побѣдами, нынѣ до того дошла, что одна дивизія войскъ Россійскихъ или Французскихъ въ короткое время можетъ разрушить ее до основанія. Отъ чего случилась такая перемѣна въ состояніи Турецкой Имперіи? Отъ чего произошла такая слабость при одномъ и томъ же государственномъ устройствѣ, какое Турки имѣли въ самомъ началѣ славнаго своего теченія, и при большей обширности земель, нежели какими владѣли они, когда начали быть страшными для вселенной?

Турки отличались только военными качествами, и болѣе ни чѣмъ; художества и науки, способность ощущать нѣжныя удовольствія жизни общественной, чистая любовь къ человѣчеству остались для нихъ неизвѣстными; дикая грубость, изувѣрство, гордость, презрѣніе ко всѣмъ другимъ народамъ, нетерпимость, склонность ко звѣрской жестокости составляли основу нравовъ ихъ, къ которымъ привито было геройское

мужество, всему народу свойственное, и нѣкоторыя добрыя качества, доставшїяся въ удѣлъ немногимъ ихъ однородцамъ.

Изъ Скиѳскихъ жилищь своихъ они принесли съ собою духъ воинственный, подкрѣпляли его всегдашними сраженїями до тѣхъ поръ, пока изъ новой Имперїи, въ малой Азїи основанной, обратили оружїе на сосѣдственныя государства Европейскїя и Азїйскїя. Удивительной порядокъ, введенной ими въ войскѣ прежде другихъ народовъ, одержанныя побѣды и другїя благопрїятствующїя обстоятельства еще болѣе возбуждали въ нихъ духъ воинственный, и содѣйствовали удачному исполненїю предпрїятїй. Такимъ образомъ Турки распространяли владѣнїя свои, пока наконецъ сдѣлали Константинополь столицею Имперїи обширнѣйшей и сильнѣйшей всѣхъ тогдашнихъ государствъ Европы.

Государство, управляемое военными законами — государство, которому дано военное уложенїе (здѣсь приемлется слово сїе въ тѣснѣйшемъ знаменованїи), и котораго силы дѣйствуютъ единственно для приобрѣтенїя новыхъ земель, для покоренїя областей — питаетъ въ себѣ зародышь собственнаго упадка. Особливыя обстоятельства ускорили зрѣлость сего зародыша въ Турцїи;

и такъ неудивительно, что столь сильная Имперія еще во цвѣтѣ юности своей ослабѣла и клонится къ разрушенію.

Когда всѣ новыя государства, составившіяся изъ развалинъ западной Римской имперіи, ослабѣли; когда страдали подъ бичемъ безначалія по причинѣ испортившейся ленной системы; когда короли должны были выпрашивать войска у сильныхъ своихъ васалловъ; когда еще не были учреждены постоянныя войска, съ помощію коихъ государи послѣ нашли средство усмирить высокомѣрныхъ васалловъ, утвердить и распространить собственную власть свою, и сдѣлаться страшными въ полѣ: тогда уже одинъ изъ Турецкихъ Султановъ, въ качествѣ главныхъ военныхъ начальниковъ, неограниченно управляющихъ Имперіею, завелъ такое войско, составивъ корпусъ янычаровъ. Муратъ I взялъ пятаго человѣка изъ всѣхъ молодыхъ подданныхъ своихъ христіянскаго исповѣданія, имѣющихъ болѣе пятьнадцати лѣтъ. Сіи юноши долгое время были наставляемы въ магометанскомъ законѣ, приучаемы къ строгому порядку, къ перенесенію нужды, къ военнымъ упражненіямъ и кровопролитію; потомъ ихъ приняли въ *іенъ - аскары* (янычары), то есть новыя войска. Они не только утвердили власть Султана, не только заставили вельможъ быть ему покорными безъ малѣйшаго противурѣчія, не такъ какъ

въ западныхъ земляхъ васаллы поступали съ законными своими государями: но дали Туркамъ рѣшительный перевѣсъ на войнахъ противъ другихъ государствъ.

Побѣда ободряетъ духъ, укрѣпляетъ дѣйствующую силу, и преподаетъ наставленіе для одержанія другихъ побѣдъ; завоеванія умножаютъ количество пособій; слава, предыдущая побѣдоносному войску, вселяетъ ужасъ въ непріятеляхъ, и ослабляетъ въ нихъ охоту сопротивляться. Исторія показываетъ, что не одинъ народъ, удачно начавши военное поприще свое, стремился отъ побѣды къ побѣдѣ, и наконецъ распространилъ далеко свои владѣнія. Точно тоже случилось и съ Турками.

Были еще другія пружины, которыя приводили въ движеніе Турецкую храбрость, и споспѣшествовали удачамъ сего народа. Вѣрованіе въ непреложность судьбы помогало ему отважно вдаваться во всѣ опасности.

Другое ученіе вѣры — а именно, что гоненіе на невѣрныхъ и истребленіе враговъ Магометовыхъ вмѣняется въ заслугу, за которую воздано будетъ въ другой жизни — питало усердіе въ Туркахъ, и воспламеняло въ нихъ ярость противъ христіянъ. Врожденная свирѣпость, подкрѣпляемая ученіемъ вѣры, заставляла ихъ поступать съ побѣжденными такъ жестоко, что непріятели не

столько страшились мужества ихъ, сколько безчеловѣчія.

(*Окончаніе сообщено будетъ, когда получится Нѣмецкій подлинникъ.*)

II.

Выписка изъ Берлинскихъ писемъ.

Отъ 1 числа до 17 Октября (1806) весь Берлинъ находился въ мучительномъ ожиданіи будущаго. Всѣ трактиры и кофейные домы наполнены были политиками разныхъ званій; ни о чемъ болѣе не говорили, кромѣ военныхъ происшествій; розныя стороны спорили такъ жарко, что даже между просвѣщенными людьми дѣло до кулаковъ доходило; наконецъ почитатели Французовъ не смѣли шумѣть — молчали и пожимали плечами.

Мнѣнія жителей Берлинскихъ наиболѣе обнаруживались въ театрѣ; съ крайнею нетерпѣливостію ожидали первыхъ извѣстій о побѣдахъ надъ непріятелемъ. Боялись, чтобы Король не заключилъ мира, не начавши военныхъ дѣйствій. Думаю, что наши сограждане ясно показали бы негодованіе свое, когдабъ Е. В. возвратился въ столицу не давши сраженія. Въ театрѣ только и представляли что *Станъ Валленштейна*, да *По-*

литературнаго Оловянишника. Первое изъ сихъ сочиненій тѣмъ болѣе нравилось, что случай былъ пѣть военную пѣсню: die Trommel ruft, die Fahne weht etc. (Зоветъ труба, развѣвающися знамена). Въ другомъ казалось весьма важнымъ прибавленіе Унцельмана: „Карша Германіи разорвалась; однакожь найдется человѣкъ, которой склеитъ ее.“ Каждой разъ громы рукоплесканій раздавались.

Послѣ десятикратнаго представленія *Оловянишника*, Унцельманъ, пользуясь расположеніемъ умовъ, торжественно прочиталъ воззваніе къ патріотизму Прусаковъ, и заключилъ пѣснію: „Heil dir im Siegerkranz etc. (Благо тебѣ въ вѣнцѣ побѣды); зрители ревѣли съ нимъ изо всей мочи. Надобно знать, что онъ дѣйствовалъ въ театральномъ нарядѣ, по приличію лица имъ представляемаго, а именно въ зеленомъ спальномъ халатѣ и въ колпакѣ. Можно ли лучше подшутить на счетъ патріотизма Берлинскихъ жителей? — Но они этого были достойны. Магистратъ по предложенію Кабинетнаго Совѣтника Бейма открылъ подписку для собранія денегъ на епанчи для Берлинскаго гарнизона; Министерство, Совѣтъ, главная Директорія и Курфиршеская камера, досадуя что это не черезъ нихъ сдѣлано, не одобрили подписки, — и Берлинскіе жители, которые такъ много кричали о патріотизмѣ, за бутылкою вина поражали на словахъ

Французовъ, безъ милосердія били въ ладоши во время представленія *Оловянишника*, жители, говорю, Берлинскіе вмѣсто 70,000 талеровъ представили только 6000.

Другое доказательство патріотизма ихъ не менѣе достойно вниманія. Когда предложено было гражданамъ занять караулы; всѣ подняли страшной вопль, и наняли за себя нищихъ, одѣтыхъ въ бѣдныя рубища. Чрезъ то уничтоженъ порядокъ во внутреннемъ устройствѣ.

Всѣ Берлинскіе журналисты затрубили въ одинъ голосъ о патріотизмѣ, и начали войну противъ издателей листковъ Парижскихъ. Всѣ загремѣли противъ *люблиста*, которой осмѣлился предсказать паденіе Прусской монархіи.

Когда пришло извѣстіе о разбитіи Прусскаго войска; всѣ вдругъ поражены стали уныніемъ и ужасомъ, всѣ начали помышлять о бѣгствѣ. Берлинъ походилъ на улей, въ которомъ пчелы роятся. Богатые и знатные люди, государственные чиновники, капиталисты, дворяне со всевозможною поспѣшностію повезли сокровища свои въ Штеттинъ, Кистринъ, Шлезію. Патріотическіе писатели также постарались убраться. Наконецъ дошло до того, что не было въ Берлинѣ ни одной лошади, ни одного осла. Оставшіеся граждане полагали навѣрное, что Французы, которые 17 Октября дра-

лись еще при Галле, 18 числа вступятъ въ Берлинъ. Ожидали всѣхъ военныхъ бѣдствій, грабежей, пожаровъ; Берлинскія госпожи заблаговременно оплакивали свою непорочность; а мужья ихъ думали, что это еще не великая бѣда, лишь только бы ничего другаго не случилось. Напротивъ того продажныя красавицы, отъ перваго разбора до послѣдняго, ожидали золотаго для себя вѣка, которой однакожь не наставалъ для нихъ и по вступленіи Французовъ.

Новое правительство вмѣстѣ съ магистратскими чинами учредило гражданскую гвардію; охраненіе города ввѣрено черни, ибо каждому дозволено было нанять человѣка вмѣсто себя. Другое распоряженіе состояло въ томъ, что собрали милліонъ талеровъ для угощенія Французовъ завтракомъ. „Богатые разбѣжались; пришлось намъ платить деньги!“ говорили Берлинскіе жители. Третье распоряженіе сдѣлано по поводу именнаго повелѣнія, даннаго совѣту государственному скоро послѣ сраженія. Въ немъ написано было: „Войско „мое разбито во всѣхъ пунктахъ; но какъ „я уже вступилъ въ переговоры, которые „вѣроятно скоро будутъ окончаны; то не„пріятель не займетъ Берлина.“ — Къ Наполеону отправлено посольство, чтобы договориться о военной подати, хотя бы Французы и не посѣтили Берлина. Сказать правду, начальники города не пропустили

ни одного случая угождать непріятелю. Другимъ депутатамъ, посланнымъ для встрѣчи Французовъ съ прозьбою о пощадѣ города, Наполеонъ сказалъ: „Вы желали „войны, и получили желаемое; не смотря „на то, увѣрьте жителей Берлинскихъ въ „моемъ покровительствѣ: граждане и имѣ„ніе ихъ будутъ въ безопасности.“

Всѣ королевскія драгоцѣнности, вся денежная казна, банкъ и страховыя суммы отосланы въ Штеттинъ и Кистринъ, гдѣ едва было не достались въ руки непріятелю, которой однакожь успѣлъ захватить отправленныя изъ Берлина ружья, потому что Военная Коллегія три дни разсуждала: „должно ли прибавить по одному грошу на сто противъ обыкновенной цѣны за провозъ, или не должно?“

Наступилъ 24 день Октября, день достопамятнѣйшій въ лѣтописяхъ здѣшней столицы. Въ одиннадцать часовъ я шелъ по Фидриховой улицѣ въ трактиръ завтракать. Вдругъ поднялся шумъ. Одинъ человѣкъ прибѣжавъ изо всей мочи закричалъ: „Они идутъ! уже близко!“ — Гдѣ они? — спрашивали всѣ, тутъ бывшіе. — „Идутъ сюда черезъ Брандебургскія ворота!“ — Всѣ побѣжали къ воротамъ. Я слышалъ, какъ одинъ королевской служитель утѣшалъ народъ, говоря простымъ нарѣчіемъ: „Братцы! пустое, не вѣрьте! Французы не придутъ! Король,

по разбитіи войска его, писалъ, что Французы не пойдутъ за Эльбу!" Надъ бѣднякомъ посмѣялись. Когда часъ отъ часу казалось достовѣрнѣе, что Французы приближаются; у насъ начали говорить о планахъ, о способахъ остановить непріятеля. Говорили, и — ничего не дѣлали.

Это Русскіе! это Русскіе! — кричалъ народъ, обманутый зелеными мундирами и пронесшимся слухомъ, будто Русскіе высажены въ Штеттинѣ; однакожъ гости сіи были Французы, — человѣкъ сто егерей, гусаръ, конныхъ артиллеристовъ и жандармовъ, которые по Липовой улицѣ, среди многочисленной толпы народной, ѣхали къ ратушѣ. Идучи поспѣшно домой я повстрѣчался съ 9 гусарскимъ полкомъ, которой при звукѣ трубъ шелъ отъ воротъ Потсдамскихъ; послѣ обѣда вступили въ городъ 1, 2 и 12 полки конноегерскіе; въ тоже время подоспѣвшій корпусъ Маршала Даву расположился лагеремъ передъ Галльскими воротами. Тутъ обнаружилось удивительное легкомысліе жителей Берлинскихъ. Любопытство одержало верхъ надъ страхомъ, и жители въ вечеру толпами побѣжали во Французской лагерь, гдѣ ничего непріятнаго не случилось съ ними, кромѣ что нѣкоторые солдаты цѣловали женщинъ и дѣвокъ.

Октября 25 Маршалъ Даву повелъ свой корпусъ черезъ городъ. Магистратъ и депу-

таты, выбранные изъ лучшихъ гражданъ, ожидали его у Потсдамскихъ воротъ; они сказали ему привѣтствіе и подали ключи городскіе; Маршалъ отвѣчалъ вѣжливо; отдалъ обратно ключи, съ тѣмъ чтобъ поднесли ихъ Императору, которой скоро пріѣдетъ. „Оказывайте почтеніе и преданность Французамъ — прибавилъ Даву — не нарушая вѣрности къ вашему Государю!“

Октября 27 въ четыре часа послѣ полудня при пушечномъ громѣ въѣхалъ Императоръ изъ Шарлотенбурга въ столицу, окруженный Княземъ *Невшательскимъ* (Бертье), Маршалами Даву, *Ожеро*, *Лефевромъ* и *Бессьеромъ*, Оберъ-Маршаломъ двора, и Оберъ-Шталмейстеромъ; за нимъ слѣдовали Адъютанты его и гвардія. . . . .

Народъ съ крайнимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Наполеона. Ростомъ онъ не великъ; съ нѣкотораго времени оказалась въ немъ дородность. Оливковой цвѣтъ и сухія на лицѣ мышицы даютъ ему какую-то мрачную наружность. Не льзя назвать огненными черноватые глаза его: однакожь взоры его быстры и проницательны. Нѣтъ въ нихъ пріятности; но есть сила, и если кто не испугается при первомъ взглядѣ Наполеоновомъ, то такого человѣка можно назвать неустрашимымъ. Лице его довольно складно и важно; глаза безпрестанно движутся, и показываютъ всегдашнюю дѣя-

тельность духа. Очень рѣдко на лицѣ его появляется улыбка, и сія улыбка такого рода, что никто видя ее не осмѣлится сдѣлать тоже; она походитъ на молнію, коей стрѣлы не возбуждаютъ веселія. Я видѣлъ сію улыбку на лицѣ Наполеона, когда при въѣздѣ его въ городъ восклицанія солдатъ (Vive l'Empereur!) смѣшались съ кликами немногихъ Берлинскихъ жителей — сказываютъ, молодыхъ людей. Наружной видъ весьма выразителенъ, и потому искусной художникъ всегда можетъ удачно написать его. Всѣ портреты живописные и на мѣди вырѣзанные, здѣсь дѣланные, вообще очень похожи. Возвращаюсь къ своей повѣсти.

У Брандебургскихъ воротъ приняли Наполеона оставшіеся здѣсь Королевскіе Министры, первые гражданскіе чиновники, корпусъ молодыхъ волонтеровъ конныхъ и нѣкоторое число отборныхъ гражданъ. По сторонамъ улицъ стояли войска (которыя весьма исправно кричали: *да здравствуетъ Императоръ!*) до самаго дворца, гдѣ таже приворотная депутація опять явилась, и притомъ гораздо скорѣе обыкновеннаго. Наполеонъ, поблагодаривъ ее однимъ взглядомъ и легкою уклонкою, пошелъ въ приготовленныя для себя комнаты.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Когда сильные иноплеменники, подобно быстрому всепоглощающему потоку, стремились къ предѣламъ нашимъ; когда оружіе ихъ, одолѣвши всѣ препоны, угрожало Россіи опасностію; когда мудрецы иноземные — разсуждая о произшествіяхъ по своему чувству, по своимъ опытамъ — съ завистливою радостію дерзновенно предназначали день, въ которой Петрова Столица увидитъ въ стѣнахъ своихъ грознаго завоевателя: тогда вѣрные Россіяне, по единому мановенію АЛЕКСАНДРА, несли къ жертвеннику отечества жизнь свою, силы, способности, опытность, имущество, — и доказали свѣту, что безчисленныя ополченія непріятельскія не страшны для Государства, въ которомъ Вѣнчанная Любовь счастливитъ благодарныхъ подданныхъ. — Каждому честному гражданину предписываетъ священный долгъ по мѣрѣ силъ его съ покорною готовностію споспѣшествовать общему благу; но тотъ же долгъ велитъ удерживать стремительныя усилія, когда мудрое правительство, при новыхъ обстоятельствахъ, находитъ ихъ ненужными. — Сладки плоды мира, купленнаго геройскими подвигами! Франція, страшная для всѣхъ прочихъ державъ, отдаетъ должное уваженіе достоин-

ству и величїю Россїи; предѣлы отечества обезопасены новымъ приращенїемъ; нѣкоторыя области Нѣмецкихъ Князей (*) отдаются обратно прежнимъ владѣтелямъ: статьи мирнаго договора откроютъ прочее, до нынѣ еще неизвѣстное.

Увѣряютъ, что 30,000 человѣкъ Англїйскихъ высадныхъ войскъ точно привезено къ берегамъ Балтїйскаго моря. Мѣсяца за три передъ симъ онѣ очень пригодились бы; а теперь кажется уже нѣсколько поздно.... Однакожь извѣстно, что Е. В. Король Шведскїй не одобрилъ перемирїя; а теперь прибавляютъ еще, что онъ съ войскомъ своимъ выступилъ изъ Стралзунда въ Францбургъ.

Сиръ Сидней Смитъ привезъ съ собою въ Лондонъ весьма непрїятныя извѣстїя о войскахъ, вышедшихъ на твердую землю въ Египтѣ. Двутысячной отрядъ Англичанъ посланъ былъ изъ Александрїи для овладѣнїя Розеттою; онъ вошелъ въ сей городъ безъ малѣйшаго сопротивленїя, и почиталъ уже Розетту своею добычею; но Турки, засѣвши въ домахъ, стали палить по Англичанамъ такъ мѣтко, что сїи принуждены

(*) Е. С. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинъ уже прибылъ въ свою область, и принятъ народомъ съ громкими восклицанїями.

были идти обратно. Турки и Албанцы погнались за ними въ превосходномъ числѣ. Отрядъ Англичанъ отступилъ въ Александрїю, потерявъ 1,100 (а другїе сказываютъ 1,400) человѣкъ и своего Генерала. О семъ напечатано въ министерскихъ Вѣдомостяхъ, и упомянуто, что помощь, изъ Сицилїи ожидаеая, какъ можно надѣяться, поправитъ дѣла въ Египтѣ. Но Сицилїя теперь едва ли не большую нужду имѣетъ въ помощи, нежели Египетъ; ибо храбрый Князь Гессенъ-Филипсшальскїй, славный защищенїемъ Гаэтской крѣпости, разбитъ Французскимъ Генераломъ Ренье въ Неаполитанскомъ королевствѣ, потерявъ почти все войско, изъ 7000 человѣкъ состоявшее. Онъ самъ едва могъ спасшись съ 50 конными солдатами и своими служителями. Упомянутый Князь имѣлъ тайныя сношенїя съ жителями Неаполя и Калабрїи, и надѣялся на предположенный заговоръ, въ которомъ участвовали знатнѣйшїя особы, и о которомъ удалось Французамъ узнать заблаговременно.

Султанъ Селимъ III сверженъ съ престола. Случай, за которымъ послѣдовала сїя перемѣна, сперва не обѣщалъ ничего важнаго. Мая 25 числа въ Кавдакскомъ замкѣ, что на Азїйской сторонѣ Босфора, началась ссора между янычарами и солдатами, образованными по Европейски. Янычары одержали верхъ и убили Магомета Эффендїя, кото-

рой имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ новыя укрѣпленія. Дерзкіе мятежники сіи, ободренные успѣхомъ, 26 числа явились въ Константинополѣ. Султанъ, опасаясь слѣдствій, послалъ сказать янычарамъ, что онъ прощаетъ ихъ — хотя они и не просили о такой милости — и дозволяетъ имъ оставаться подъ начальствомъ одного Албанца, котораго они сдѣлали своимъ предводителемъ. Такая слабость правительства поселила въ мятежникахъ еще большую дерзость. Съ 28 числа пристали къ нимъ двѣ или три тысячи человѣкъ, которые, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, овладѣли арсеналами и казармами. Наконецъ, видя что могутъ на все отважиться, заставили Муфтія выдать фетфу о низложеніи Султана, вопервыхъ потому, что онъ, учреждивъ новыя военныя правила и тому подобное, нарушилъ магометанскіе законы; вовторыхъ, что въ семь лѣтъ не обезпечилъ Имперіи рожденіемъ наслѣдника. Изданная фетфа воспламенила умы въ Константинополѣ, и произвела всеобщее возмущеніе. Султанъ, чтобъ успокоить мятежниковъ, послалъ къ нимъ головы всѣхъ министровъ, которые имъ не нравились. Не смотря на такую странную угодливость, онъ принужденъ былъ сложить санъ свой 29 числа и отправиться въ старой сераль, откуда судьбѣ угодно было вызвать племянника его

Мустафу, сына АбдулЪ-Гамидова, и возвести на престолЪ Константинопольскій. По новѣйшимЪ извѣстіямЪ видно, что СултанЪ СелимЪ скончался вЪ своей темницѣ. — ТуркамЪ все идетЪ на бѣду. Вехабиты, послѣдователи извѣстнаго АбдулЪ-Вехаба, разорили Мекку до основанія. НачальникЪ ихЪ велѣлЪ сказать Дамасскому Пашѣ, что теперь уже некуда и не для чего ходить на поклоненіе.

*

Новое уложеніе на островѣ Гаити, о которомЪ писано вЪ послѣднемЪ нумерѣ Вѣстника, скоро уничтожено. СенатЪ выдалЪ другіе законы, и объявилЪ Христофа измѣнникомЪ и бездѣльникомЪ.

*

ВЪ Лисабонѣ 6 Іюня было весьма сильное землетрясеніе, продолжавшееся отЪ 8 до 12 секундЪ. Десять домовЪ разрушено, и во многихЪ стѣнахЪ церковныхЪ оказались трещины. ГоворятЪ, что еслибЪ землетрясеніе продолжалось еще десять минутЪ, то непремѣнно погибЪ бы весь городЪ.

*

ВЪ Лондонѣ открытЪ вЪ Маѣ мѣсяцѣ опасной заговорЪ. Правительство нашлось принужденнымЪ отдать подЪ стражу нѣкоторыхЪ знатныхЪ чужестранцовЪ. Одни изЪ нихЪ выпровожены за границу, другіе посажены вЪ тюрьму вЪ КолдбатЪ-ФильдѣЪ.

Между послѣдними находится одна госпожа весьма знатной породы, два Имперскихъ Графа, Шевалье Деблїень, Адьютантъ Генерала Дюмюрье, и книгопродавецъ Мартелли изъ Минхена. Сказываютъ даже, что и самъ Дюмюрье какъ-то замѣшанъ въ семъ дѣлѣ, и что сей Генералъ также былъ бы высланъ, еслибъ не вступился за него Герцогъ Йоркъ. Дюмюрье приводитъ теперь въ порядокъ записки Герцога.

*

Извѣстїя о заговорахъ, пораженїяхъ, низверженїи съ престола, заключимъ утѣшительною статьею. Недавно Папа съ великимъ торжествомъ причелъ къ сонму небесныхъ гражданъ пять человѣкъ, жившихъ въ здѣшнемъ грѣшномъ мїрѣ; даровалъ на нѣсколько лѣтъ полное отпущенїе во грѣхахъ и проч.

27 Іюля.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1807.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Домъ сумасшедшихъ.

Фридбергъ почти еще въ отроческихъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ въ столицѣ по своимъ дарованіямъ. Отецъ его, сельскій священникъ, самъ былъ первымъ, единственнымъ наставникомъ его, и потомъ не щадилъ никакихъ попеченій для усовершенствованія его способностей. Ни дальнее разстояніе, ни слабость лѣтъ не удержали сего почтеннаго старца отъ намѣренія проводить молодаго Фридберга въ городъ. — „Я увижу — сказалъ отецъ — я долженъ увидѣть, гдѣ онъ останется; долженъ въ послѣдній разъ явить ему любви моей опытъ, которой заставитъ его еще болѣе дорожить воспоминаніемъ о своемъ родителѣ. Нѣкогда онъ самъ будетъ отцомъ; воспоминая о любви родительской, будетъ любить дѣтей своихъ съ большею нѣжностію.“

По прибытіи въ городъ, они осмотрѣли разныя достопамятности. За день передъ обратнымъ отъѣздомъ старика, посѣтили домъ съумасшедшихъ. Явленія ужасныя, новыя для молодаго Фридберга, поразили его чрезвычайно; онъ еще никогда не видалъ человѣка въ столь бѣдственномъ, столь униженномъ состояніи. Болѣе всего тронула его пріятная наружность одного несчастнаго старика, которой словами и поступками своими походилъ на робенка, бывъ прежде весьма уважаемъ въ обществѣ за душевныя качества и отличныя заслуги. Надзиратель разсказывалъ, какимъ образомъ сей несчастный, отъ распутства дѣтей, потерялъ сперва имѣніе и честь, потомъ умъ и память. Старикъ, въ продолженіи разсказа, качалъ головою и улыбался, какъ будто подтверждая, что все это справедливо. — „Прежде бывали минуты — продолжалъ надзиратель — въ которыя онъ приходилъ въ себя, и обыкновенно просилъ Бога, чтобы взялъ его изъ здѣшняго свѣта; онъ просилъ объ этомъ такъ горестно, что даже я, привыкшій равнодушно смотрѣть на сихъ несчастныхъ, не могъ видя его не трогаться. Теперь онъ уже никогда не опамятывается; тоскуя о потерѣ своего разума, онъ наконецъ лишился его совершенно.“ — Старикъ и на сіи слова благосклонно кивнулъ головою въ знакъ согласія,

потомъ, какъ будто еще оставалось въ немъ нѣкоторое мрачное воспоминаніе, возвелъ печальной взоръ къ небу. —

Сынъ, идучи подлѣ отца, не говорилъ ни слова до самой квартиры. — „Великій Боже! — вскричалъ онъ: какъ ужасно лишиться разума! Имѣя способность ощущать и мыслить, никогда еще не испыталъ я сего ужаса, сего уничтоженія. Быть и не быть въ одно и тоже время! Въ полномъ цвѣтѣ жизни сдѣлаться дышущимъ трупомъ, движущеюся тѣнью души умершей! ибо какъ иначе назвать сихъ несчастныхъ? Ежели бытіе наше состоитъ въ чувствованіи, въ самопознаніи; то потеря сего чувствованія что есть иное, какъ не смерть, уничтоженіе? И какимъ образомъ поступаютъ съ ними! какъ будто изключенныхъ изъ общества живыхъ, запираютъ ихъ, погребаютъ! обходятся съ ними какъ съ безчувственными! Несчастной сидитъ и улыбается, между тѣмъ какъ передъ нимъ ходятъ и разсказываютъ о его страданіяхъ; такъ ходятъ мимо портрета человѣка умершаго, которой нѣкогда жилъ, и теперь тлѣетъ во гробѣ!“

Онъ молчалъ нѣсколько минутъ; прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, и сказалъ: „О жалкая судьба человѣчества!

страшно мыслить о томъ, чѣмъ я былъ и чѣмъ могу сдѣлаться."

И меня растрогало состоянїе бѣднаго старика — сказалъ отецъ: однакожь оно страшнѣе для воображенїя, нежели для чувства. Развѣ тотъ несчастенъ, кто не чувствуетъ своего несчастїя?

„О, конечно нѣтъ! равно какъ мертвый не боится смерти. — Но когда память и чувство не вовсе потеряны, когда онѣ возвращаются на время, когда бѣдной страдалецъ со слезами проситъ Бога прекратить жизнь его! когда, указывая на сухую вершину дерева, коего нижнїя вѣтви еще зеленѣютъ, горестно произноситъ: и оно, подобно мнѣ, умираетъ *съ верху*! . . . "

Успокойся, сынъ мой! — сказалъ священникъ. Тебѣ кажется, что чувство сихъ несчастныхъ не уступаетъ твоему ни въ силѣ ни въ ясности; нѣтъ, разстроенная душа ихъ не способна къ такимъ ощущенїямъ. А ежели бъ это и такъ было: врачь тогда только отчаевается, когда больной не чувствуетъ своихъ страданїй. Ощущенїе боли подаетъ надежду къ выздоровленїю.

„Надежду . . . . какую чувствуетъ ведомый на лобное мѣсто: слабый, мерцающїй лучь надежды! А страхъ, ей сопут-

ствующій! . . — Чувствовать всѣ силы свои въ изнеможеніи! имѣть разумъ только для того, чтобъ видѣть, какъ онъ исчезаетъ! видѣть, какъ исчезаетъ, какъ гаснетъ сія божественная искра, которая составляетъ наше достоинство, все наше блаженство! видѣть, что разумъ сей не только не приближается къ совершенству, но еще опускается ниже прежней точки, опускается къ ребячеству, ниже ребячества! О Боже! какъ мучительно видѣть это и чувствовать! А ежели еще сіе несчастіе постигаетъ человѣка, почти приближившагося къ вершинѣ; ежели онъ вдругъ видитъ разверзающуюся подъ собою пропасть; ежели чувствуетъ, что нога его скользитъ, и ничто уже не поддерживаетъ его: — о! я вижу теперь, вижу несчастнаго! — — Едва держится онъ рукою дрожащею; еще усиливается подняться — тщетно! собственная тягость влечетъ его въ бездну; несчастный труженикъ въ отчаяніи предается судьбѣ, и погибаетъ. — — Вы упомянули о слабомъ дѣйствіи памяти, и темномъ чувствѣ. Ничего не скажу о тѣхъ, которые въ съумасшествіи своемъ смирны, какъ невинныя дѣти; но гдѣ память, гдѣ чувство у тѣхъ злополучныхъ, которыхъ отягчаютъ цѣпями для укрощенія дикаго бѣшенства? Не уже ли и они, когда приходятъ въ себя" . . . .

Онъ опять замолчалъ. Отецъ грустилъ сидя, и думалъ о разлукѣ; размышлялъ о будущемъ отсутствіи, объ опасностяхъ, коимъ сынъ его подвергнется, о молодыхъ лѣтахъ его и о пылкомъ характерѣ; все сіе, съ тѣмъ что онъ недавно видѣлъ и слышалъ, наполняло сердце его печалію.

„Смерть называютъ ужаснѣйшимъ событіемъ! — опять началъ говорить молодой Фридбергъ: какое же дать названіе съумасшествію и бѣшенству, когда смерть почесть должно благодѣяніемъ въ сравненіи съ ними? — Въ самомъ дѣлѣ, что смерть? она есть непреложный жребій всѣхъ живущихъ въ здѣшнемъ мірѣ; она часто бываетъ потребна для насъ, для величія души нашей, для вѣчной нашей славы. Пускай живые, взирая на безчувственной трупъ мой и помышляя о своей кончинѣ, біютъ себя въ перси! между тѣмъ буду я спать сномъ вѣчнымъ, спокойнымъ.... О! какъ легка смерть сія въ сравненіи съ тою, которая вмѣсто состраданія возбуждаетъ въ душѣ тайное презрѣніе, гордое глумленіе надъ судьбою несчастнаго! какъ ужасно не быть въ силахъ внушить уваженіе къ нашему бѣдствію! какъ ужасно живому лежать во гробѣ, и видѣть постепенное уничтоженіе своего состава!“

Твоя кисть рисуетъ страшныя картины — сказалъ отецъ.

„Однакожь истинныя! — Тысяча видовъ человѣческой бѣдности представляется моему воображенію; но ни одно столько не страшитъ меня, ни одно такъ сильно не потрясаетъ всего моего состава . . . . “

Потому что на другія теперь смотришь безъ вниманія; потому что одинъ предметъ занимаетъ всю твою душу. Когда мы въ чемъ-либо одномъ принимаемъ великое участіе: тогда всѣ прочіе виды темнѣютъ и исчезаютъ, кромѣ одного, которой сильно поражаетъ насъ яркостію красокъ своихъ — пріятныхъ или ужасныхъ. Что, если назову тебѣ такое бѣдствіе, передъ которымъ самое съумасшествіе ничего не значитъ?

„Батюшка! лучше не сказывайте.“

Ужасы смерти кажутся тебѣ гораздо сноснѣе съумасшествія, потому что подверженные сему несчастію завидуютъ умершимъ; знай же, что есть еще большее бѣдствіе, въ сравненіи съ которымъ съумасшествіе можно назвать блаженствомъ. Если сомнѣваешься въ истинѣ словъ моихъ, обрати вниманіе на злодѣевъ, изрывшихъ пропасть для старика, отца своего, котораго состояніе такъ сильно растрогало тебя.

Когда они, рано или поздно, придутъ въ себя; когда увидятъ несчастїе, котораго они причиною, и котораго ни чѣмъ поправить не можно; когда почувствуютъ невозвратное ослабѣнїе силъ своихъ; когда, покрытые стыдомъ и проклятїемъ, гнушаясь жизнїю, не дерзнутъ помышлять о вѣчности, о семъ послѣднемъ утѣшенїи для несчастныхъ: скажи, пробужденїе ихъ не ужаснѣе ли того состоянїя, когда съумасшедшїй, отягченный цѣпями, на соломенномъ одрѣ своемъ приходитъ въ память? оной продолжительной, впрочемъ ужасной сонъ ихъ, не должно ли почесть блаженствомъ въ сравненїи съ пробужденїемъ сихъ несчастныхъ, — съ пробужденїемъ, котораго они боятся какъ зла нестерпимаго?

„Ваша правда, батюшка! Вы привели меня къ преддверїю ада!

Однакожь я слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ тебѣ возраженїе; ибо и сїе бѣдствїе не что есть иное, какъ тоже съумасшествїе. Разсмотри, на чемъ основаны собственныя твои должности. Что онѣ такое? законы ли своенравнаго властелина, которой находитъ выгоды свои въ томъ, чтобъ притѣснять тебя; затѣи ли злобнаго тиранна, которой ищетъ случая наказывать; или онѣ предписаны тебѣ для достиженїя цѣли

благородной, соотвѣтственной твоему высокому назначенію, твоей природѣ?

„Послѣднее, батюшка! мои должности суть необходимая потребность моего счастія. Самъ Творецъ перемѣнить ихъ можетъ не иначе, какъ уничтоживъ мою природу.“

Точно такъ! слѣдственно добродѣтель есть не что иное, какъ ясное, совершенное самопознаніе, чувствованіе самаго себя, своихъ силъ, своего назначенія, своихъ отношеній, — чувствованіе подтверждаемое поступками. А порокъ, противуположной добродѣтели, что есть иное, какъ не безчувственность, продолжительный мракъ души, которая иногда на одну минуту озаряется блескомъ яркимъ, но ужаснымъ? Посовѣтуйся со мнѣніемъ людей! разные виды порока, начиная отъ маловажныхъ шалостей до послѣдней степени дикаго неистовства, всѣ носятъ на себѣ имя сумасшествія. Съ бѣшеными обоихъ родовъ поступаютъ одинакимъ образомъ: ихъ запираютъ, отягчаютъ оковами, наказываютъ. Несчастные, у которыхъ еще не отнята свобода, походятъ на смирныхъ сумасшедшихъ; люди просвѣщенные оплакиваютъ ихъ бѣдствіе, а чернь надъ ними смѣется. Ты задумался, сынъ мой?

„Батюшка! вы показываете мнѣ порокъ съ такой стороны . . .“

Я этого и хотѣлъ. Я хотѣлъ, чтобы впечатлѣнія, которыя растрогали насъ, послужили въ пользу. Мы трепетали, взирая на сѣумасшедшихъ; но трепетъ сей какъ для нихъ, такъ и для насъ былъ безполезенъ; вся выгода наша состояла въ томъ, что мы испытали въ себѣ ощущеніе, свойственное человѣку. Однакожь скажи самъ, какого рода это ощущеніе? оно насильственно покоряетъ насъ, и стѣсняетъ нашу дѣятельность, такъ что едва ли не лучше было бы, когдабъ мы совсѣмъ не знали его. Напротивъ того здѣсь мы въ области свободы; здѣсь имѣемъ случай употребить въ дѣло свои силы. Мы ничего не можемъ сдѣлать противъ власти судьбы; но можемъ все противъ соблазнительныхъ сиренъ чувственности. Не станемъ же мучить себя страхомъ, не видя въ томъ никакой для себя выгоды; лучше сдѣлаемъ, ежели будемъ трепетать въ такомъ случаѣ, когда страхъ сей обѣщаетъ намъ пользу. Не думаешь ли, что порокъ не можетъ пугать насъ, по мѣрѣ того, сколько онъ страшенъ въ самомъ дѣлѣ?

„Батюшка! отъ несчастія порока можно остеречься. Мы не столько боимся днемъ, какъ ночью; не столько боимся явнаго врага, какъ тайнаго ўбійцы.“

Справедливо, очень справедливо! однакожь къ сему замѣчанію надобно прибавить

еще другое: что уменьшаетъ страхъ *до* совершенія несчастія, то увеличиваетъ его *по* совершеніи. Не ужасно ли почитать себя виновникомъ своего бѣдствія! не ужасно ли проклинать самаго себя и ненавидѣть! Къ чему клонится твое замѣчаніе? къ тому ли, что мы должны безпечно съ полуоткрытыми глазами шествовать по пути, и добровольно лишать себя свѣта? или къ тому, что идучи по стезѣ жизни между ужасными пропастями, должны смотрѣть прилѣжно, вооружиться всею бодростію, всѣми душевными силами противъ окружающихъ опасностей? — Возвратись мысленно къ предметамъ, которые столь сильно растрогали тебя. Поставь себя на мѣстѣ несчастнаго, которой въ припадкахъ задумчивости, въ странныхъ судорогахъ примѣчаетъ уже первыя начала сумасшествія, первые припадки бѣшенства! Представь себѣ, что ты еще можешь спасти себя, и скажи, не родится ли въ тебѣ непреодолимое желаніе исполнить сію возможность?

„О чемъ вы спрашиваете, батюшка!“

И порокъ, сынъ мой, также имѣетъ свои начала, свои первые припадки. Счастливъ юноша, который ужасается при первомъ ихъ появленіи! они открываются въ пылкости вожделѣній, въ порывѣ страстей; ибо полное самаго себя чувствованіе, въ ко-

торомъ, какъ видѣли мы, состоитъ добродѣтель, требуетъ души спокойной, помнящей бытіе свое. И такъ, кого не одинъ уже разъ вожделѣнія увлекали за предѣлы умѣренности; кто не одинъ уже разъ въ жару страсти забывалъ священнѣйшія должности свои: тотъ можетъ ли пугаться и быть осторожнымъ? онъ близокъ къ ужаснѣйшему состоянію, къ сѣумасшествію отъ порока — близокъ столько же, какъ и *другіе* люди. —

Сынъ очень понялъ, что значилъ взглядъ ласковой, но важной стараго Фридберга. Онъ вспомнилъ протекшіе годы и нѣкоторыя шалости, которыя могли бы очень далеко завести его.

Какоежь средство имѣетъ въ своей власти молодой человѣкъ — продолжалъ отецъ — одержать побѣду надъ страстями, надъ пылкими вожделѣніями? Разумъ, котораго важная власть можетъ первымъ словомъ заставить ихъ молчать и повиноваться, господствуетъ во всѣхъ людяхъ необиженныхъ природою; но разумъ обыкновенно бываетъ удѣломъ мудреца зрѣлаго и опытнаго, а не юноши, еще только жить начинающаго. Сила воображенія и чувствительность берутъ преимущество въ семъ послѣднемъ; самое лучшее и можетъ быть

единственное средство сохранить безопасность его состоитъ въ томъ, когда онъ силу воображенія и чувствительность такъ соединитъ союзомъ, когда мысли о долгѣ и чувствія сердца такъ сопряжетъ, чтобы, при первомъ голосѣ всегда бодрой совѣсти, мысли о долгѣ съ чувствами сердца пробуждались въ одно время, и со всею силою поспѣшали бы на помощь. — Бываютъ въ жизни минуты, которыя глубоко, неизгладимо печатлѣются въ памяти, именно потому что онѣ терзали сердце или производили въ немъ сильное движеніе. Когда въ сіи минуты твердо рѣшаемся быть добрыми; когда въ сіи минуты даемъ священный обѣтъ никогда не нарушать должностей своихъ — о сынъ мой! такой обѣтъ можетъ имѣть спасительныя слѣдствія на всю жизнь. Сегоднешній случай потрясъ нашу душу; завтрешній долженъ быть мучителенъ, когда — въ послѣдній разъ — простимся. — —

Послѣднія слова старикъ произнесъ дрожащимъ голосомъ; сынъ съ полною душею, залившись слезами бросился въ его объятія. — Наконецъ отдохнувши, онъ поклялся на родительской груди, что никогда не забудетъ дня сего, и что воспоминаніе о немъ будетъ проводникомъ его на пути добродѣтели. Фридбергъ хранилъ клятву во всю

жизнь свою. Часто, когда случаи манили, когда вожделѣнія пылать начинали, тотчасъ являлся ему образъ добраго, нѣжнаго старца со слезами на глазахъ; ему казалось, что слышитъ тихой, трепещущій голосъ его, что чувствуетъ горячее, дружеское пожатіе руки его, — и сила страстей уступала силѣ воспоминанія.

(*Изъ Свѣтл. Фил.*)

II.

Сады.

(*Отрывокъ, подражаніе Делиллю.*)

Когда хотите вы сады свои убрать;
Не золото, но вкусъ вамъ должно разточать.
Великолѣпіе природу безобразитъ,
И блеску ей придавъ, пріятностей убавитъ;
Нарядна безъ убранствъ, одѣта съ простотой,
Природа милая мила сама собой.

Сады въ глазахъ моихъ обширныя картины:
Рисуйте! скаты горъ, лѣса, ручьи, долины,
Игра; и переливъ, и живопись цвѣтовъ,
И бархатъ луговой, и бахрома холмовъ;

Вотъ краска, полотно; вотъ кисть, располагайте!
Природа ваша вся, старайтесь, поправляйте.

Случалось вѣрно вамъ въ глухихъ мѣстахъ бродить,
И образцовые тамъ виды находить;
Очарованные сей прелестью случайной,
Вы любовалися картиной чрезвычайной.
Замѣтьтежь лучшія разящія черты,
И убирать поля въ поляхъ учитесь вы.

Извѣстные сады отдѣлкой посѣщайте
И изъ прекраснаго изящность выбирайте.
Мы къ сожалѣнію не рѣдко видимъ здѣсь,
Какъ иностранные, любя повсюду смѣсь,
Отъ лишней хитрости видъ портятъ мѣстъ прекрасныхъ
Соединеніемъ красотъ несообразныхъ;
Не подражайте имъ: нѣтъ, вы должны умѣть
Въ садахъ разпознавать, и смѣло овладѣть
Чертами красоты имъ свойственнаго рода.
Природа лучше тамъ, однако все природа.
Картина вѣрная, хоть нѣтъ ей образца. —
Такъ Бергемъ и Пуссенъ, два славные творца,
Умѣли выбирать приличность и пріятность;
Учитесь наблюдать рисунковъ ихъ изящность;
Чтобъ все, что живопись въ природѣ заняла,
Рука садовника обратно отдала.

О выборѣ земель начнемъ теперь стараться,
И мѣстъ способнѣйшихъ, чтобъ вамъ повиноваться.
Прошли тѣ времена, когда вездѣ въ садахъ,
Искуство брань вело съ полями на поляхъ,
Срывало горъ верьхи, лощины засыпало,
Отличныя мѣста въ природѣ искажало,
И живописной видъ счастливѣйшихъ полей
Преобращало въ видъ несносныхъ площадей.
А нынѣ напротивъ художники - тираны
Стараются создать пригорки и курганы.
Бѣгите крайностей. Весь трудъ напрасенъ вашъ
Сражаться, прорывать земли холмистой кряжь;
А горка бѣдная надъ степью луговою,
Картинной силясь быть, лишь кажется смѣшною.

Желаетель земли успѣшной для трудовъ?
Бѣгите плоскихъ мѣстъ, и вымоинъ и рвовъ.
Пріятны высоты, гдѣ холмъ негорделивой
Вознесъ красивой верьхъ надъ злачною долиной.
Тамъ свѣжая земля картинна безъ стремнинъ,
Суха безъ знойности, гориста безъ ложбинъ.
Идете — кругозоръ простертъ великолѣпно;
Земля взбѣгаетъ вверьхъ, иль сходитъ непримѣтно,

Раздастся, сдвинется; на каждомъ шагѣ
тутъ
Картины новыя васъ сладко развлекутъ. —

Пусть грубый землемѣръ компасомъ во-
руженный
Засядетъ въ кабинетъ отъ сада удаленный,
По геометріи свой мудрой планъ чертитъ,
И пусть по правиламъ хорошій портитъ
видъ;
А вы подите въ садъ, и тамъ на листъ
бумаги
Снимайте виды съ мѣстъ, видъ въ даль,
холмы, овраги.
Умѣйте всякія препятства предузнать,
Предвидѣть способы и средства пріискать:
Чудотворенія изъ трудностей родятся.

Безплодной самой кряжь готовъ повино-
ваться,
Безплодной самой кряжь узнаетъ красоту.
Онъ нагъ — вы рощами прикройте наготу;
Дремучь — такъ съ топоромъ въ дремучій
лѣсъ ступайте;
Болотистъ — озера и рѣки прокопайте;
Посредствомъ вашего полезнаго труда
Очистится земля и воздухъ и вода.
Онъ сухъ — старайтеся, копайте, ройте
снова,
Быть можетъ выступить вода уже готова.
Такъ я усиліемъ напраснымъ огорченъ,

Сухой подробностью предметовъ утомленъ,
Счастливую черту встрѣчаю вдругъ, внезапно,
И пѣснь игривая вновь катится пріятно.
Къ урокамъ высшимъ намъ ужь время перейтить,
Не взору одному, но сердцу говорить.
Познали ль дѣйствіе вы связей сокровенныхъ
Безчувственныхъ существъ и чувствомъ одаренныхъ?
Внимали ли когда вы тайной разговоръ,
Витійство безъ рѣчей воды, лѣсовъ и горъ?
Употребите ихъ. — Сліянье мрака съ свѣтомъ,
Величья съ нѣжностью имѣйте вы предметомъ.
Разнообразіе для насъ ужь красота!
Чтобы величіе, пріятность, простота,
Для угожденья всѣмъ въ саду у васъ мѣнялись;
Чтобъ живописца кисть и вкусъ обогащались;
Чтобъ тамо чувствовалъ восторгъ въ душѣ поэтъ;
Чтобъ въ садъ ходили къ вамъ, оставя шумный свѣтъ,
Мудрецъ обдумывать, красавицы рвать розы,
Счастливой вспоминать, несчастливой лить слезы.

Воейковъ.

III.

Волшебные перстни.

Еще у древнихъ Грековъ, а особливо у восточныхъ народовъ, было въ обыкновенiи носить магическiе, предохранительные перстни и талисманы (*), равно какъ древнiе Евреи, и нѣкоторые нынѣшнiе жители востока носили и носятъ различныя привѣски, чтобы предохранить себя отъ очарованiй; подобнымъ образомъ во времена Iоанна Златоустаго женщины и малыя дѣти носили на шеѣ нѣкоторыя вещи; подобнымъ же образомъ еще и теперь въ Испанiи надѣваютъ на шею большiя и малыя чотки, или другое что-нибудь освященное. Въ перстняхъ вдѣлывались каменья съ разными наступательными и оборонительными волшебными знаками. Надобно вспомнить, что древнiе берегли за печатью разныя вещи, которыя мы теперь только запираемъ; они думали, что магической знакъ, напечатлѣнной на воску, предохраняетъ отъ всякаго чародѣйскаго навожденiя.

Начиная съ самыхъ древнихъ до позднѣйшихъ временъ, волшебнымъ перстнямъ при-

(*) Сiи магическiе перстни, *δακτυλιοι φαρμακιτοι*, послѣ назывались *τετελεμενοι*; думаютъ, что отсюда произошло Арабское слово *талисманъ*.

писывали невѣроятныя, чудесныя силы. Статья сія должна быть любопытна для наблюдателя человѣческихъ дурачествъ. Приведемъ нѣкоторыя событія, которыя всѣ вмѣстѣ могутъ служить прибавленіемъ къ исторіи суевѣрія.

Кто не слыхалъ о волшебномъ перстнѣ Лидійскаго пастуха Гигеса? Баснословіе говоритъ, что онъ нашелъ его въ пещерѣ на пальцѣ мертваго великана, лежавшаго въ брюхѣ мѣдной лошади. Пришедши къ пастухамъ, своимъ товарищамъ, Гигесъ узналъ по опыту, что оборотивши перстень камнемъ къ себѣ, въ то же мгновеніе становился невидимымъ, хотя самъ всѣхъ видѣлъ; дѣйствіе волшебства прекращалось, когда камень былъ обращенъ къ сторонѣ противуположной. Посредствомъ сего колдовства Гигесъ склонилъ въ любовь къ себѣ царицу, съ ея помощію умертвилъ царя, и возсѣлъ на Лидійскомъ престолѣ (*). Всего лучше въ баснѣ сей полезное примѣненіе къ нравственности, или лучше сказать правило, которое извлекали изъ нее древніе нравоучители: „Мудрецъ долженъ поступать честно, хотя бы имѣлъ въ своей власти Гигесовъ перстень!“

Какія чрезвычайныя силы приписывало суевѣріе волшебнымъ перстнямъ, можно

(*) Цицеронъ о должн. III. 9.

увидѣть прочитавши желанїе Тимолаоса (*). „Я желаю — говоритъ онъ — чтобы Меркурїй, явившись въ доброй часъ, далъ мнѣ перстень, которой имѣлъ бы слѣдующїя свойства: вопервыхъ сдѣлалъ бы меня навсегда свѣжимъ, здоровымъ, неуязвляемымъ, неподверженнымъ никакому тѣлесному недугу; вовторыхъ, чтобы, подобно перстню Гигесову, могъ дѣлать меня невидимымъ, когда надѣну его на палецъ; потомъ, чтобы далъ мнѣ силу большую, нежели какую имѣютъ 10,000 человѣкъ всѣ вмѣстѣ, и чтобы я легко могъ переносить съ мѣста на мѣсто такую тяжесть, какую упомянутые 10,000 человѣкъ едва въ состоянїи двигнуть; далѣе, чтобы я могъ летать надъ землею такъ высоко, какъ мнѣ захочется; еще, чтобы по своему произволу могъ усыплять людей, и чтобы всѣ двери отворялись передо мною на зло замкамъ и задвижкамъ; наконецъ желаю имѣть еще лучшїй перстень, которой, будучи у меня на пальцѣ, сдѣлалъ бы меня для всѣхъ людей, для пригожихъ и безобразныхъ, такъ прїятнымъ и любезнымъ, чтобы никто не дерзнулъ нелюбить меня; чтобы всякъ имѣлъ во мнѣ необходимую нужду, всякъ безпрестанно говорилъ бы о мнѣ; чтобы многїя женщины отъ чрезмѣрной любви ко мнѣ

(*) См. Корабль въ соч. Лукїана.

повѣсились, чтобы многїе мущины также отъ любви сошли съ ума" и проч. Весьма хорошо на это ему отвѣчаетъ Ликинъ, что онъ „забылъ пожелать самаго нужнаго, а именно перстня, которой очистилъ бы мозгъ его; но для сего довольно одного добраго прїема чемерицы (*)."

Волшебные перстни съ великою пользою были употребляемы для изгнанїя демоновъ и при заклятїи духовъ. Лжецъ Эвкратъ, упоминаемый въ Лукїановыхъ сочиненїяхъ, имѣлъ у себя желѣзной перстень, доставшїйся ему отъ одного Аравитянина, которой сверхъ того научилъ его заклинать духовъ словами. Эвкратъ удостовѣрился въ чрезвычайной силѣ перстня своего, когда въ темномъ лѣсу явилась ему Геката въ видѣ безобразной женщины ростомъ во 125 локтей. Лишь только онъ оборотилъ къ себѣ упомянутой перстень, въ ту минуту Геката затопала драконовыми своими ногами, разступилась земля, и явилась яма такая пространная, что весь тартаръ могъ бы въ ней помѣститься. Ге-

(*) Древнїе думали, что чемерица вылѣчиваетъ отъ съумазбродства. Окрестности города Антикиры изобиловали сею травою. *Тебѣ надобно побывать въ Антикирѣ* значило: ты съ ума сошелъ.

жата прыгнула въ яму, и мало по малу исчезла. — Іудейскій дѣеписатель Іосифъ разсказываетъ не шутя, что онъ (*) видѣлъ одного земляка своего, по имени Елеазара, которой въ присутствіи Императора Веспасіана, сыновей его, Центуріоновъ и воиновъ слѣдующимъ образомъ вылѣчилъ многихъ одержимыхъ бѣсами: прикладывалъ къ носу больнаго перстень, въ которомъ подъ печатью скрытъ былъ корень, объявленной Соломономъ; запахъ отъ сего корня и произносимыя заклинателемъ таинственныя слова съ именемъ Соломоновымъ такъ сильно дѣйствовали, что бѣсъ принужденъ былъ вылетать черезъ ноздри. Для такогожь употребленія и такой же доброты въ новѣйшія времена дѣлаемы были въ Римѣ заклинательные перстни, которые, какъ утверждаетъ *достовѣрный* дѣеписатель Сигоній, выковывались изъ веригъ одного почтеннаго мужа.

Волшебные перстни годились не только для изгнанія демоновъ и для заклинаній, но еще для предузнанія будущаго. Упомянутый выше Лукіановъ Эвкратъ, вовсе не думая хвастать, увѣряетъ, что у него есть волшебной перстень съ изображеніемъ Делфійскаго Аполлона, и что иногда онъ

(*) Antiq. 8, 2.

издаетъ пророческіе звуки. — Къ сему роду принадлежитъ гадательной перстень, которой послѣ волшебнаго дѣйствія на вопросъ, *кто будетъ преемникомъ Императора Валенція*, отвѣчалъ: *Θеодоръ* Такъ повѣствуетъ отравитель Гиларій у Амміана. (кн. 29.)

Думали, что перстни сіи имѣютъ великую силу лѣчить всякія болѣзни. Греческій врачь Александръ Траллесскій увѣряетъ, что перстень съ камнемъ, на которомъ изображенъ Геркулесъ, сражающійся со львомъ, помогаетъ отъ рѣза въ животѣ; для того-то, говоритъ онъ, сей подвигъ Геркулесовъ чаще нежели другіе попадается на камняхъ. Сей врачь предлагаетъ другое лѣкарство отъ той же болѣзни; онъ совѣтуетъ желѣзной перстень передѣлать въ осмиугольникъ, на которомъ подлѣ одного очень страннаго изображенія написать слова: *φευγε, φευγε, χολη ἡ κορυδαλος ερηται, бѣги, бѣги желчь, жаворонокъ ищетъ тебя!* Онъ увѣряетъ даже, что много разъ испыталъ самъ спасительное дѣйствіе сего способа; однакожь не совѣтуетъ всѣмъ показывать его, потому что божественный Гиппократъ предписалъ священныя таинства открывать только просвѣщеннымъ, а не профанамъ! Еще надобно прибавить, что упомянутые перстни надлежитъ дѣлать въ 17 или

въ 21 день мѣсяца. Для лучшаго успѣха весьма хорошо вставлять въ нихъ агаты или ясписы.

Много можно бы написать, если бъ повторять все, что разсказываютъ умные люди о всемогущей силѣ сихъ чудесныхъ перстней. Заключу выпискою изъ писемъ Франца Петрарки, столько же достойныхъ примѣчанія, какъ и басня о перстнѣ Гигесовомъ. Петрарка увѣряетъ, что слѣдующія извѣстія слышалъ онъ отъ духовныхъ особъ, и получилъ отъ нихъ на письмѣ въ Ахенѣ, гдѣ находится гробъ Карла Великаго; однакожь не смѣетъ ручаться за истину. Вотъ повѣсть: „Карлъ Великій смертельно влюбился въ одну женщину (muliercula). Будучи плѣненъ ласками ея, онъ забылъ о славѣ, пересталъ заниматься дѣлами государственными, ни о чемъ, ниже о самомъ себѣ не думалъ, и жилъ только въ объятіяхъ своей красавицы. Всѣ ближніе его досадовали и сокрушались. Наконецъ — когда уже всѣ отчаялись въ излѣченіи монарха, которой ослѣпясь любовію не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ — внезапная смерть поразила его владычицу. Всѣ въ тайнѣ сердца своего радовались сему случаю. Но къ несчастію за одною бѣдою слѣдовала другая. Смерть любовницы не только не погасила страсти Карловой, но еще болѣе воспламенила ее.

Карлъ велѣлъ намастить трупъ умершей благовонными травами и бальзамами; велѣлъ украсить его порфирою и дорогими каменьями, и не отходилъ отъ гроба ни днемъ, ни ночью. Многолюдныя посольства народовъ чуждыхъ и правители областей приходили ко влюбленному (amantem), или лучше безумному (amentem) Королю; но бѣдной Король не хотѣлъ видѣть ихъ; сидѣлъ запершись въ чертогѣ подлѣ бездушнаго трупа, сидѣлъ и звалъ по имени любезную; ожидалъ отвѣта ея, говорилъ ей о своей горести, о своихъ мукахъ, согрѣвалъ ее своими вздохами, орошалъ лице ея слезами любви неутолимой. При дворѣ Карловомъ былъ тогда одинъ Прелатъ изъ Кельна, мужъ честный и мудрый, первой голосъ въ совѣтѣ Королевскомъ. Съ сердцемъ сокрушеннымъ взирая на состоянїе своего Государя, видя, что никакая помощь человѣческая не можетъ спасти его, доброй Прелатъ обратился къ Богу съ горячею молитвою, возложилъ на него все упованїе, и со слезами просилъ помилованїя. Долго молился старецъ съ одинакимъ усердїемъ; наконецъ въ одинъ день чудесной случай наполнилъ сердце его радостнымъ удивленїемъ. Въ то самое время, когда онъ по обыкновенїю читалъ усердную молитву, орошая грудь свою и жертвенникъ горячими слезами — раздался съ верху голосъ: „подъ языкомъ усопшей

сокрыта вина безумія Карлова." Прелатъ съ нетерпѣливою радостію побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала умершая, по праву Королевскаго любимца пошелъ прямо въ комнату, началъ искать во рту покойницы, нашелъ — подъ холоднымъ, окостенѣвшимъ языкомъ — маленькой перстень съ камнемъ, и отправился обратно. Скоро потомъ Карлъ по обыкновенію приходитъ къ своей мертвой повелительницѣ, смотритъ на бездушной трупъ, прикасается къ нему, трепещетъ отъ ужаса и — приказываетъ немедленно взять его и засыпать землею. Чтожь случилось! Монархъ всю страсть свою обратилъ на Прелата, любилъ его день ото дня болѣе, во всемъ повиновался ему, и не могъ разстаться съ нимъ ни на минуту. Другой радовался бы такому счастью; напротивъ того честной Прелатъ сокрушался, не зналъ что дѣлать съ перстнемъ; боясь, чтобы не случилось чего-нибудь худаго съ Государемъ, когда вещь сія достанется въ чужія руки, или сгоритъ въ огнѣ, онъ рѣшился бросить ее въ глубокое болото. Съ того времени Король, находившійся тогда въ Ахенѣ съ вельможами своими, началъ предпочитать городъ сей всѣмъ прочимъ. Болото казалось ему любезнѣе всего на свѣтѣ; онъ часто сиживалъ при немъ, вкушалъ несравненное удовольствіе плавая на поверхности водъ его;

наконецъ основалъ тамъ свою столицу; не пощадивши чрезвычайныхъ издержекъ, велѣлъ насыпать плотину и построить дворецъ и церковь, чтобы ни священныя, ни мїрскія должности не могли отвлекать его отъ любимаго мѣста. Тамъ провелъ онъ остатокъ жизни своей, тамъ скончался и похороненъ." — Вотъ что написалъ Францъ Петрарка въ своихъ письмахъ!

Ф. Г. Циммерманъ.

IV.

ЕВГЕНІЮ.

Жизнь Званская (*). 1807 г. въ Маѣ.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ;
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

За чѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,

(*) Въ деревнѣ Званкѣ на Волховѣ. *Издат.*

Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сиренъ
подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью зла-
той,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ дней въ останкѣ.

Воставъ отъ сна взвожу на небо скромный взоръ;
Мой утреннюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь бла-
женной.

Пройдя минувшую, и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змія мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада, храмъ жезломъ чертяще.

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ
небомъ круги,
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣней,
На крокущихъ, какъ снѣгомъ луги.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Въ дали тетеревей глухое такованье,
Барашковъ (*) въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьіовъ,
Ревъ кравъ, громъ жолнѣ и коней ржанье.

На кровлѣ жь зазвенитъ какъ ласточка — и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ Манжурской (**) иль Леванпской (***),
Иду за круглой столъ. — И тутъ-то разтобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской!

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней
И для прикрасъ моей свѣтплицы,

Въ которой по утру, иль въ вечеру порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ, иль журналахъ

(*) Птица бекасъ, которая въ воздухѣ издаетъ звукъ крыльями подобно блеянію барановъ. *Издат.*
(**) Чай.
(***) Кофе.

Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ
герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ Генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и птичекъ, и
прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ
вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ, пухъ
грибовъ;
Сребро трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ
врачь,
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой
калачь,
А тѣмъ лѣкарственно снадобье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усистой староста, или скопидомъ брюхатой,
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ
Съ улыбкой часто плутоватой;

И гдѣ случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ

И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ
Въ задорѣ иногда, въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ Царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.

Суетъ всіо суета! я воздыхая мню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна,
О, коль прекрасенъ міръ! — чтожь духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!

Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя имъ доля.

Дворовыхъ между тѣмъ; крестьянскихъ рой
дѣтей,
Сбирается ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранковъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ должен на моихъ
Бумагахъ мараныхъ; пастухъ какъ на
овечкахъ;
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ
большихъ,
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ; рабы запыхавшись бѣ-
гутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ:
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ поставленный узоромъ!

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки
красны,
Что смоль, янтарь — икра, и съ голубымъ
перомъ
Тамъ щука пестрая, прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой,
вкусъ;

Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь,
Припасъ домашней, свѣжей, здравой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмѣлинъ,
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ; — сокъ искрами горя
Бьетъ сладкихъ Русскихъ древъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго ЦАРЯ
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе глотка два. — Схрапну минутъ пятокъ.
Тамъ въ шахматы, въ шары, иль изъ лука стрѣлами;
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ,
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купалень между древъ
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ

Тамъ внемлю юношей; а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста!
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Предъ мной искуствъ черезъ коварства.

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря,
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ горя
Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ,
И движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ
Клокоча огнь, толчетъ и мелитъ.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, — и тьмы вдругъ веретіонъ
МАРІИНОЙ (*) рукой прядутся!

(*) Машины, ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ выписанныя, дѣлаемыя на Александровской фабрикѣ, для

Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота
и лоскъ,
Всѣ прелести, красы берутся съ поль ца-
рицы (*);
Сталь жесткая, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы;

И сельски ратники, какъ царства ставъ
щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во ры-
царскомъ убранствѣ:
За вѣру, за Царя мы, говорятъ, помремъ,
чѣмъ у Французовъ быть въ под-
данствѣ!

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшь,
верьхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцовъ ловимъ псовъ станицей.

Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, чер-
ныхъ волнъ;
Какъ дернъ бугритъ сожа, злакъ травъ па-
детъ косами,

разведенія въ Россіи бумажной ткани и пряжи. *Издат.*

(*) Богини Флоры, подъ коей разумѣется красильня разныхъ матерій. *Издат.*

Серпами злато нивъ, и ароматовъ полнъ
Вѣтръ порхаетъ межь Нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю степень
Къ холмамъ и рощамъ сине-темнымъ.

Иль утомясь идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова; разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно! въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ (*);
Какъ парусы суда, а лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно! тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мѣлкихъ полны;
Какъ полосаты ихъ склоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучь съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа;

(*) Особливая рыбня ловля, называемая *колотомъ*. *Издат.*

Жнецовъ поющихъ, жней полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
Но гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ въ стрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ;
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей (*), подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ:
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и палимъ взоры.

(*) Подъ сіяніемъ лустъ-кугеля. *Изд.*

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души
громъ,
Здѣсь тихогрома (*) съ струнъ, смягченны,
плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умиль-
ныхъ;

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтаньи:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей
шумъ
И тихи Зефровъ повѣваньи.

Ахъ! гдѣжь ищу я вкругъ минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, —
тѣнь!
Кто вѣсть и впредь полетъ Орлиный?

Видъ лѣта краснаго, — намъ АЛЕКСАНДРОВЪ
вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ дви-
гать струны;

(*) Форте - піано. *Издат.*

Блаженствовалъ подъ Нимъ въ спокойствѣ человѣкъ;
Но мещетъ днесь и Онъ перуны.

Умолкнутъ ли они? — сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ,
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, Онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсш-Лау;
Младыхъ вождей разцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ Орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей,
Чтожъ жизнь ничтожная, моя скудельна лира?
Увы! — и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатуриъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ,
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсень здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный (*);

Отъ коего, — какъ громъ катается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы, —
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ развѣ ты, Отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски заростши мхомъ желѣзны
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь блѣдну зависть въ бездны!

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,

(*) Древній курганъ или насыпь близь самаго дома Авторова, въ коемъ, по преданію, погребенъ вождь или волхвъ. *Издат.*

Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи возгласишь согласье.

Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ, — и ты твоимъ перомъ
Будя потомковъ сонъ, близь Сѣвера столицы,
Шепнешь вслухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
Здѣсь *Бога* жилъ Пѣвецъ, — *Фелицы*.

Державинъ.

V.

Извлеченіе изъ Путешествія г-на Оливье.

Славная Калькутская Академія оказала Европѣ важныя услуги изслѣдованіями и открытіями, относящимися до Индіи и другихъ странъ Азійскихъ. Надлежало еще собрать достовѣрныя извѣстія о Персіи, которая при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ обращаетъ на себя вниманіе наблюдателей. Записки Олеарія, ѣздившаго въ Персію въ первой половинѣ семнад-

цатаго столѣтія, по препорученію Голштинскаго Герцога, теперь не удовлетворяющъ любителя историческихъ и статистическихъ описаній; ибо сіе обширное государство послѣ того времени испытало великія перемѣны. Сообщимъ нѣкоторыя статьи изъ путешествія г-на Оливье, ученаго Француза, которой недавно возвратился изъ Персіи, и выдалъ свое описаніе тамошнихъ обычаевъ и произшествій.

„ Въ Европѣ между жителями большихъ городовъ и жителями сельскими, между людьми благовоспитанными и ничему не учившимися, есть великое различіе. Въ Персіи мы не примѣтили большой разницы между тѣми и другими. Городскіе жители небогатые почти во всемъ сходствуютъ, относительно ума, знаній и обычаевъ, съ поселянами; такое же сходство открывается между богатыми и небогатыми городскими жителями: почти вездѣ тѣже поступки, таже походка, тотъ же способъ изъясняться, тѣже мысли, и — скажу смѣло — тоже ученіе. Здѣсь житель сельскій — даже такой, которой весь годъ проводитъ въ подвижномъ шалашѣ своемъ, и безпрестанно перегоняетъ скотину съ одного пастьбища на другое — какъ мнѣ показалось, развязнѣе, хитрѣе, учтивѣе и смышленѣе земледѣльца

Европейскаго, живущаго отъ большихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи.

„Сперва подумалъ я, что недостатокъ общаго просвѣщенія, воспитаніе почти однообразное, тиранская власть всѣхъ равно притѣсняющая, суть причины сходства въ поступкахъ, въ походкѣ и въ знаніяхъ, — сходства примѣченнаго мною во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я ни былъ; однакожь скоро нашелъ я важнѣйшую тому причину. Безпрерывная война, которая заставляла всѣхъ Персовъ носить оружіе, — мятежи, которые безпрестанно безпокоили ихъ, — частые переходы изъ одной области въ другую — все сіе необходимо долженствовало уничтожить разнообразность, сблизить всѣ состоянія, и смѣшать всѣ званія. Богатой лишился способовъ приобрѣтать свѣдѣнія; напротивъ того бѣдной сдѣлался гораздо смышленѣе. Первой забылъ свою вѣжливость, ласковость, кротость въ обращеніи; другой сдѣлался обходительнѣе, нежели прежде: его идеи раскрылись, понятія умножились. Видя, что начальники обходятся съ нимъ ласково — потому что имѣютъ въ немъ нужду для утвержденія власти своей — онъ сталъ уважать себя часъ отъ часу болѣе, а помѣрѣ того переставалъ слѣпо уважать тѣхъ, которыхъ имѣлъ случай часто въ близи видѣть. Богачь, выросшій въ полѣ, приобрѣ-

талъ такія только познанія, какія солдату имѣть можно. Бѣднякъ, изъ за сохи или изъ рабочей пришедшій въ станъ воинскій, скоро могъ тому же научиться; сверхъ того дорога къ почестямъ и богатству была для него открыта: это одно обстоятельство могло произвести выгодную перемѣну какъ въ мысляхъ его, такъ и поступкахъ.

„О женщинахъ сказать того не можно. Городскія, какъ мы слышали — ибо почти нигдѣ кромѣ Багдада не видали ихъ — вообще умны, любезны, имѣютъ всѣ пріятности пола своего, и въ знаніяхъ едва ли уступаютъ мущинамъ. Напротивъ того въ селахъ, гдѣ врачебное искуство не рѣдко доставляло какъ случаи видѣть и слышать женщинъ, онѣ казались намъ грубыми, безсмысленными, и еще болѣе нежели мужья ихъ порабощенными суевѣрію.

„Сельскія женщины столь же тщательно закрываютъ лице свое, какъ и городскія, и еще болѣе привязаны къ домашней, уединенной жизни. Онѣ отправляютъ всѣ работы въ домѣ, смотрятъ за дѣтьми, варятъ кушанье, доятъ коровъ, козъ и овецъ, приготовляютъ молоко, дѣлаютъ изъ него масло, которое мужья возятъ въ городъ на продажу; въ досужное время прядутъ волну и хлопчатую бумагу; изъ соломы и навозу

дѣлаютъ лѣпешки, и по высушенїи употребляютъ ихъ вмѣсто дровъ, которыя тамъ весьма рѣдки. Всѣ полевыя работы исправляются мущинами.

„ Сельскїе жители вообще имѣютъ по одной женѣ, хотя законъ и дозволяетъ имъ, точно какъ Туркамъ, жениться на четырехъ; равнымъ образомъ почти никогда не живутъ съ невольницами, выключая вдовцовъ и неженатыхъ. Они хвалятъ наши законы, относительно супружества, и почти всѣ думаютъ, что многоженство, выгодное для богачей, никакъ не прилично состоянїю людей незажиточныхъ, а особливо такихъ, которые дорожатъ спокойствїемъ.

„ Одобряя нашъ законъ въ разсужденїи сожитїя съ одною женою, они изъявляли недоумѣнїе свое, когда мы сказывали, что супруга у насъ почитается во всемъ равною мужу, что она съ открытымъ лицемъ выходитъ изъ дому, что не нарушая благопристойности можетъ оставаться наединѣ съ постороннимъ мущиною. Персы обходятся съ женами своими ежели не презрительно, то по крайней мѣрѣ почти безъ уваженїя; всякой мужъ чрезвычайно ревнивъ, влюбленъ ли онъ или нѣтъ; бездѣлка заставляетъ его сердиться и обижать жену свою; за самой малой проступокъ онъ бьетъ ее; при

самомъ легкомъ подозрѣніи въ невѣрности разводится съ нею; если же увѣрится въ томъ совершенно, то можетъ по праву заколоть ее самъ, или возложить ненавистную должность сію на брата или другаго ближняго родственника: въ противномъ случаѣ подвергается безчестію.

„Не въ однѣхъ только селахъ мужъ казнитъ смертію жену клятвопреступную, но и во всей Персіи. По счастію, такія ужасныя произшествія случаются весьма рѣдко, или потому что женщины не нарушаютъ супружеской вѣрности, или что нарушительницы, которыхъ очень мало, умѣютъ наблюдать осторожность.

„Физика содержитъ въ себѣ математику и медицину; метафизика состоитъ въ богословіи и законовѣдѣніи, то есть въ познаніи всего, что относится къ законамъ пророка и къ примѣчаніямъ на оные. Наука нравственная почитается довершеніемъ хорошаго воспитанія, и состоитъ въ правилахъ, достопамятныхъ изреченіяхъ, пословицахъ, притчахъ, историческихъ сказаніяхъ; почти все сіе написано стихами; по сей-то причинѣ наука нравственная и поэзія обыкновенно преподаются вмѣстѣ.

„Персы, которые учатся только для приобрѣтенія свѣдѣній, проходятъ весь кругъ

наукъ, извѣстныхъ въ ихъ отечествѣ, думая, что все знать должно; но которые изъ нихъ желаютъ занять важныя мѣста, или нажить достатокъ, тѣ изключительно занимаются законоискуствомъ, астрологїею и врачебною наукою.

„Торговля не такова теперь, какою была въ царствованїе Софїевъ. Извѣстно, что она пришла-было въ цвѣтущее состоянїе при Шахѣ-Аббасѣ и его преемникахъ. Армяне, Банїане и Евреи, въ Испагани и другихъ знатнѣйшихъ городахъ поселившїеся, получали изъ всѣхъ областей Индостана и многихъ острововъ океана Индїйскаго великое количество товаровъ и дорогихъ вещей, которыя продавали въ Персїи, или отсылали въ Турцїю и во всѣ страны Европейскїя. Между Персїею и между Баалкою, Бокгарою, Самаркандомъ и Кашемиромъ были заведены весьма удобныя и частыя сообщенїя; почти всѣ произведенїя сихъ государствъ, также земель Татарскихъ и Тибета, черезъ Персїю отправляемы были въ Турецкую Имперїю и *Московїю* (*). Европейцы, при

(*) Ученый Оливье до сихъ поръ еще не знаетъ, что обширнѣйшее въ свѣтѣ государство, въ которомъ многїя тысячи земляковъ его ѣдятъ сытной хлѣбъ, никогда не называлось и не называется Московїею.

Аббасѣ поселившїеся въ Испагани, Ширасѣ и въ приморскихъ городахъ Персидскаго залива, посылали въ свое отечество большое количество произведенїй земли и промышленности.

„Нынѣ товары Индїйскїе, назначаемые въ Турцїю, привозятся прямо въ Бассору и Багдадъ, а оттуда отправляются въ Моссулъ, Алепъ и Дамаскъ. Персїя весьма немногимъ снабжаетъ Турцїю, почти ничего въ замѣнъ отъ нее не получая. Евреи и Баніане почти всѣ выѣхали изъ Персїи; а оставшїеся въ ней немногїе Армяне живутъ въ крайней бѣдности. Европейскїе народы мало по малу прекратили сношенїя свои съ нею; одна только Россїя продолжала ихъ, но и тѣ недовѣрчивый и безпокойный Мегеметъ прервать постарался.

„Еслибъ Шахъ Аббасъ могъ передать наслѣдникамъ умъ свой и великїя предначертанїя о народномъ благѣ: то Персїя конечно могла бы сдѣлаться выгоднымъ средоточїемъ сношенїй, которыя тогда учреждены были между Индїею и Европою; могущество Англичанъ не вознеслось бы до той степени, на которой видимъ его нынѣ, ибо народъ сей одинъ не могъ бы овладѣть всею торговлею, которую присвоивали бы себѣ вопервыхъ Персїя, потомъ *Московїя* и Турцїя, наконецъ всѣ Европейскїя государства.

„Персы не имѣютъ флота. Нѣкогда были у нихъ суда въ Заливѣ для усмиренія Аравитянъ и для отправленія торговли съ Маскатомъ, Суратомъ и берегами Индостана; они также имѣли на Каспійскомъ морѣ небольшую флотиллію для удержанія въ страхѣ на восточномъ берегу Туркомановъ и Узбековъ, а на западномъ Лезгинцовъ. Междоусобная война все истребила.

„Однакожъ — продолжаетъ г. Оливье — Персамъ очень было бы выгодно имѣть на Каспійскомъ морѣ флотъ для удержанія Россіянъ, и даже въ случаѣ войны для нападенія на Астрахань и мѣста лежащія по Тереку. Персы не могутъ взять назадъ Дербента и Баку, недавно покоренныхъ Россіянами, до тѣхъ поръ, пока не заведутъ у себя вооруженныхъ лодокъ, и пока не будутъ въ состояніи недопускать подвозу съѣстныхъ припасовъ съ моря во время осады.

„Въ южной части Персіи нѣтъ лѣсовъ; и потому трудно завести флотъ въ Заливѣ, а на покупку лѣсу въ Индостанѣ потребны великія издержки; напротивъ того весьма удобно построить флотъ на Каспійскомъ морѣ. Гилянъ и Мазандеранъ покрыты дубомъ, сосною и другимъ строевымъ лѣсомъ; поревозъ дерева обошелся бы весьма дешево, потому что оно растетъ

близь береговъ, и что въ семъ краю много есть рѣчекъ, по которымъ можно плавать шесть мѣсяцовъ въ году.

(*Будетъ продолженіе.*)

VI.

О первой Русской Грамматикѣ.

Многимъ извѣстно, что при Царяхъ Всероссійскихъ нѣсколько разъ была напечатана *Славянская* Грамматика Мелетія Смотрицкаго; но не многіе знаютъ, что первую *Русскую* Грамматику сочинилъ иностранецъ Генрихъ Вильгельмъ *Лудолфъ*, — что посвятилъ ее Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, напечатавъ 1696 года въ Англіи при Оксфордскомъ Университетѣ. Посвященіе, предисловіе и правила писаны на Латинскомъ языкѣ. Русскія слова напечатаны Славянскими буквами, сдѣланными въ Голландіи тѣмъ самымъ художникомъ, которой рѣзалъ Греческія для Московской типографіи, по препорученію Патріарха Адріана. Лудолфъ сочиненіемъ своимъ хотѣлъ услужить иностранцамъ, которые по Славянской Грамматикѣ не могли научиться употребительному языку; сверхъ того онъ желалъ заохотить Русскихъ къ изданію какой-либо книги полезной и для всѣхъ враз-

умительной. До осмнадцатаго столѣтія Русскіе — а особливо ученѣйшіе и тѣ, которымъ хотѣлось казаться ученѣе другихъ — предпочтительно писали на Славянскомъ языкѣ, безъ котораго какъ тогда, такъ и теперь не льзя обойтись въ многихъ родахъ сочиненій. Однакожь, по свидѣтельству Лудолфа; и тогда уже шутили надъ умниками, которые въ простомъ разговорѣ мѣшали слова книжныя, чтобы похвастать ученостію.

Одна только книга, употребительнымъ Русскимъ языкомъ написанная, была тогда напечатана, а именно *Уложеніе*; но и въ ней многія слова расположены болѣе по Славянскому синтаксису, нежели слѣдуя обыкновенному нарѣчію. Симеонъ Полоцкій, наставникъ Царя Ѳеодора Алексіевича, издалъ Псалмы Давидовы въ стихахъ и другія сочиненія Богословскія, какъ-то *Духовной обѣдъ*, *Духовную вечерю*, *Многоцвѣтной вертоградъ*. Желая быть вразумительнымъ для всѣхъ, онъ по возможности избѣгалъ словъ вышедшихъ изъ употребленія; однакожь въ упомянутыхъ сочиненіяхъ довольно часто встрѣчаются рѣченія Славянскія, не многимъ изъ неученыхъ читателей извѣстныя. Какъ безъ Славянскаго языка не льзя писать краснорѣчиво, такъ напротивъ того одинъ Славянской недостаточенъ для пріятельской

бесѣды, для разговора о дѣлахъ домашнихъ; потому-то и говорили Москвитяне — свидѣтельствуетъ Лудолфъ — что разговаривать должно порусски, а писать пославянски.

Сочинитель нашъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ держался порядка Славянской Грамматики, къ которой и отсылаетъ желающихъ приобрѣсть большія и основательнѣйшія познанія въ Русскомъ языкѣ. По многимъ правильнымъ замѣчаніямъ судить можно, что Лудолфъ прилѣжно занимался изученіемъ Славянской и Русской словесности. Означено въ точности различіе, происходящее отъ приращенія слоговъ, напримѣръ: въ словахъ *глава* и *голова*, *градъ* и *городъ* — отъ перемѣны буквъ, напримѣръ; *единъ* и *одинъ*, *езеро* и *озеро* *нощь* и *ночь*, *немощь* и *немочь* — отъ окончанія въ падежахъ, напримѣръ: *руцѣ* и *рукѣ*, *языцы* и *языки*, — отъ окончанія во временахъ, напримѣръ: *любихъ* и *любилъ*; упомянуто о словахъ однозначительныхъ, но различныхъ по выговору, напримѣръ: *глаголю* и *говорю*, *днесь* и *севодни*. За то уже ничто лучше Грамматики Лудолфовой не доказываетъ, какъ трудно писать не на природномъ своемъ языкѣ. Для образчика выпишемъ что-нибудь изъ разговоровъ, приложенныхъ на Русскомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

Сочинитель прибавилъ Нѣмецкой переводъ разговоровъ, для того что въ его время чужестранные купцы вообще говорили въ Россіи понѣмецки, и что многіе Россіяне разумѣли и Латинской и Нѣмецкой языки.

Стр. 56. „Отнеси бушмаки къ сапожнику, и вѣли ихъ починить.	Porta calceos ad sutorem, et jube eos sarciri.
Долго ты несъ ихъ, новые надобе.	Diu eos gestasti, novis opus est.
Я ненуженъ твоимъ совѣтомъ, здѣлай что я прикажу.	Non indigeo tuo consilio, fac quod jubeo.
Виноватъ.	Ignoscas.
Вѣли дѣвку постѣлу слать и чистые простыни класть.	Jube ancillam lectum sternere & mundos lodices imponere.
Пособи мнѣ раздѣвать сапоги и повиси ихъ, чтобы завтра сухие были.	Juva me ocreas exuere, et suspende eas, ut cras siccae sint.
Стр. 59. Я радъ свидаться стобою прежде отошествія твоево.	Gaudeo quod tecum una sim ante discessum tuum.
Алти думаешъ что поѣхать мнѣ мочно а не проститься съ тобою.	Putas ne me abire posse et non valedicere tibi?
Стр. 60. Скажутъ, что пригожие женщины во Французской землѣ.	Dicunt pulchras foeminas in Gallia esse.

Я не водился съ ними, красные не глядѣли на меня и не желалъ познаться съ дурними.	Non conversatus sum cum illis, pulchrae non aspexerunt me, et non concupivi notitiam contrahere cum deformibus.
Чемъ ты забавился тамъ.	Quanam recreatione ibi usus es?
Мало забавы за иноземца.	Parum recreationis extero obvenit.
Какъ тамошние люди прокляжаться.	Quomodo indigenae se recreant?
Со всякими играми. И проч.	Variis ludis.

При концѣ книжки приложена короткая статья вмѣсто прибавленія (appendicis loco) о вещахъ, относящихся до естественной исторіи.

И такъ Ломоносовъ былъ не первой сочинитель Русской Грамматики!

ПОЛИТИКА.

I.

Выписка изъ Берлинскихъ писемъ.

(*Окончаніе*)

Послѣ того въ слѣдующіе дни Императоръ училъ свою гвардію, и осматривалъ ежедневно приходившіе корпусы; всякой разъ дѣлалъ производство въ чины, которые Адъютантъ объявлялъ громкимъ голосомъ, и потомъ кричалъ, махая шпагою: *да здравствуетъ Императоръ!* Войско повторяло восклицаніе, между тѣмъ какъ Наполеонъ стоялъ, принявъ на себя наружной видъ Фридриха Великаго. Почти каждой часъ получались донесенія о сдачѣ или корпуса или крѣпости; вѣстники пріѣзжали такъ часто, что наконецъ стали у насъ поговаривать, будто Наполеонъ едва вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ. „Право не знаю — говорилъ онъ улыбаясь — радоваться ли мнѣ должно „этому, или стыдиться!“ — Одинъ корпусъ при Пазевалкѣ, другой подъ Пренцлау, третій при Анкламѣ положили ружья! Штеттинъ и Кистринъ отданы безъ малѣйшаго спору, какъ будто мѣшки съ орѣхами! Какъ не улыбаться послѣ этаго?

Отперли Королевской цейггаузъ, и какъ же удивились нашедши много орудій, ружей и всякаго рода военныхъ снарядовъ, между тѣмъ какъ ничего найти здѣсь не надѣялись! Надобно думать, что сраженіе при Ауэрштедтѣ многихъ лишило ума и памяти. Отъ 16 до 24 Октября частные люди сухимъ путемъ и водою поспѣшно уѣзжали изъ Берлина, хотя они могли бы спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ; старые домашніе уборы весьма исправно вывезены, хотя до нихъ ни одинъ хищный солдатъ не захотѣлъ бы дотронуться: напротивъ того нужнѣйшіе военные снаряды, самая важная собственность государственная, которая могла бы послужить для поправленія претерпѣннаго горя и для предотвращенія большихъ несчастій, оставлены въ рукахъ побѣдителя, и безъ того уже весьма сильнаго!

Когда въ первой разъ смотрѣлъ я на парадъ въ увеселительномъ саду, гдѣ передъ изваяніемъ Князя Леопольда Дессау проходили 10,000 человѣкъ войскъ Италіянскихъ, Французскихъ, Баварскихъ, Вирцбургскихъ и Нассаувскихъ, и даже гвардія гражданъ Берлинскихъ, слезы на глазахъ у меня показались: я не таюсь въ томъ, и самъ Наполеонъ за это на меня вѣрно не разсердится. Можно ли равнодушно смотрѣть на

войска непрїятельскїя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда Фридрихъ училъ свою гвардїю и гдѣ отдавалъ пароль при развод! Я сталъ противъ Князя Леопольда, и думалъ себѣ: „Проснись, взгляни и узнай, какъ непрочно было творенїе рукъ „твоихъ. Здѣсь ходятъ не Прусаки, которыхъ ты первой превратилъ въ солдатъ; „но Нѣмецкїе войска Имперскїя, которыхъ „ты почиталъ недостойными уваженїя!“

Вообще о Берлинскихъ жителяхъ нельзя сказать, чтобы они совершенно забыли старое свое правительство, и съ усерднымъ благоговѣнїемъ покланялись новому солнцу, какъ носятся слухи въ провинцїяхъ. Нѣтъ, это значитъ, что они терпѣливо несутъ крестъ свой; когда возвратится Король, они также побѣгутъ встрѣчать его, какъ встрѣчали Наполеона. Ежели и кричали они *да здравствуетъ Императоръ*; то дѣлали это для того, что симъ надѣялись помочь своему горю. Можешь самъ догадаться, какъ Наполеонъ принялъ ихъ восклицанїя. Можно ли иначе какъ не съ презрѣнїемъ смотрѣть на крикуновъ сихъ тому, кто семнадцать лѣтъ глядѣлъ на Парижскую чернь, и замѣчалъ ея поступки!

Тебѣ извѣстно, что Наполеонъ, нашедши въ Потсдамѣ Фридрихову шпагу, от-

правилъ ее въ Парижъ. Подлѣ шпаги лежалъ костыль, безъ котораго покойной старикъ ни гдѣ не являлся. Говорятъ, будто Наполеонъ послалъ костыль къ Фридриху Вильгельму, и велѣлъ сказать ему, что „вещь сія пригодится, когда онъ обратно „приѣдетъ въ свои владѣнія.“ Костыль у насъ Прусаковъ есть символъ извѣстный; иначе Наполеоновы слова можно было бы толковать на разные способы.

(*Съ Нѣм.*)

II.

Селимъ III Жигандари.

Начало новаго правленія часто подобно бываетъ зарѣ утренней, которая предвозвѣстивъ свѣтлое возхожденіе солнца, иногда ведетъ за собою день пасмурный. Сіе уподобленіе примѣнить можно къ Селиму III Жигандари, недавно умершему Императору или Падишаху Оттоманской, нѣкогда весьма страшной Имперіи. Онъ былъ сынъ Мустафы III, по прозванію *Достославнаго*, и племянникъ Султана Абдулъ-Гамида, которой выпивши чашку кофе внезапно скончался въ 7 день Апрѣля 1789 года на 64 году своего возраста, оставивъ по себѣ двухъ сыновей *Мустафу*, нынѣшняго

Императора; и Магмуда. По Турецкимъ законамъ — которые, для предотвращенія невыгодъ, сопряженныхъ съ правленіемъ малолѣтнаго Султана, повелѣваютъ стараго Князя изъ царствующаго Османова поколѣнія возводить на престолъ — Селимъ, уже назначенный дядею въ преемники, 13 Апрѣля 1789 года провозглашенъ двадцать седмымъ Государемъ Османова поколѣнія, двадцать четвертымъ великимъ Султаномъ и девятьнадцатымъ Калифомъ, и при восклицаніяхъ народа торжественно препоясанъ мечемъ Магометовымъ.

Ни одинъ Султанъ не казался такимъ пылкимъ, такимъ безпокойнымъ, такимъ воинственнымъ, какъ Селимъ III, когда вступилъ на престолъ Турецкій. Тогда было ему 28 лѣтъ, ибо онъ родился 24 Декабря 1761 года. Не льзя статься, чтобы въ такихъ молодыхъ лѣтахъ погасъ въ немъ огненной характеръ; надобно думать, что пылкость сія была не иное что, какъ хитрое притворство; ибо вельможи и народъ въ Константинополѣ тогда ревностно желали продолженія войны. Внезапную кончину Абдулъ-Гамида приписывали его миролюбію.

Вельможи скрытно, а народъ явно радовались, дождавшись наконецъ такого бодраго

Монарха, котораго всѣ поступки обнаруживали склонность продолжать войну. Когда ему донесли о состояніи Имперіи и объ опасностяхъ ей угрожающихъ, тѣмъ болѣе что Франція и Испанія легко могли тогда взять сторону Россіи и Австріи, Селимъ выслушавъ со вниманіемъ сказалъ: *нѣтъ нужды; я хочу воевать!* Сіи слова произнесены грозно, какъ и всѣ повелѣнія. Въ первую ночь своего царствованія Селимъ утвердился на престолѣ, и приобрѣлъ себѣ любовь народную. Загорѣлся домъ подлѣ арсенала. Селимъ, по обыкновенію прежнихъ Султановъ, захотѣлъ ѣхать къ пожару, и приказаніями своими содѣйствовать прекращенію пламени. Ему представляли, что ни одинъ Султанъ не показывается народу до тѣхъ поръ, пока не совершится обрядъ препоясанія. Селимъ отвѣчалъ грознымъ взглядомъ, и приказалъ въ тужь минуту подавать лошадей. Собравшійся народъ, которому для ободренія брошены были деньги, провожалъ обратно Селима съ радостными восклицаніями до воротъ сераля. Никто не отважился предпринять что-либо противъ новаго Султана за нарушеніе прежняго обычая; другому это не прошло бы даромъ. Обрядъ препоясанія до того времени обыкновенно совершался при громѣ музыки и веселыхъ пляскахъ. Селимъ вмѣсто плясокъ приказалъ быть воен-

ному игрищу, приличному тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Чѣмъ менѣе Селиму благопріятствовало счастіе, тѣмъ онъ былъ тверже, непоколебимѣе. Когда въ 1791 году Императрица-Мать или Султанша Валида, впрочемъ весьма уважаемая Селимомъ, вопреки прозьбамъ его не вмѣшиваться въ дѣла государственныя, неотступно просила заключить миръ съ Россіею, Султанъ такъ разгнѣвался, что велѣлъ запереть *миролюбивую* мать свою въ старомъ сералѣ, гдѣ обыкновенно живутъ супруги прежнихъ Султановъ. Не смотря на то, еще въ томъ же году заключенъ миръ съ Екатериною II, скоро послѣ примиренія Порты съ Австріею. Въ Августѣ мѣсяцѣ подписаны предварительныя статьи въ С. Петербургѣ; 29 Декабря заключенъ окончательный договоръ въ Яссахъ.

Съ того времени Селимъ III началъ жить съ страшными своими сосѣдами въ дружескомъ союзѣ, которой сдѣлался потомъ еще тѣснѣе, когда Франція вознамѣрилась-было отнять у него Египетъ: извѣстно, что между Россіею и Портою заключенъ тогда договоръ оборонительный. Для такихъ смутныхъ временъ, какія Турецкая Имперія видѣла въ концѣ осмнадцатаго и въ началѣ девятьнадцатаго столѣ-

тій, потребны были отличныя способности и твердость духа. Имѣя во власти своей самые сильные способы, Порта не могла ни укротить мятежныхъ Пашей, ни обезпечить государство отъ разбойниковъ, коихъ толпы разоряютъ области! Въ послѣднюю войну противъ Франціи Селимъ изнемогалъ подъ бременемъ унынія, пагубнаго для предпріимчивости (*). И такъ неудивительно, что послѣ внѣшнихъ враговъ появились въ Египтѣ внутреннїе, что дерзскій Пасванъ-Оглу поднялъ оружїе въ Виддинѣ, и что храбрый Георгъ Черный рѣшился противиться Портѣ.

При такихъ обстоятельствахъ нерѣшительность есть зло опаснѣйшее, а особ-

(*) По вступленіи Французовъ въ Египетъ 1798 году, Султанъ Селимъ написалъ Каймакану своему въ Константинополѣ между прочимъ слѣдующее: „Когда оное несчастное извѣстіе, спустя мѣсяцъ послѣ неожиданнаго приключенія, дошло до Императорскихъ ушей нашихъ; тогда горесть наша была столь велика, что — Бога призываемъ во свидѣтели — слезы лились изъ очей нашихъ, и сонъ далеко улетѣлъ отъ нихъ.“ — О семъ было писано въ Нѣмецкомъ Политическомъ журналѣ. См. Октябрь 1798.

ливо въ Константинополѣ. Вельможи Селимовы скоро увидѣли, что мнимая дѣятельность, которая при нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается и въ обыкновенныхъ людяхъ, была въ Султанѣ не природная способность; они воспользовались симъ замѣчанїемъ. Дѣла при дворѣ Селима III пошли такимъ же порядкомъ, въ какомъ были при Абдулъ-Гамидѣ. Начались новыя сплетни; настали новыя перемѣны въ министерствѣ, новыя затѣи разныхъ партїй, новыя системы въ Диванѣ.

Селимъ Жигандари былъ лучшїй гражданинъ, нежели правитель. Образомъ мыслей онъ не походилъ на грубыхъ предковъ своихъ, и оказывалъ терпимость, приличную настоящему времени. Онъ даже писалъ изрядные стихи на Арабскомъ языкѣ; но для Турковъ нуженъ былъ *твердой* умъ, а не *острой*. Не одобряли въ Селимѣ любви къ деньгамъ, которыя онъ копилъ съ большимъ прилѣжанїемъ, нежели его предмѣстники; за то уже онъ былъ щедрѣе ихъ, и награждалъ охотнѣе.

Въ послѣднїе годы царствованїя Селимъ принялъ почти во всемъ противуположныя намѣренїя. Сперва онъ объявилъ себя врагомъ Франковъ, то есть Христїянъ Европейскихъ. Повинуясь движенїю сердца своего

онъ повелѣлъ всѣмъ Франкамъ и Евреямъ одѣваться не въ Турецкое платье, но во Французское. Это весьма огорчило Франковъ; ибо надлежало имъ терпѣливо сносить насмѣшки и поруганія Турковъ. Напротивъ того въ послѣдніе годы жизни Селимъ изъявлялъ особенную благосклонность Франкамъ, живущимъ въ Константинополѣ. Разсказываютъ о нѣкоторыхъ примѣрахъ, которыхъ не льзя найти въ Турецкой Имперіи; напримѣръ: Султаны думали, что санъ ихъ требуетъ вовсе не смотрѣть на Франковъ, и для того ѣдучи по улицѣ они обыкновенно потупляли взоры, или же съ презрѣніемъ отвращали ихъ отъ Франковъ. Напротивъ Султанъ Селимъ каждой разъ при торжественномъ шествіи въ мечеть благосклонно смотрѣлъ на Франковъ, и даже кланялся, когда они скидали шляпы, хотя сей знакъ почтенія не одобряется восточными жителями.

Извѣстно, что Селимъ, гуляя въ саду, иногда разговаривалъ съ Франками въ службѣ его находившимися, и самъ отдавалъ имъ свои повелѣнія. Въ нѣкоторые дни приглашалъ онъ въ сераль господъ и госпожъ Европейскихъ, живущихъ въ Перѣ и Галатѣ; между тѣмъ какъ гости забавлялись танцами, Султанъ смотрѣлъ на нихъ изъ-за решетки. Во время сихъ собраній иногда при-

казывалъ онъ играть на органахъ и пѣть любимую пѣсню свою *о походѣ Марлборуга* (*).

Слѣдующій истинный анекдотъ показываетъ, какъ былъ снисходителенъ Султанъ Селимъ ко Франкамъ. Въ одинъ прекрасный день лѣтній многіе Франки, въ Константинополѣ живущіе, съ женами и дѣтьми своими пріѣхали въ Буюкдеръ по случаю какого-то празднества. Въ то самое время Султанъ, гулявшій по морю, захотѣлъ побывать въ Буюкдерѣ, куда завела его можетъ быть хорошая погода, или вѣроятнѣе любопытное желаніе увидѣть многочисленное собраніе Франковъ. Между тѣмъ какъ всѣ гуляли по обширному лугу, небо покрылось облаками, и пошелъ сильной дождь. Женщины тотчасъ подняли свои зонтики. Надобно знать, что въ Турціи одинъ только государь имѣетъ право защищать себя отъ дождя и солнечнаго зноя, и что въ присутствіи его никому не дозволяется стоять подъ зонтикомъ. Видя приближающагося Султана, женщины тотчасъ начали опускать зонтики. Селимъ послалъ сказать имъ, чтобъ не безпокоились, и что онъ дозволяетъ имъ стоять подъ зонтиками въ немъ присутствіи.

Часто ходилъ онъ по городу переряжившись. Въ такихъ случаяхъ иногда надѣвалъ золотую чалму и Албанское платье, или чорную высокую шапку Арнаутскую и

(*) Marlborough s'en va-t-en guerre, и проч.

красную съ золотою застежкою епанчу, какія употребляются у Босняковъ. Обыкновенно провожали его не болѣе четырехъ человѣкъ, одѣтыхъ въ одинакое съ нимъ платье безъ малѣйшаго отличія. Въ числѣ сихъ сопутниковъ бываетъ *палачь*, которой всегда ѣздитъ и ходитъ съ Султаномъ, и тотчасъ исполняетъ волю государя своего, когда ему вздумается кому-нибудь отрубить голову. Извѣстно, что Султаны въ одну минуту сами рѣшаютъ уголовныя дѣла, и никому не отдаютъ въ томъ отчета. Такъ поступалъ и Селимъ при началѣ своего царствованія; однакожь послѣ никогда не дѣлалъ сего варварства, хотя и бралъ съ собою палача, слѣдуя прежнему обыкновенію. Онъ часто посѣщалъ училища, казармы, кофейные домы, воспитательныя заведенія и караулы, и не рѣдко награждалъ тѣхъ, которые снискали его благоволеніе, или коихъ ему хотѣлось заохотить къ усердной службѣ.

По законамъ Турецкой Имперіи каждой мущина, не изключая самаго Султана, долженъ умѣть какому-нибудь ремеслу. Селимъ научился рисовать по кисеѣ, и со времени его возшествія на престолъ искусство сіе такъ всѣмъ полюбилось въ серали, и въ такое вошло употребленіе, что наконецъ во многихъ домахъ начали покрывать софы и подушки цвѣтными кисеями.

Селимъ оказывалъ великое уваженіе матери своей Султаншѣ-Валидѣ, женщинѣ весьма умной. Она была прежде невольницею одного мусульмана по имени *Велизада*, и воспитывалась вмѣстѣ съ *Мурадъ-Беемъ*, которой послѣ прославился въ качествѣ начальника мамелюковъ. Во цвѣтѣ юности и красоты посчастливилось ей понравиться Султану Мустафѣ и сдѣлаться матерью Князя отъ поколѣнія Османова. Вообще всѣ Султанши съ отмѣнною нѣжностію любятъ дѣтей своихъ, и всегда сами кормятъ ихъ грудью; за то уже и дѣти чрезвычайно любятъ матерей своихъ. Султанши-матери съ давнихъ временъ имѣли великую силу при дворѣ Оттоманскомъ. Мать Селимова скончалась въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1805, на 73 году отъ рожденія. Она отлично уважала Французовъ, и сіе расположеніе не перемѣнилось даже тогда, когда они воевали въ Египтѣ.

Три сестры Селимовы въ замужство выданы за Пашей. Селимъ не оставилъ по себѣ ни одного сына. Нынѣшній Императоръ Мустафа и младшій братъ его Махмудъ, Абдуловы дѣти — изъ коихъ первому теперь 27 лѣтъ, второму 22 года — жили спокойно и въ изобиліи. Селимъ помня благодѣянія дяди своего, былъ милостивъ къ братьямъ; не смотря на то они, по восточному обыкновенію должны были жить уединенно, и только въ праздникъ Байрама имѣ-

ли дозволенїе являться у Султана и цѣловать его руку. Князьямъ Султанскаго дома обыкновенно достаются въ удѣлъ женщины извѣстныя по своему неплодїю; имъ дозволяется проводить время только съ черными евнухами; болѣе никого къ нимъ не допускаютъ.

Таковы потомки знаменитыхъ Султановъ, нѣкогда ужасавшихъ всѣ государства христїянскїя, учившихся и возмужавшихъ въ станѣ военномъ. Теперь обыкновенно толкуютъ имъ правила Корана, и поселяютъ въ нихъ ненависть къ исповѣдующимъ вѣру христїянскую; напротивъ того военная наука, политика, исторїя свѣта и вообще все что необходимо нужно знать правителю великой Имперїи, остается для нихъ тайною!

Селимъ низверженъ 29 Мая нынѣшняго года. Нѣкоторыя подробности о томъ, взятыя изъ иностранныхъ листковъ, помѣщены въ предшедшемъ нумерѣ Вѣстника Европы.

III.

Объ устройствѣ Испанскаго королевства.

Статистика въ наше время сдѣлалась наукою самою непостоянною. Можетъ быть не одинъ ученой, оканчивая сочиненїе о состоянїи какого-либо государства, принужденъ былъ бросать его въ огонь. Географїи

и Статистики многихъ странъ, писанныя передъ симъ года за два, нынѣ уже получили право на *древность*! Какъ узнать напримѣръ Германію или Италію по книгамъ, которыя сочинены въ концѣ истекшаго вѣка? Испанія принадлежитъ однакожь къ малому числу государствъ, для которыхъ прежнія Географіи годятся.

Статистика Испаніи мало извѣстна въ Европѣ. Ежегодно издаваемая въ Мадритѣ книга Kalendario manual, изъ которой можно почерпать вѣрныя свѣдѣнія о семъ королевствѣ, очень рѣдко появляется въ другихъ земляхъ: тѣмъ охотнѣе помѣщаемъ статьи, изъ нее выписанныя.

Въ Испаніи почитается выше всѣхъ достоинствъ *орденъ златаго руна*, коего глава нынѣшній Король Карлъ IV. Старшій кавалеръ сего ордена есть Князь Албертъ Саксенъ-Тешенскій; за нимъ слѣдуютъ: Король Сицилійскій Фердинандъ IV, Инфантъ Донъ Антоній, Графъ Прованскій и проч. Князь мира носитъ *златое руно* съ 1792 года. Наполеонъ, Іосифъ и Лудовикъ Буонапарте, Князь Луккскій, Князь Боргезе и Кардиналъ Фешъ получили орденъ сей въ 1805 году. Теперь кавалеровъ златаго руна считается 50. Учрежденный въ 1771 году орденъ Карла III состоитъ изъ 96 кавалеровъ большаго креста; въ томъ числѣ находятся: Сокровищехранитель Имперіи Лебренъ, Вице-Адмиралъ Декре, Маршалы

Лефеврѣ, Монсей и Ожеро. Нынѣшняя Королева Марія Луиза учредила дворянской орденѣ для Дамѣ.

Важное мѣсто Апостольскаго Нунція въ Испаніи занимаетъ нынѣ Донъ Педро Гравина, Архіепископъ Никейскій. Въ Испанскомъ королевствѣ считается восемь Архіепископствъ и столько же въ Западной Индіи.

Государственный Совѣтъ (Consejo de Estado), подъ предсѣдательствомъ Короля, составляютъ 35 членовъ, изъ которыхъ 11 въ отлучкѣ; сверхъ того есть 8 почетныхъ государственныхъ Совѣтниковъ. Дѣлами управляютъ государственные Секретари, точно какъ въ Англіи. — Верховной Королевской Совѣтъ (Consejo real y supremo) состоитъ изъ пяти отдѣленій. Въ Коллегіи для призрѣнія вдовъ и сиротъ засѣдаютъ первые чиновники государственные. Верховное судилище раздѣляется на два Сената. Духовное судилище, или Инквизиція, которая прежде была грозою для вѣрныхъ и невѣрныхъ, нынѣ состоитъ изъ 27 членовъ подъ предсѣдательствомъ Генерала Инквизитора, Архіепископа Саргосскаго. Въ важнѣйшемъ Совѣтѣ Индій (consejo Real y supremo de las Indias) засѣдаютъ пятьдесятъ два человѣка.

Въ Мадритѣ есть много Академій: Королевская Испанская, Историческая, Академія Художествъ, Медицинская, Экономическая, Юридическая, и наконецъ Θеолого-схоластико-догматическая. Въ разныхъ про-

винцїяхъ Испанскаго королевства учреждено 12 верхнихъ судилищъ подъ именемъ *Канцелляриї* и *Аудїенцїй*. Въ Американскихъ владѣнїяхъ порядокъ судопроизводства соотвѣтствуетъ Европейскому.

Если показанїе Мадритскаго календаря справедливо, то Испанская сухопутная сила весьма значительна. Верховной Совѣтъ военной, подъ предсѣдательствомъ самаго Короля, состоитъ изъ 18 членовъ; дѣлами правитъ государственной Секретарь Кабарелло. Генералиссимъ Князь мира есть главный начальникъ всѣхъ ополченїй. Генералъ-Капитановъ считается 5, Генералъ-Поручиковъ 92, Генералъ-Майоровъ 136, Бригадировъ 225. Корпусъ гвардїи, въ которомъ Полковникъ самъ Король, содержитъ въ себѣ четыре роты: Испанскую, Американскую, Италїянскую и Нидерландскую. Прочее войско придворное состоитъ изъ одной особливой роты, двухъ пѣхотныхъ полковъ и одной конной бригады карабинеръ, въ которой 6 эскадроновъ. Въ полевой пѣхотѣ считается 38 Испанскихъ полковъ, изъ коихъ въ каждомъ по 3 батальйона; 1 Италїянской полкъ, 6 полковъ Швейцарскихъ и 12 полковъ легкой пѣхоты; въ нихъ по 2 батальйона. Корпусъ артиллерїи состоитъ изъ 5 полковъ по 12 ротъ, въ числѣ коихъ по 2 конныхъ; далѣе — изъ 46 ротъ старыхъ артиллерисцовъ, и изъ 64 ротъ милицїи. Инвалиды и *прочїе* не упоминаются.

Къ инженерному корпусу принадлежатъ 8 Генералъ-инспекторовъ, 196 старшихъ и младшихъ офицеровъ и 1 полкъ минеровъ. Конница состоитъ изъ 24 полковъ, изъ коихъ въ каждомъ по 5 эскадроновъ. Сверхъ того въ Испаніи считается 8 батальйновъ провинціальныхъ гренадеръ, 43 полка милиціи, 1 корпусъ инваладовъ и городская милиція. Въ сіе число не входятъ войска, находящіяся въ Испанскихъ Американскихъ владѣніяхъ.

Князь мира есть Генералиссимъ не только сухопутныхъ силъ, но и морскихъ. За нимъ слѣдуютъ по списку Генералъ-Директоръ морскаго департамента 1, Генералъ-Капитановъ 5, Генералъ-Поручиковъ 29, Начальниковъ эскадры, или Генералъ-Майоровъ 24, Бригадировъ 44, корабельныхъ Капитановъ 80, фрегатныхъ Капитановъ 137. — О состояніи военныхъ кораблей ничего не сказано въ придворномъ календарѣ Мадритскомъ; вѣроятно потому, что число ихъ гораздо поуменьшилось въ продолженіе нынѣшней войны съ Англичанами.

IV.

Извѣстія.

Въ 84 мъ *бюллетинѣ* опять оказалась маленькая ошибка; тамъ написано, будто рядъ Французскаго войска примыкаетъ

къ Гродно. Пускай себѣ вѣрятъ этому Парижане, а мы знаемъ, да и сами Французы не отопрутся, что — кромѣ плѣнниковъ и бѣглецовъ — ни одинъ изъ нихъ не видалъ границъ Россійскихъ. Это сдѣлано вѣроятно въ послѣдній разъ; ибо время ошибокъ минуло, и въ Монитерѣ по прежнему начали помѣщать политическія извѣстія, а уже не *бюллетины*.

Въ Берлинѣ отправлено торжество по случаю мира между Франціею и Пруссіею, заключеннаго въ 9 день Іюля, и подтвержденнаго въ 12 день тогожь мѣсяца. Всѣ области Прусскія, на лѣвомъ берегу Эльбы лежащія, поступаютъ въ распоряженіе Французскаго правительства; слышно, что изъ сихъ областей, также изъ курфиршествъ Гессенъ-Кассельскаго, Брауншвейгскаго и другихъ земель составится Вестфальское королевство. Котбусской округъ, южная Пруссія, южная часть западной Пруссіи между Дризеномъ, Шнейдемилемъ, Валдау до Вислы, и оттуда вдоль по границѣ западной Пруссіи до ново-восточной Пруссіи, выключая Грауденцъ, Нейндорфъ, Паршкенъ и Швиркочинъ, также вся ново-восточная Пруссія — кромѣ юговосточной части, которая отходитъ къ Россіи — уступлены Саксоніи. Городъ Данцигъ съ окружностію на двѣ мили объявляется независимымъ, и будетъ состоять подъ покровительствомъ Пруссіи и Саксоніи. Въ договорѣ положено,

что Французскія войска должны выступить изъ Тильзита 20 Іюля, изъ Кенигсберга 25 Іюля, за рѣку Пассаржу 1 Августа, за Вислу прежде 20 Августа, за Одеръ прежде 5 Сентября, изъ Шлезіи и за Эльбу 1 Октября; изъ сего исключаются часть герцогства Магдебургскаго на правой сторонѣ Эльбы лежащая, также окрестности Пренцлау и Пазевалка, и городъ Штетинъ. Въ первыхъ мѣстахъ Французскія войска будутъ оставаться до 1 Ноября; срокъ выступленія ихъ изъ Штетина еще не назначенъ.

Отъ Е. В. Короля Прусскаго издана прокламація къ жителямъ областей и земель, которыхъ онъ лишается. „Любезные жители вѣрныхъ провинцій, областей и городовъ! извѣстны вамъ расположенія мои и произшествія истекшаго года. Неудачи постигли мое оружіе, и усилія послѣдняго остатка войскъ моихъ были тщетны. . . . . Мнѣ остается теперь желать мира для государства послѣ перенесенныхъ имъ военныхъ бѣдствій. Сей миръ заключенъ на такихъ условіяхъ, какихъ требовали обстоятельства. Онъ возложилъ на меня, на домъ мой, на все государство долгъ тягостный. Расторгнута связь, укрѣпленная временемъ, почтительностію предковъ, договорами, любовію и довѣріемъ. Мои и ближнихъ моихъ старанія ни къ чему не послужили! Судьба повелѣваетъ отцу разлучаться съ дѣтьми своими! Освобождаю всѣхъ васъ отъ обязан-

ностей подданства вразсужденіи меня и моего дома. Усерднѣйше желаемъ вамъ счастія при новомъ владѣтелѣ; будьте для него такими, какими для насъ были. Воспоминаніе о васъ навсегда останется въ душѣ моей."

Теперь вниманіе наблюдателей обращено на движенія Англіи и Франціи. Въ министерскихъ листкахъ пишутъ, что произшествія, на твердой землѣ случившіяся, не мѣшаютъ Англійскому правительству постоянно держаться принятыхъ намѣреній. Третіе отдѣленіе войскъ, назначенныхъ въ Померанію, посажено на суда 8 Іюля нов. ст. Второе отдѣленіе, изо 101 перевозныхъ судовъ состоящее, давно уже перешло черезъ Зундъ. Сами издатели Англійскихъ министерскихъ листковъ теперь вопіютъ и жалуются: для чего не посланы войска въ Балтійское море, когда Французы только еще дошли до Вислы? для чего не послано ни одного человѣка на твердую землю, когда неотступно была требуема помощь? для чего теперь уже *не впору* отправляютъ войска? для чего посланы войска въ Египетъ?

Англійская морская сила, какъ замѣчено въ одномъ листкѣ, большею частію разсѣяна теперь по всему земному шару, и многія войска сухопутныя находятся внѣ королевства. Что если Французы опять станутъ стращать Англію высадкою, какъ передъ симъ года за три? По крайней

мѣрѣ всѣ обстоятельства показываютъ, что очень скоро будетъ предпринято нѣчто весьма важное. Увѣряютъ, что правительство обратно вызываетъ изъ Египта находящееся тамъ войско; сверхъ того Контръ-Адмиралу Попгаму велѣно безпрестанно разъѣзжать по каналу; ибо въ Нидерландахъ собираются многолюдные корпусы, и вообще на берегахъ примѣтно великое движенїе.

⁂

Между Французами и Шведами произошло нѣсколько жаркихъ сраженїй; первые опять очутились передъ воротами Стралзунда. Е. В. Король Шведскїй предлагалъ перемирїе; Маршалъ Брюнъ отвѣчалъ, что готовъ начать переговоры, но не прежде, какъ получитъ въ залогъ — городъ Стралзундъ.

12 *Августа.*

КОНЕЦЪ XXXIV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ІЮЛЬ, No. 13.

Стран.

I. *Статья для неженатыхъ стариковъ.* - - - 3

II. *Люція Невиль.* - - 19

III. *Смерть.* - - - 29

IV. *Пѣсенка.* - - - 31

V. *Письмо къ Издателю.* - 32

VI. *Плаваніе эскадры къ городу Анапѣ, взятіе онаго; и обратное въ Севастополь прибытіе.* - 34

VII. *Зимній походъ Русскихъ и Французовъ въ 1806 и 1807 годахъ.* 43

VIII. *О началѣ и злоупотребленіяхъ прежняго Польскаго Уложенія.* 71

IX. *Извѣстія и замѣчанія.* - 76

ІЮЛЬ, No. 14.

I. *Іезуиты и Венеціянская республика.* - - - 81

II. *О сказкахъ и объ Англійскихъ писательницахъ.* - - 88

Стран.

III. *Котъ и зеркало.* - - 98
IV. *О древнихъ дорогахъ.* - - 100
V. *О храненіи тайны.* - - 105
VI. *О магіи.* - - - 111
VII. *О Горацієвой Піитикѣ, переведенной г-мъ Мерзляковымъ.* 116
VIII. *Политическія и статистическія замѣчанія о Турецкой Имперіи.* 128
IX. *О новыхъ произшествіяхъ на островѣ Сенъ-Доминго.* - 153

АВГУСТЪ, No. 15.

I. *Пещера на островѣ Антипаросѣ.* 161
II. *Каллунъ и Соколъ.* 176
III. *Перевень письма изъ Лондона.* 178
IV. *О романахъ.* - - 180
V. *Нѣчто для военныхъ.* - 188
VI. *Историческіе отрывки.* - 194
VII. *Смѣсь.* - - 200
VIII. *Политическія и статистическія замѣчанія о Турецкой Имперіи.* 207
IX. *Выписка изъ Берлинскихъ писемъ.* 227
X. *Извѣстія и замѣчанія.* - 235

АВГУСТЪ, No. 16.

Стран.

I. *Домъ сумасшедшихъ.* - - 241
II. *Сады. (Отрывокъ, подражанїе Деллилю.)* - - - 254
III. *Волшебные перстни.* - - 259
IV. *Евгенїю. Жизнь Званская. 1807 г. въ Маѣ.* - 268
V. *Извлеченїе изъ Путешествїя г-на Оливье.* - - - 282
VI. *О первой Русской Грамматикѣ.* 291
VII. *Выписка изъ Берлинскихъ писемъ.* (окончанїе) - - 296
VIII. *Селимъ III Жигандари.* - 299
IX. *Объ устройствѣ Испанскаго королевства.* - - - 309
X. *Извѣстїя.* - - - 313